

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П – 685

L - 41

International scientific journal  
**LAW AND POLITOLOGY**

Международный научный журнал  
**ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ**

**№ 31**

Chisinau

September - 2015

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized «Law and Politology» as a journal in law, political science, making part of „B” scientific journal (Decision no. 151 of 21 July 2014).

The journal „Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners

**INSTITUTE OF LEGAL AND POLITICAL RESEARCH OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA**

**GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)**

**INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN**

**THE INSTITUTE OF LEGISLATIVE CREATION AND COMPARATIVE LAW MOLDOVA**

#### **EDITORIAL BOARD**

**Mariam Tsatsanashvili** - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Georgia**)  
**Ion Guceac** - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)  
**Kamal Makili-Aliyev** - PhD, doctor of Law - co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)  
**Guram Markhulia** - PhD, doctor of History, ass. Professor (**Georgia**)  
**Namig Aliyev** - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)  
**Hijran Huseynova** - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)  
**Ayten Mustafaeva** - PhD, doctor of Law (**Republic of Azerbaijan**)  
**Victor Moraru** - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)  
**Tariel Sikharulidze** - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)  
**Gheorge Costachi** - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)  
**Ruslan Shevchenko** - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)  
**Lew Spivak** - Professor (**Israel**)  
**Irina Galayeva** - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

#### **COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL**

**Lala Ahmadova** - doctor of Philological Sciences (**Republic of Azerbaijan**)  
**Tamara Kiknadze** - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)  
**Andrei Smochina** - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)  
**Tariel Sikharulidze** - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)  
**Kamil Salimov** - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)  
**Anzor Totadze** - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)  
**Victor Balmus** - doctor of Law, conf. (**Republic of Moldova**)  
**Nazim Imanov** - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)  
**Eliko Tsiklauri-Lamich** - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

**Technical editor - Eugenia Tofan**

**The journal is being issued since 2007**

Address: Chisinau,  
Moldova. Tel/FAX: +37322270313,  
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered  
16th of august in 2007.  
Reg. № 2320

**The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors**

Решением Высшего Совета по Науке и Технологическому Развитию Академии Наук Молдовы и Национального Совета по Аккредитации и Аттестации журнал «Право и Политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «Б» (решение № 151 от 21 июля 2014 года).

**Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров**

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ  
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК  
АЗЕРБАЙДЖАНА**

**ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)**

**ИНСТИТУТ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА (МОЛДОВА)**

#### **РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**Мариам Цацанашвили** - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Грузия)  
**Ион Гучак** - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)  
**Камал Макили-Алиев** - доктор философии в праве - сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)  
**Гурам Мархулия** - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)  
**Намик Алиев** - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)  
**Хиджран Гусейнова** - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)  
**Айтян Мустафаева** - доктор философии в праве (Азербайджанская Республика)  
**Виктор Морару** - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)  
**Тариел Сихарулидзе** - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)  
**Георгий Костаки** - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)  
**Руслан Шевченко** - доктор истории (Республика Молдова)  
**Лев Спивак** - профессор (Израиль)  
**Ирина Галаева** - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

#### **НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ**

**Лала Ахмедова** - доктор филологических наук (Азербайджанская Республика)  
**Тамара Кикнадзе** - доктор политических наук, профессор (Грузия)  
**Андрей Смокинэ** - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)  
**Тариэл Сихарулидзе** - доктор филологических наук, профессор (Грузия)  
**Камиль Салимов** - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)  
**Анзор Тотадзе** - доктор экономических наук, профессор (Грузия)  
**Виктор Балмуш** - доктор права, доцент (Республика Молдова)  
**Назим Иманов** - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)  
**Элико Циклаури-Ламих** - доктор права (Германия)

**Технический редактор - Еужения Тофан**

Журнал выходит с 2007 года  
Адрес: Кишинэу, Молдова  
Тел/FAX: +373 22270313,  
E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован  
16 августа 2007 г.  
Регистрация № 2320

**Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции**

# CONTENT

## LEGAL SCIENCES

<b>Namik Hasan oglu ALIYEV, Hasan Namik oglu ALIYEV</b> SOME QUESTIONS ABOUT LOCAL SELF-GOVERNMENT IN AZERBAIJAN IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH- EARLY TWENTIETH CENTURY .....	6
<b>Ghulam SHUKUROV</b> LEGAL BASIS FOR REGULATION IN THE FIELD OF INFORMATION .....	10
<b>Oleg PANTEA</b> THE LAW WITHIN THE CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION PROCESS, THROUGH THE APPLICATION OF THE LEGAL NORM BY THE STATE BODIES .....	15
<b>Orkhan MUSAYEV</b> EMERGENCE OF PUBLIC POLICY CSR IN THE EU .....	19
<b>Andrei GUCEAC</b> THE CONSTITUTIONAL PROVISIONS REGARDING THE SOVEREIGNTY OF THE EUROPEAN UNION MEMBER STATES .....	29
<b>Ion GUCEAC</b> THE PECULIARITIES OF THE REGULATION OF THE RIGHT TO LIFE IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA .....	34
<b>POLITICAL SCIENCE</b>	
<b>Valerian DOLIDZE</b> THE WAR AND THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS .....	37
<b>Ali HASANOV</b> STAGES OF ETHNIC CLEANSING AND GENOCIDE AGAINST THE AZERBAIJANIS .....	43
<b>Ayten RAMAZANOVA</b> THE MAIN THREATS TO THE NATIONAL SECURITY OF THE SOUTH CAUCASUS REGIONAL SECURITY SYSTEM: A CONCEPTUAL APPROACH .....	51
<b>Nazim MAMDOV</b> FOREIGN EXPERIENCE IN ENSURING SECURITY IN CYBERSPACE AND SOCIAL MEDIA.....	55
<b>Sura HUSEYNOVA</b> PROSPECTS AND CHALLENGES OF THE EU’S ROLE IN THE NEW EUROPEAN SECURITY ARCHITECTURE .....	61
<b>Lala Ahmedova FARMAN KYZY</b> A CULTURE OF SPEECH AND RHETORICAL SCHOOLS THAT EXIST.....	69

## СОДЕРЖАНИЕ

### ПРАВОВЫЕ НАУКИ

**Намик Гасан оглу АЛИЕВ, Гасан Намик оглу АЛИЕВ**

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА  
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА .....6

**Гулам ШЮКЮРОВ**

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ .....10

**Олег ПАНТЯ**

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ КАК ОСНОВНАЯ  
ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРО ИНТЕГРАЦИИ .....15

**Орхан МУСАЕВ**

ПОЯВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КСО В ЕС .....19

**Андрей ГУЧАК**

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА  
В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ НОРМАХ .....29

**Ион ГУЧАК**

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЗНЬ  
В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА .....34

### ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

**Валериян ДОЛИДЗЕ**

ВОЙНА И СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....37

**Али ХАСАНОВ**

ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКИХ ЧИСТОК И ГЕНОЦИДА ПРОТИВ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ .....43

**Айтен РАМАЗАНОВА**

ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОГО КАВКАЗА  
В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД.....51

**Назим МАХМУДОВ**

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА  
И СОЦИАЛЬНЫХ СМИ .....55

**Сура ГУСЕЙНОВА**

ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ РОЛИ ЕВРОСОЮЗА В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ  
ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ .....61

**Ахмедова Лала ФАРМАН КЫЗЫ**

КУЛЬТУРА РЕЧИ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ РИТОРИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ.....69



**Намик Гасан оглу АЛИЕВ,**  
доктор юридических наук, профессор,  
Государственный советник 2 класса



**Гасан Намик оглу АЛИЕВ,**  
магистр конституционного права

## НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

### *Правовые основы и статус органов местного самоуправления на территории Азербайджана во второй половине XIX – в начале XX века*

Развитие капиталистических производственных отношений во второй половине XIX века обусловило реформу феодально-крепостнической системы Российской империи, которая к этому времени уже стала тормозом в развитии производительных сил страны. Отменив в 1861 году крепостное право, царское правительство проводит ряд буржуазных реформ в области суда, печати, земского и городского самоуправления. Реформы имели, безусловно, прогрессивное значение, поскольку их осуществление отвечало потребностям капиталистического развития страны, являлось важным этапом на пути преобразования феодально-монархического строя России в буржуазно-монархический.

Одной из важнейших среди осуществляемых реформ являлась реформа городского самоуправления. Отмена крепостного права и развитие капитализма в России обусловили быстрое развитие городов и рост численности их населения, что поставило власти перед необходимостью проведения городской реформы. Подготовка общей реформы городского самоуправления во всех городах России началась в 1862 г. Ее

правовую основу составляло «Городовое положение», разработка проекта которого затянулась на восемь лет. Проект Городового положения был подготовлен в 1864 г. До марта 1866 г. он дорабатывался и обсуждался, после чего был представлен на рассмотрение Государственного Совета. Два года он пролежал без движения и лишь в 1868 г. вновь стал рассматриваться [1].

Городовое положение было утверждено царем 16 июня 1870 года. Его разработчики находились под значительным влиянием общественно-хозяйственной теории самоуправления. Теоретическое обоснование земской и городской реформ содержится в работах таких сторонников концепции общественного самоуправления как В. Н. Лешков, А. И. Васильчиков и др. [2].

Перестройка местных учреждений должна была быть осуществлена в соответствии с новыми политическими и социальными условиями. Перед царским правительством встала задача ликвидации административной опеки и произвола, которые сковали и парализовали всякую общественную самостоятельность, создание органов самоуправления, в которых были бы представлены все сословия.

Принятию «Городового положения» предшествовала восьмилетняя подготовительная работа,

## НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

к которой были широко привлечены города. Столь масштабного участия в подготовке общероссийского правового акта царская Россия в своей истории больше никогда не знала. В каждом городе создавались специальные комиссии для выработки мероприятий по улучшению городского самоуправления, от которых поступило около 600 отзывов с многочисленными предложениями, в т.ч. с предложением об устранении вероисповедных ограничений при выборах, расширении прав городского самоуправления. К 1864 году был составлен первоначальный проект Городового положения, который в дальнейшем был существенно переработан.

После утверждения Городового положения его действие было введено вначале лишь во внутренних губерниях России. Осуществление городской реформы на Южном Кавказе (Закавказье) всячески оттягивалось. Основной предлог: отсутствие у «иностранцев» навыков организации самоуправления и обременительность для граждан расходов на городские реформы. Эта политика находила свою поддержку у наместников на Кавказе, губернаторов и других чиновников. Например, Бакинский губернатор предлагал сохранить управление городами в руках полиции, а городские думы создать в качестве совещательных органов при них. Только в такой форме он считал возможным в порядке опыта осуществление Городового положения 1870 года в Баку [3].

Специальный царский Указ от 28 октября 1874 года определял порядок введения в городах «Закавказского края» городового положения 1870 года. В соответствии с этим указом ответственность за введение Городового положения на Южном Кавказе (Закавказье) возлагалась на наместника Кавказа. В его компетенцию входило установление последовательности введения Городового положения в различных городах, определение полномочий, которые передавались органам городского самоуправления в момент образования, и которые предстояло передать со временем. Лишь в 1878 году органы городского самоуправления были введены в Баку и Гяндже (Елизаветполе).

Количество гласных в городских думах устанавливалось в зависимости от численности избирателей в пределах от 30 до 72. Города, где число избирателей не превышало 300 человек, имели думу с 30 гласными. Увеличение этого количества избирателей на каждые 150 человек прибавляло в городскую думу по 6 гласных. Однако предельное количество гласных в городских думах было установлено в 72 человека. Именно таким был состав Бакинской городской думы. Гласные городской думы не несли никакой ответственности перед избравшими их членами общества. Так, в соответствии со статьей 40 Городового положения избиратели не имели права давать гласным никаких инструкций.

В компетенцию городских органов самоуправления входило установление городских сборов и налогов, содержание в порядке и чистоте улиц, площадей и мостовых, устройство рынков, меры предосторожности против пожаров и т.п. Предусматривалась организация специальных органов управления городом, призванных заниматься вопросами городского хозяйства, благоустройства и т.п. Однако значительная часть местного бюджета «уходила» на «обязательные расходы», в числе которых были расходы на содержание полиции и расквартирование войск.

Вместе с тем, новое Городовое положение 1892 года предоставляло возможность организации упрощенного общественного самоуправления в тех городских населенных пунктах, где применение Городового положения в полном объеме признавалось невозможным «по недостаточности городских средств, свойству занятий населения и степени развития торговли и промыслов». Подобное упрощенное самоуправление в 1897 году было введено в таких городах Азербайджана, как Ленкорань, Нуха (Шеки), Губа, Шамахи и некоторых других.

Если при общественном управлении, осуществляемом в полном объеме, создавалась городская дума с несколькими десятками гласных, то при упрощенном городском общественном самоуправлении учреждалось собрание городских уполномоченных численностью 12-15 человек. Функции исполнительного органа собрания вместо городской управы и городского головы выполнял городской староста с одним или двумя помощниками. Однако эти органы не обладали сколь либо серьезными полномочиями, поскольку не были компетентны принимать обязательные для исполнения акты и изменять городские планы.

Следует отметить, что в отличие от городской реформы земская реформа, начатая в центральных губерниях России в 1864 году, в Азербайджане не осуществлялась. Правда, она была обещана подписанной наместником Воронцовым-Дашковым Декларацией 1905 года, однако это обещание осталось лишь на бумаге.

### *Выборы в городские органы самоуправления*

Избирательной системе в городские органы местного самоуправления был посвящен специальный раздел Городового положения 1870 года «О городских избирательных собраниях». Согласно ему, формирование органов местного самоуправления было ограничено имущественным цензом, в соответствии с которым гласными городских дум могли быть избраны только домовладельцы, собственники торговых объектов, владельцы промышленных предприятий, банков и т.п. Неимущее население не имело правовой основы для избрания в органы городского самоуправления.

**Намик Гасан оглу АЛИЕВ, Гасан Намик оглу АЛИЕВ**

Активным избирательным правом пользовались те, кто обладал имущественным цензом и участвовал в платежах городских сборов. В эту категорию входили владельцы недвижимости, содержатели торговых и промышленных заведений, а также (при условии непрерывного перед выборами двухлетнего проживания в городе) «обладатели свидетельств купеческих или промысловых на мелочный торг или приказчицкого 1 разряда, а также билетов на содержание промышленных заведений» [4].

Особенностью формирования органов городского самоуправления явилось то, что наряду с физическими лицами в избрании гласных дум могли участвовать также юридические лица: ведомства, учреждения, общества, товарищества, монастыри и церкви, при условии уплаты ими городских налогов.

Городовым положением 1892 года были внесены некоторые изменения. Так, избирательное право предоставлялось только лицам и учреждениям (правительственным, благотворительным учебным и научным), которые не менее, чем в течение года, являлись собственниками в пределах города недвижимого имущества стоимостью от 300 до 3 тысяч рублей (в зависимости от значения города и численности его населения), а также «лицам, обществам и товариществам, содержащим в пределах города торгово-промышленные предприятия, требовавшие выборки свидетельств первой и второй гильдии».

Также интерес представляло составление списков избирателей и порядок проведения самих выборов по положению 1870 года. 6 и 9 декабря 1877 г. газета «Бакинские известия» обнародовала распоряжение наместника Кавказа о введении Городового положения в Баку и о создании подготовительной комиссии. 14 августа 1877 г. эта комиссия подготовила списки избирателей [5].

Избирательные списки составлялись в соответствии с размерами уплачиваемых сборов и налогов в городскую кассу. При этом все избиратели делились на три разряда с таким расчетом, чтобы по каждому разряду сумма взносов составляла одну треть всех городских сборов. В первый разряд входили наиболее крупные плательщики, во второй – средние, а в третий – наиболее мелкие. Однако при этом каждый разряд представлял собой отдельное избирательное собрание, выбиравшее одну треть из общего числа гласных городской думы.

Вместе с тем, в Городовом положении имел место также ценз по признаку вероисповедания и национальности. Так, представительство от избирателей-азербайджанцев в составе городской думы не могло превышать половины состава гласных. В выборах в Бакинскую городскую думу, имевших место 6-7 декабря 1877 года, участвовало 3399 избирателей (10 избирателей первого разряда, 155 – второго, 3234 – третьего), которые должны были выбрать 72 гласных (по

24 – каждый разряд). В соответствии с положением 2900 «иноверцев» – мусульман могли выбрать такое же количество гласных Бакинской городской думы, как и 499 христиан (русских и армян).

В соответствии с Городовым положением 1870 года в городах, с числом избирателей не более 300 чел., выбирались 30 гласных. На каждые 150 избирателей сверх этого количества выбирались еще по 6 гласных. При этом общее число не могло превышать 72 гласных.

С принятием Городового положения 1892 года национальное и религиозное неравенство еще более усугубилось. Была отменена трехразрядная система, а выборы гласных были установлены в одном собрании. В соответствии со статьей 44 вышеназванного акта число гласных из нехристиан не должно было превышать одной пятой от общего количества гласных городской думы. Право отступления от этого правила, в случае недостатка в городе христианского населения, было предоставлено министру внутренних дел. В порядке исключения, мусульманам в Бакинской городской думе была предоставлена одна треть мест. Этот порядок действовал при выборах в городскую думу в 1893 и в 1897 годах. Лишь в 1900 году статья 44 Городового положения была изменена и изложена в редакции Городового положения 1870 года.

Голосование по выборам в городскую думу было организовано за каждого кандидата в гласные отдельно. Голосовали избирательными шарами, которые опускались в избирательный ящик, разделенный на две части: в одну сторону опускались шары за кандидата, в другую – против. Относительного большинства голосов было достаточно для избрания в гласные. Однако, если такое большинство голосов получало большее, чем необходимо, число кандидатов, гласными считались избранные, набравшие наибольшее количество голосов. При равенстве набранных избирательных шаров судьбу мандата решал жребий. Гласные, выбранные сверх установленной нормы, получали статус кандидатов в гласные.

Выборы уполномоченных в упрощенное городское общественное самоуправление производились на сходе местных владельцев недвижимости стоимостью не менее 100 рублей.

*Административный контроль за законностью в деятельности органов самоуправления в Азербайджане во второй половине XIX века*

Уже в то время был известен административный контроль законности действий органов общественного самоуправления, который осуществлял губернатор с состоявшим при нем «губернским по городским делам». Компетенция органа административного контроля была достаточно широкой. Так, например, в статье 5 Городового положения предусматривались



## НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

28 случаев, когда распоряжения и действия городских дум и управ требовали утверждения и наблюдения губернских властей.

Однако административный контроль был еще более расширен, когда в 1892 году Александр III ввел в действие новое Городовое положение. Теперь надзор губернатора осуществлялся не только с точки зрения законности, но и с позиций целесообразности действий городских дум и управ. На губернское присутствие по городским делам был возложен контроль законности и правильности любого постановления и распоряжения органов самоуправления. Подавляющее большинство актов органов местного самоуправления вступало в силу после утверждения губернатором.

Таким образом, в соответствии с Городовым положением губернатор получил возможность вмешательства практически во все дела органов городско-

го общественного самоуправления, в том числе и в вопросы формирования этих органов. Так, в статье 119 Городового положения предусматривалось, что в случае не утверждения губернатором лиц, избранных на должности городского головы, а также членов городской управы и городского секретаря, или же несостоявшихся выборов, губернатор предлагал повторно провести выборы без права участия в них лиц, не утвержденных губернатором. В случае, если выборы опять признавались не состоявшимися либо если избранные должностные лица не проходили губернаторского утверждения, то губернатор имел право единолично назначить на эти должности желаемых лиц. Городовое положение 1892 года предоставляло губернатору право применять к должностным лицам городского самоуправления дисциплинарные взыскания, в том числе и отстранять от должности.

### Литература:

1. См.: Оджагова, К. Р. Городское самоуправление в Баку в конце XIX – в начале XX вв. – Баку: Нурлан, 2003, с. 19.
2. См.: Кутафин, О. Е., Фадеев, В. И. Муниципальное право Российской Федерации. – Москва: Юристъ, 1997, с. 66.
3. См.: Мильман, А. Как избирались органы «самоуправления» в дореволюционном Азербайджане. – Баку, 1961, с. 8.
4. Там же, с. 14.
5. См.: Оджагова, К. Р. Городское самоуправление Баку в конце XIX – в начале XX вв. – Баку: Нурлан, 2003, с. 41.



**Гулам ШОКЮРОВ,**  
диссертант кафедры Международное частное право  
и европейское право Бакинского государственного  
университета

### ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

С развитием информационно-коммуникационных технологий глобализируются не только СМИ, но и индивидуальные средства информации. В результате, возникает глобальное информационное пространство, позволяющее получать и распространять информацию в мировом масштабе. Развитие средств трансграничной передачи информации обуславливает повышение роли международного права в регулировании отношений в данной области. Развитие современного информационного общества преодолевает границы конкретного государства, приобретая глобальный характер. Поэтому правовое регулирование информационных отношений, наряду с внутригосударственными средствами, характеризуется также и международными элементами. Этот фактор обуславливает создание многочисленных международных правовых норм.

Международный опыт свидетельствует, что при легализации информационных отношений учитываются, в первую очередь, общечеловеческие принципы, особенно, суверенность государств и верховенство прав человека.

В отличие от прочих правовых норм, предмет регулирования норм информационного права составляет группа общественных норм, возникающих в связи с реализацией информационных прав и свобод человека в области информации. Следует отметить, что в силу обладания нормативным и общечеловеческим характером, исполнение, реализация и применение установленных информационным правом правил (при нарушении или не исполнении требований норм информационного права) обеспечивается, по необходимости, мерами государственного принуждения.

Законодательство, отражающее информационные правовые нормы и составляющее источник информационного права, классифицируется с учетом:

- 1) реализации права на поиск и получение информации (нормы конституционного права);
- 2) гражданского оборота информации;
- 3) формирования информационных ресурсов, их подготовки и предоставления информационных услуг;

4) создания и применения информационных систем, их сетей, информационных технологий и средств их обеспечения;

- 5) информационной безопасности;
- 6) средств массовой информации;
- 7) библиотечного дела;
- 8) архива;
- 9) государственной тайны;
- 10) коммерческой, служебной тайны;
- 11) индивидуальных сведений [8, с. 52].

Такие авторы, как А. К. Иванов, А. В. Задорожный, А. В. Пазюк в своих трудах совершенно справедливо отмечают формирование информационного права как самостоятельной области международного права [7, с. 230].

Международное информационное право регулирует взаимосвязи и сотрудничество государств в области информации.

По мнению С. М. Кудряшова, международное информационное право регулирует правовые отношения по следующим основным областям, в которых правовые отношения связаны:

- 1) с информационным правом индивида;
- 2) с обменом информацией между субъектами международного права;
- 3) с новыми информационными и коммуникационными технологиями;
- 4) с иностранными средствами массовой информации;
- 5) с рекламой в средствах массовой информации;
- 6) информационной безопасностью;
- 7) с защитой интеллектуальной собственности;
- 8) с проведением избирательной кампании посредством средств массовой информации [9, с. 98].

И. Н. Забара считает, что создание международного информационного права, особенно, распространение средств информации и коммуникации было связано с возникновением и развитием области специфических международных отношений в результате применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и широко-

## ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

масштабного использования информации использования. Процессы экономической глобализации в конце XX – начале XXI веков, стремительное развитие и распространение ИКТ привели к серьезным изменениям. Началось изменение содержания и характера уже проявляющихся международных информационных отношений. В ряде наук возникла задача научного осознания этих новых, стремительно развивающихся отношений. Не стало исключением в этом плане и международное право. Постепенно в науку международного права стало входить новое понятие места, роли и значения информации. Актуализировались вопросы международного правового режима отдельных видов информации и информационной деятельности, а также связанные с развитием глобального информационного общества правовые вопросы [13, с. 128].

В качестве правового отражения информационного общества основу информационного права должны составлять нормы международного права, регулирующие основные группы информационных отношений на межгосударственном уровне. По сути, международное право должно составлять ее правовую основу, т.к. в информационном обществе географические и геополитические границы, практически, отсутствуют [15].

Глобальное информационное общество основано на фундаментальном компромиссе. С одной стороны, его наличие требует передачу огромного объема массы информации, а с другой стороны, в случае отсутствия обеспечения соответствующего контроля, могут иметь место значительные нарушения частных прав [8, с. 31].

В глобальном информационном пространстве сформировались следующие модели правового регулирования:

1. Континентальная (европейская) модель. Эта модель направлена на обеспечение государствами баланса между международным контролем и особыми (частными) инициативами. Она обладает следующими особенностями:

– законодательство жестко регламентирует частные инициативы;

– первое место принадлежит службам по функциональному и практическому информированию граждан.

2. Англо-американская модель. К характерным особенностям данной модели относится следующее:

– полная либерализация рынка информационных технологий;

– государственный контроль сведен к минимуму, частные инициативы поощряются на максимальном уровне;

– главная цель правового регулирования состоит в стимулировании технического прогресса;

– существует оперативное законодательство;

– информационные технологии имеют, в основном, развлекательную направленность.

3. Азиатская модель. Эта модель характеризуется следующими особенностями:

– государство участвует во вложении крупных объемов инвестиций в развитие информационных технологий;

– создаются и материальные, и социальные структуры;

– эта модель основана на иерархичности общества [8, с. 37-39].

Среди межгосударственных организаций общей компетенции ведущая роль в области международного правового регулирования информационных отношений принадлежит ООН. Сближение и согласование позиций государств в области информации стало одной из основных функций ООН с момента создания. Главная роль в нормативном обеспечении информационной деятельности принадлежит Генеральной ассамблее ООН. Согласно статье 19 Всемирной декларации прав человека, принятой Генассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений, а также свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами, независимо от государственных границ. Декларация защищает все формы выражения и распространения идей, в том числе все виды средств выражения, основанные на аудиовизуальных, электронных и интернет-технологиях.

Согласно статье 19 международного Пакта «О гражданских и политических правах», каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений; каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами, по своему выбору. Пользование предусмотренными в этой статье правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и стать необходимыми для:

a) уважения прав и репутации других лиц;

b) охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения [4, с. 35].

Е. А. Кретьева совершенно справедливо отмечает, что ООН играет исключительную роль в реализации концепции информационное общество. Характерной чертой резолюций ООН является высочайшая степень обобщения существующих проблем информационного общества. В них отмечается значение

## Гулам ШЮКЮРОВ

концепции информационного общества для мировой общественности в целом, в том числе для отдельных государств, гражданского общества и частного сектора. ООН также различает основные проблемы использования информационно-коммуникационных технологий в целях развития информационного общества и кибербезопасности [10, с. 108].

Резолюции Генассамблеи ООН создают основу для разработки и принятия межгосударственных договоров в области информации.

По мнению И. Н. Забара, учитывая возрастание роли и значения информации, развитие информационно-коммуникационных технологий, создание глобальных информационных сетей и систем, ООН взяло на себя роль координатора правового регулирования следующих важных вопросов:

- 1) формирование информационного общества;
- 2) использование информационно-коммуникационных технологий в целях развития;
- 3) борьба с преступным использованием информационных технологий;
- 4) международная информационная безопасность;
- 5) создание культуры глобальной кибербезопасности и защита важнейших информационных структур [14, с. 140].

В качестве одного из первых международных документов, закрепляющих право на поиск, получение и распространение информации, выступает Резолюция Генассамблеи ООН №59 (I) от 14 декабря 1946 года «Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации». В данной Резолюции указывается, что свобода информации является основным правом человека и представляет собой критерий всех видов свободы. Свобода информации подразумевает право повсеместно и беспрепятственно собирать, передавать и опубликовывать информационные сведения. Вследствие этого она является основной предпосылкой для всякой серьезной попытки способствовать достижению мира и мировому прогрессу. Для реализации всего сказанного, необходимы взаимопонимание и сотрудничество между народами, бдительное и здоровое всеобщее общественное мнение. В свою очередь, подобное общественное мнение полностью зависит от свободы информации.

В 1948 году была проведена Конференция ООН по вопросу свободы информации. В итоге конференции были приняты проекты трех конвенций («О свободе информации», «О сборе и международной передаче вестей», «О праве международного опровержения») и 43 резолюции.

Наряду с перечисленными, в разное время Генассамблеей ООН было принято множество других резолюций и постановлений, регулирующих информационные отношения.

В целом, до 2001 года ООН последовательно поддерживал концепцию нового информационного порядка, основными принципами которого являются:

- реализация международного информационного обмена на основе принципов международного права;
- обладание каждым государством правом развивать свою информационную систему;
- право каждого государства информировать мировую общественность о своих интересах посредством собственных средств информации;
- право каждого народа оперативно получать объективную и полную информацию;
- равенство в международном обмене информацией;
- ответственность различных субъектов информационного процесса за объективность и точность информации;
- борьба каждого государства в рамках закона с распространением ложных и искаженных сведений, способных препятствовать развитию добрососедских отношений народов;
- право индивидов получать объективные сведения о событиях в мире на основе точной и достоверной информации.

В 2001 году Генассамблея ООН приступила к подготовке всемирного саммита по информационному обществу, который состоялся 12 декабря 2003 года. На саммите развитым и развивающимся странам было рекомендовано продолжить совместные усилия по выявлению новых путей использования информационных технологий для достижения согласованных на международном уровне целей [16].

В Резолюции ООН от 20 декабря 2002 года (№57/29) «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в целях развития» подчеркивается использование информационно-коммуникационных технологий в качестве стратегического механизма увеличения рациональности программ по развитию и мер по сотрудничеству в системе технического сотрудничества ООН.

В статье 10 Европейской конвенции «О защите прав и основных свобод человека» отмечается, что каждый обладает свободой выражения своих мыслей. Это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами, независимо от каких-либо препятствий со стороны органов государственной власти и государственных границ. Эта статья не препятствует предъявлению государствами к предприятиям радиовещания, телевидения и кинематографии требований по лицензированию. Реализация этих свобод может быть обусловлена определенными официальными требованиями, условиями, ограничениями или санкциями, предусмотренными зако-

## ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

ном, в целях обеспечения интересов национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, защиты здоровья и нравственности, прав и репутации других лиц, предотвращения раскрытия полученных конфиденциальным путем сведений или обеспечения авторитета и беспристрастности расследования, необходимых для демократического общества [2].

Также ЕС был принят ряд документов по вопросам информации. Одним из них является Декларация Кабинета министров ЕС «О правах человека и верховенстве права в информационном обществе» от 13 мая 2005 года. В Декларации признается, что ИКТ являются движущей силой информационного общества, влияют на экономический рост и социальное развитие, а также на производительность труда. На права человека они способны оказывать как положительное, так и негативное влияние.

ЕС приняты резолюции о неприкосновенности личной жизни, свободы мысли, расизме и ксенофобии в СМИ, о СМИ и демократической культуре, информационном обществе, электронном мире и пр. Стержнем этих резолюций является построение информационного общества и доступность информации.

В Рекомендации Кабинета министров ЕС от 22 ноября 1994 года «О мерах обеспечения прозрачности средств массовой информации» указывается, что общественность должна иметь возможность знакомиться с некоторыми основными сведениями о СМИ на справедливой и объективной основе.

В 1995 году ЕС принял резолюцию о стратегии вступления Европы в информационное общество. С целью построения информационного общества каждая европейская страна обязана иметь посвященные формированию соответствующей национальной политики программы.

Одним из важнейших источников международного информационного права является Окинавская Хартия глобального информационного общества. Согласно этой Хартии, принятой на проходившей в июле 2000 года в Окинаве встрече лидеров стран «большой восьмерки» (Англия, Германия, Италия, Канада, Россия, США, Франция и Япония), информационно-коммуникативные технологии в XXI веке выступают в качестве одного из важнейших факторов, оказывающих влияние на формирование информационного общества. Эти технологии в кратчайшие сроки становятся важнейшим стимулом развития мировой экономики, предоставляя возможность для более рационального и творческого решения экономических и социальных проблем [11, с. 52]. Данный документ направлен на сочетание усилий международного сообщества по созда-

нию единого информационного пространства общественного производства человечества.

Закрепляющие информационное право международные документы не ограничиваются лишь перечисленными, к ним также можно отнести следующие документы:

1. Соглашение «О международном обмене визуальными и голосовыми материалами образовательного и научного характера» (1948);
2. Всемирная Конвенция «Об авторских правах» (1952);
3. Конвенция «О международном обмене изданиями» (1958);
4. Конвенция «О межгосударственном обмене правительственными документами и официальными изданиями» (1958);
5. Декларация ЮНЕСКО «О принципах спутниковой связи» (1972);
6. Регламент Союза электронных связей (1972);
7. Международная Конвенция «Об электронных связях» (1982);
8. Рекомендация КМ ЕС от 30 октября 1977 года «О поощрении медиа и культуры терпимости»;
9. Рекомендация КМ ЕС от 21 февраля 2002 года «О доступности официальных документов» (2002).

После событий 11 сентября были подвергнуты определенным изменениям и стандарты прозрачности и доступности информационных ресурсов государств. Например, в США и ряде других развитых стран было закрыто множество информационных порталов, ограничены возможности получения официальных сведений. После событий 11 сентября в Канаде генеральный прокурор получил право накладывать вето на представление сведений, касающихся международных отношений и национальной безопасности. Однако в целом, все это не уменьшило интерес общественности к информационной прозрачности [6, с. 34].

Таким образом, наличие выхода к информации или возможность ее свободного получения является одним из важнейших, обуславливающих современное цивилизованное государство, международных стандартов и показателем демократии. Предотвращая вытекающую из не информированности стихийную деятельность граждан, эта возможность обеспечивает правильность, рациональность и ответственность их выбора. В современную эпоху международное сообщество уделяет особое внимание развитию отдельных стран в области информации. Это позволяет обеспечить информационную безопасность общества, личности и конкретного государства, еще более совершенствовать внутригосударственное информационно законодательство.

## Гулам ШЮКЮРОВ

## Литература:

## а) на азербайджанском языке

1. Конституция Азербайджанской Республики. – Баку: Qanun, 2012. – 96 с.
2. Европейская конвенция прав человека /[http://www.echr.coe.int/Documents/Convention\\_AZE.pdf](http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_AZE.pdf)
3. Алиев, А. И. Имплементация в азербайджанское законодательство международных стандартов о свободе прессы / материалы Международной конференции на тему «Медиа в демократическом обществе: международный и национальный опыт». – Баку, 2010, с. 34-40.
4. Международный билл о правах человека. – Баку: Издательство Азербайджан, 1998, с. 54.
5. Закон Азербайджанской Республики «О телекоммуникации» / [www/e-qanun.az](http://www/e-qanun.az)

## б) на других языках

6. Афанасьева, О. В. Право граждан на информацию и его гарантии // Отечественные записки, 2004, № 3 / <http://www.strana-oz.ru/2004/3/pravo-grazhdan-na-informaciyu-i-ego-garantii>
7. Иванов, А. К. Становление и развитие международного информационного права // Ползуновский вестник, 2005, № 1, с. 228-232.
8. Ковалева, Н. Н. Информационное право России:

Учебное пособие. – Москва: Издательско-торговая корпорация „Дашков и К<sup>о</sup>”, 360 с.

9. Кудряшов, С. М. Международно-правовое регулирование информационной сферы // Дипломатический вестник, 2001, № 2, с. 97-100.
10. Кретьева, Е. А. К вопросу об информации как объекте публичного права // Право и политика. – Москва, 2007, № 11, с. 107-109.
11. Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник, 2000, № 8, с. 51- 56.
12. Основы журналистской деятельности. Учебник для бакалавров / Под. ред. С. Г. Корконосенко. – Москва: Юрайт, 2013. – 332 с.
13. Забара, И. Н. К вопросу о направлениях развития науки международного информационного права / «Российский юридический журнал», 2013, № 4, с. 126-135.
14. Забара, И. Н. Деятельность ООН в развитии международно-правового регулирования информационных отношений / Вестник РУДН, серия Юридические науки, 2013, № 1, с. 136-143.
15. <http://www.irbis.vegu.ru/repos/2060/HTML/10.htm>
16. <http://www.un.org/russian/document/gadocs/gares.htm>

## Summary

Creation of International information law as a result of increasing of the role of International law in regulation of the relations in the field of information and as a result of playing global role beyond the borders of the particular state, as well as the enrichment process legislation grounds of the information law due creation of multiple international legal norms along with application of the internal means of the states have been analyzed in the article.

Also leading role of the UNO in international legal regulation of the information relations, the role of the General Assembly of the UNO in the normative provision of information activity, providing grounds for inter-state relations of the resolutions of the General Assembly of the UNO, importance of the resolutions of the Council of Europe related to building information community and providing access for information are mentioned in the article.

**Keywords:** mass media, freedom of information, information relations, international information law, protection of information, sources of information law.



**Oleg PANTEA,**  
Doctor in Law,  
Moldova University of European Studies

### **THE LAW WITHIN THE CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION PROCESS, THROUGH THE APPLICATION OF THE LEGAL NORM BY THE STATE BODIES**

European integration is the irreversible strategic objective of foreign and home policy of the Republic of Moldova. Association agreement between Moldova and the European Union in Brussels, June 27<sup>th</sup>, 2014, led to the creation of a new framework for cooperation in various fields, including the law. As a result, our country has embarked on a wide ranging reforms to align the national law to the European one, a law based on democracy, respect for human rights and the guarantee of law. These facets of coordination can be brought out only through proper orientation of human behavior by creating an appropriate legal and regulatory framework, only on condition that the authorized state bodies „perform their job”. We must not forget that this is an intrinsic part of an establishing process of the state law. Beyond the adopted legislative system in accordance with the EU, Moldova also needs a viable mechanism for applying them into life. Otherwise, the adopted rules lose their meaning, becoming „racked”.

Legal norms are created for ordering and guiding the human behavior. For achieving their intended purpose, the recipients need to know the rules, to respect, execute and apply them, in the general theory of law it is entitled – law achievement. The fact we are interested in the subject of the research is the application of the law as a form of realization.

The National and foreign doctrine defines the application in the following ways:

„A certain way of achieving the law through the intervention of a competent organ of the state that develops according to a certain procedure, a legal act in specific forms- act of application” [3, p. 184-185; 16, p. 453];

„A highly complex process that goes on according to a number of factors: the type of social system, the nature of political relations, state organization, type of economic relations, the degree of civilization and cul-

ture, national and international conditions, legal consciousness of society” [2, p. 400];

„Elaboration and implementation of a system of state actions, in the view of transposing in practice the stipulations and sanctions of the norms of law” [10, p. 116].

„Practical work in which the state organ administers the legal norms, acting as holders of state authority. It is an aspect, a form of state activity that takes place in formal legal forms established by legal – normative acts. Therefore, the development of this task requires observance of the procedural requirements, formal completion of compulsory phases, all of which in turn require training from the qualified legal professionals” [8, p. 201-202].

Applying a legal norm is to pass from the norm, as a general precept, to an individual case to determine the correlation between the specific case facts and conditions of application of legal rules to achieve the desired result. Applying the law, the lawyer passes from the general, represented by legal rule, to the individual represented by the facts. The mission of the lawyer and especially that of the judge is to apply the governed legal norms to facts, to ensure the transition from the given situation to the governed legal norm. Therefore, it was said that in applying the law we have to deal with a „to and fro” from law to the facts and from facts to the law, having been intended to be governed by legal norms and the latter to govern the fact.

In some works it is supported the idea that law enforcement reduces the resolution of disputes by the courts. If so, then this would provide an incomplete and inaccurate application of the law. The application of the law is mostly applied in an unconscious way. For ex. compliance with traffic rules by the drivers.

The law enforcement must be built on the following guiding ideas, namely:

## Oleg PANTEA

1. legality in the application process – requires strict adherence to the law enforcement bodies, activity should be carried out within strict adherence to law enforcement procedure, issuance of documents in the form set.

The French political scientist Raymond Aron said that “... the law that must govern the social relations as a whole” [12];

2. social equity in the application process – the activity of the state should not refer to a small group of people, they must act in the interests of the whole community;

3. objectivity – fairness in the application of law, the decision should be based on facts, irrefutable arguments, without taking into account the desirability of any particular topic;

4. unity – in similar cases should be taken similar decisions;

5. efficiency – quickness in the application of law, it is an effective condition in combating illegal acts to defend the legitimate interests of the people.

A special topic is the act of application – document that is drawn up, extinguish or modify legal relations, which generate rights and obligations towards the referred persons. Similarly, the implementing act must not act only to reduce the penalty. There are situations where the provision of an implementing act given by state body consists of an appointment to a job, establishing a joint venture, concluding a contract, etc., thus, it is not considered an act of punishment. [4, p. 374].

Application documents can be issued by all three organs of the State: legislative, executive and judiciary, but with a different weight. Most application documents are issued by the judicial bodies that do not adopt legislation, but only as acts implementing judgments.

However between the normative acts and the acts of application there are many common features, but they differ essentially by the following:

– the act of applying the law is the legal publication, modification or extinction of a legal law, while publication does not create automatically legal rules;

– unlike the legal norms that are general, impersonal, the acts of application are concrete, individual, referring to a factual situation;

– the legal norm is developed by special category state bodies; the application act can be performed by any organ of state or non-governmental organizations within the determined jurisdiction;

– the legal rule acts repeatedly, to the extent that the situation envisaged time occurs, producing an impersonal and diffuse effect until leaving the force, but the act of application consumes their effects with the solving of the case in question;

– legal norms can be encoded, while the acts of application cannot be codified, due to the great variety and impressive volume;

– the acts of application are distinguished by the legal norms by the principles underlying the remedies against them;

– the acts of application and the legal norms have distinct purposes and finalities [5, p. 187-188].

The development of the acts of application distinguishes certain phases, which is a unique process, although they do not have the same sequence for all categories of legal norms:

1. *Establishment of the facts*, the delimitation of the circumstances requiring the application of the facts. For example, a person or entity requests a permit to construct a building, a mayoralty, the competent authority must expose the facts, to see what the circumstances are and other issues related to the construction of that building. Obviously, in the case of a process and, especially, a criminal trial, the determination of the fact is important, because it means in reality, finding production of the criminal offense, in order to conclude (if that act was produced by a person if that person or those persons bearing or legal liability, what kind of responsibility, what were the effects, etc.).

Depending on the function of the application, the determination of the facts is made according to certain criteria (e.g., the prosecution is done by certain rules, according to certain rules, observing the rules, for not violating the citizens’ fundamental rights).

As it was mentioned above, the state of affairs differs from one act of application to another. When an administrative specialist has an area housing allocation, it relatively requires little check factual issues – determining the number of persons, the annual income average of each person in determining the amount of the rent etc.

In other cases (in a trial, for example), the court requires to perform many activities in order to establish the exact circumstances of the case (hear witnesses, checks different circumstances, makes expertise etc.).

2. *The choice of the legal norm* applicable in the established circumstances constitutes a second time law enforcement.

Thus, knowing the circumstances, the body searches the rule or rules applying to them, then checks the connection between them, to see if the concerned offense or offenses are not subject to several rules, afterwards it is necessary to determine whether those rules came into force, if they were not repealed, whether they are applied to that person in terms of the place where the facts occurred and in terms of the status of the person – citizen, foreigner, stateless.



## THE LAW WITHIN THE CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION PROCESS, THROUGH THE APPLICATION OF THE LEGAL NORM BY THE STATE BODIES

The verification of the chosen norm with other sources of legal norms contained in the higher-level rules and constitutional principles, with the principles governing the law even with the principle of equity in particular.

It is often difficult to conduct a proper legal classification of facts when it falls under several norms by its features. The interpretation of the text or other legal texts plays a fundamental role in the selection and establishment of the rule that must be applied.

3. *Interpretation of the legal norms* is an activity in which the enforcement body is applied in order to determine the true meaning and the full legal norm, using for this purpose methods and procedures of interpreting the operating technique.

4. *Elaboration of the act of application*, which will lead to the establishment, modification or termination of the concrete legal relations. Several different classification criteria for acts of application can be distinguished in literature [6, p. 232; 14, p. 290-292; 13, p. 190].

After their subject, the judicial acts are of two kinds:

- a) stipulations in which the illegal action is specifically and nominally indicated that a person has to do;
- b) stipulations in which the sanction that a certain person has to tolerate as a result of committing an illegal act is indicated.

According to the subject matter, we can distinguish:

- a) administrative acts of application;
- b) judicial enforcement acts.

After their outward form, the application acts are divided into:

- a) document-acts (e.g., documents of investigative bodies, the courts, which have some strict requirements to the form);
- b) action-acts (e.g. verbal indications of drivers, traffic police inspector gestures etc.).

After their importance, they are divided into:

- a) primary or basic (e.g. basic judgment);
- b) optional, additional (such as procedural acts, training acts etc.).

After their duration in time, they can be:

- a) permanent or long (appointment of pensions, marriage registration);

- b) for a single application (fine application).

It is also necessary to mention the qualities of the application:

- imperative feature;
- individual requirement based on the legal norm;
- competent requirement issued by a body or a competent person;
- establishing subjective laws and obligations of participants in specific legal relationship;
- establishing liable measures for the committed wrongful act [5, p. 192-193].

5. *Informing the state authorities, the non-governmental organizations about the content of the received decision*, it is the last stage (phase) of the law enforcement process, which consists in bringing the attention of the interested bodies of the individual act of application.

In conclusion, the law application is a specific form of its own achievement, closely related to the application of legal norms in life by concrete and individual acts adopted by state bodies. It is quite important due to the fact that it ensures the pursued aim by the legislature through regulation, because it cannot be achieved by simply creating rules of behavior. A not applicable norm is a non-sense one (dead). In this way, the legal life involves two major phases: the elaboration of the legal norms and their application. Another question is how to apply these rules? Does our state have a mechanism for implementing them? However, the commitments of our country in relation to European partners should be in the interests of the Moldovan society and of every citizen. For an effective implementation of the law, conditions need to be created so that the state institutions could function and act in the interests of the state, justice must function correctly, judge only according to the law, the prosecution and other state institutions should act in strict accordance with the law. In fact, European integration is important to us, because this vector will help us modernize the country, create functional state institutions in the interest of the citizen, create a state where we could have not only economic, social, political rights etc. but the state will also be able to create mechanisms to ensure these rights with real resources.

### Bibliography:

1. Acordul de Asociere între Republica Moldova și Uniunea Europeană, semnat pe 27 iunie 2014 la Bruxelles // a se vedea <http://lex.justice.md/md/353829/>
2. Negru, B., Negru, A. Teoria generală a dreptului și statului. – Chișinău, 2006.
3. Voicu, C. Teoria generală a dreptului. – București, 2010.
4. Baltag, D. Teoria generală a dreptului. – Chișinău, 2010.

---

---

**Oleg PANTEA**

5. Avornic, Gh. Tratat de Teoria generală a statului și dreptului. Volumul II. – Chișinău, 2010.
6. Boboș, Gh. Teoria generală a dreptului. – București, 1994 și 2006.
7. Ceterchi, I., Craiovan, I. Introducere în teoria generală a dreptului. – București, 1993.
8. Luburici, M., Ceterchi, I. Teoria generală a dreptului. – București, 1978.
9. Popa, N. Teoria generală a dreptului. – București, 1992.
10. Pantea, O. Teoria generală a statului și dreptului. – Chișinău, 2014.
11. Popescu, S. Teoria generală a dreptului. – București, 2000.
12. Aron, R. Democrație și totalitarism. Gallimard. – Paris, 1965.
13. Малько, А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах. – Москва, 1999.
14. Лазарев, В. В. Общая теория права и государства. Москва, 2001.
15. Марченко, М. Н. Теория государства и права. Москва, 2005-2014.
16. Теория государства и права. Курс лекций. Под ред. Матузова Н. И., Малько А. В. – Москва, 2001, Тема 20. Применение права (Ф.А. Григорьев, А.Д. Черкасов), р. 453.



**Орхан МУСАЕВ,**  
докторант Института по правам человека  
Национальной академии наук Азербайджана (НАНА)

## ПОЯВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КСО В ЕС

### Введение

Деловые практики, которые указывались в качестве КСО, возникли в США в 1950-х годах. В то время законодатели намеренно оставили пробелы в политике, которые должны были включать в себя неправительственные формы социальных положений и способствовать практикам КСО, например, путем введения налоговых льгот для работодателей с целью обеспечения занятости и страхования. На сегодняшний день Европа рассматривается как лидер в области КСО и политик КСО, при этом нельзя упускать тот факт, что единственной европейской страной, имеющей примечательную историю создания КСО, является Соединенное Королевство. КСО уже обсуждалась в 1970-х годах, а в начале 1980-х годов в период высокой безработицы, упадка городов и социальных волнений получила широкую известность. Параллельно с историей КСО в США, также связано появление КСО в Великобритании с тем, что правительства Тэтчер уменьшили роль государства, как регулирующего органа и поставщика общественных благ и услуг. Тем не менее, КСО в Великобритании «была бледным отражением американского оригинала». Лишь в последние годы в Великобритании, возглавляемой лейбористским правительством (которое назначило министра КСО и приняло стратегию КСО), на всей территории ЕС данная ситуация изменилась.

С начала нового тысячелетия КСО начала распространяться по Западной Европе во многом благодаря активной роли Европейской комиссии, которая основывалась на мандате Европейского Совета в Лиссабоне. Она, например, сформулировала КСО в контексте устойчивого развития в Зеленой книге, а в 2002 году Европейская комиссия выпустила сообщение по КСО, которое исследовало перспективные возможности политики для повышения прозрачности и конвергенции КСО в Европе. С переносом данной темы под юрисдикцию Комиссии в 2004

году политика ЕС относительно КСО изменилась от активного подхода к пассивному, который придает особое значение саморегулированию бизнеса. Ричард Ховитт, Британский лейборист и член Европейского парламента, прокомментировал новый курс: «Комиссия хочет, чтобы Европа являлась „местом превосходства” в бизнесе, но вместо этого перечеркнула 5 лет обсуждений и дебатов. Комиссия утверждает, что государственные органы должны создать благоприятные условия для КСО, при этом выбирая для себя предложения относительно конкретных действий, тем самым повторяя обобщения, которые мы все прочитали ранее». Изменение курса на уровне ЕС на данный момент показывает, что политика КСО, очевидно, связана с серьезными политическими спорами, несмотря на их мягкий правовой характер.

На уровне государств-членов некоторые страны Западной Европы в последние годы стали принимать весьма активное участие в продвижении и формировании КСО. Изначально подобная деятельность систематически характеризуется в следующем разделе; существующая литература о политиках КСО (в основном публикующаяся в журналах по управлению) может быть классифицирована как тематические исследования, концептуальные и исследовательские анализы:

– Тематические исследования концентрируются на отдельных инициативах правительств в области КСО или инициативах международных организаций, таких как OECD и ООН. Единственный в своем роде эмпирический анализ, который исследует отношения государства и бизнеса, а также содержит тематические исследования корпораций, был проведен Матисом [1].

– Концептуальные анализы часто фокусируются на общих аспектах взаимоотношений государства и бизнеса, (новых) вопросах управления, и на «политической экономике КСО».

**Орхан МУСАЕВ**

– Исследовательские анализы по вопросам политик КСО характеризуют широкий спектр политических инициатив в области КСО для одной или нескольких стран. Тем не менее, при ближайшем рассмотрении видно, что эти сравнительные подходы содержат три следующих недостатка. Первый недостаток – некоторые из исследовательских подходов описывают более или менее случайный набор инициатив без предоставления полной картины совокупности политик КСО. Второй – другие научные вклады стремятся предоставить полную картину политик КСО, но делают это путем применения особой закономерности, искажающей их описательно-эмпирическое значение. Третий – по крайней мере, несколько исследовательских работ, предпринимают попытки охарактеризовать политики КСО посредством тем и инструментов, не фильтруя.

Представляя полную картину совокупности государственных политик по КСО, которая характеризует инструменты и темы, не применяя особый аналитический объектив, выделяющий или группирующий некоторые действия правительства и игнорирующий иные действия, данная часть настоящей работы стремится сгладить недостатки исследовательских подходов, по которым дается также ряд выводов, достигнутых при концептуальном подходе, как описано выше.

**Инструменты политики КСО**

Государственные политики по КСО разнообразны в отношении исследуемых тем и используемых политических инструментов:

– **Информационные инструменты** (или, образно говоря, «проповеди») основываются на запасе знаний. Их обоснованием является (моральное) убеждение. Так как они обычно ограничиваются вариантами освещения и возможными последствиями, данные инструменты не подразумевают никаких ограничений. Примерами являются кампании, тренинги или веб-сайты.

– **Экономические инструменты** (или «приманки») основываются на ресурсах налоговых органов и денежном выражении. Их обоснованием является воздействие на поведение посредством финансовых стимулов и рыночных сил. Примерами являются налоги, налоговые скидки, субсидии и награды.

– **Правовые инструменты** (или «прутья») предписывают желательные альтернативы и действия путем использования законодательной, исполнительной и судебной власти государства. Лежащими в основе обоснования являются иерархия и власть, а примерами – законы, директивы и правила.

Все три вида данных инструментов также могут быть найдены в контексте политик КСО, но

очевидны следующие два отклонения. Во-первых, экономические и правовые инструменты однозначно предполагают мягкие характеристики. Если правовые инструменты КСО имеют обязательный характер, который превышает рамки рекомендаций, в этом случае они не являются обязывающими (например, предприятия не должны подчиняться правилам относительно маркировки, если они не хотят применять их) или приведение их в исполнение не является обязательным, либо оно слабо выражено (как это характерно для большинства законов относительно отчетности по КСО). Если экономические инструменты используются в контексте КСО, к ним имеют отношение налоговые скидки и субсидии, а не налоги, которые подлежат исполнению всеми лицами. Второе отклонение заключается в том, что пакет трехсторонних инструментов должен быть расширен посредством двух дополнительных видов инструментов, а именно партнерских и гибридных:

– Партнерские инструменты (или «связи») строятся на базе совместной организации, предполагая, что различные субъекты заинтересованы в совместной работе для достижения общих целей, так скажем, они могут обмениваться дополнительными ресурсами и уклоняться от исполнения установленных правил. По причине добровольного характера КСО, можно было бы предположить, что политики КСО широко используют форумы заинтересованных сторон, достигнутые в ходе переговоров соглашения и партнерства государственного и частного секторов [2].

– Дополнительные гибридные инструменты (или «связующие звенья») в качестве пятого вида являются необходимыми, так как многочисленные правительственные инициативы по КСО сочетают или планируют два или несколько других инструментов. Среди наиболее значимых гибридных инициатив по КСО являются, например, КСО платформы, центры и стратегии.

Образно говоря, можно резюмировать, что правительства участвуют в КСО посредством «проповедей, прутьев (или, скорее, мягких ветвей), приманок, связей», содержащих различные инструменты. Хотя политики, которые являются принудительными для всех предприятий, должны быть отделены от мягких и добровольных политик КСО, это не означает, что описанные ниже темы политики КСО не соответствуют жесткому правовому регулированию или налогам, скорее наоборот. Следует, что обязательные инструменты представляют обычные (социальные или экологические) политики, которые ограничивают сферы мягких политик КСО, а не наоборот. В этом смысле, правительства, как правило, подчеркивают, что их политики по КСО дополняют существующее обязательное законодательство (жесткое

## ПОЯВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КСО В ЕС

право). Следующие пункты разграничивают сферы деятельности, в которых используются эти мягкие политические инструменты.

### Темы политик КСО

Основываясь на собственном эмпирическом исследовании и систематическом анализе нескольких (часто бессистемных) исследовательских обзорах, политики КСО могут быть охарактеризованы следующими четырьмя тематическими областями деятельности:

– Повышение осведомленности о КСО и создание потенциала: по причине добровольного характера КСО, управленческая деятельность и корпоративная производительность существенно зависят от того, как социальные и экологические проблемы воспринимаются среди компаний и заинтересованных сторон. Таким образом, важным направлением деятельности правительств является повышение осведомленности о КСО и создание соответствующего потенциала среди обеих групп.

– Улучшение раскрытия информации и прозрачности: достоверная информация относительно экономических, социальных и экологических корпоративных показателей является необходимым условием для инвесторов, регулирующих органов, сотрудников, поставщиков и заказчиков (в том числе государственных закупщиков), чтобы они могли поддержать тех, кто серьезно рассматривает КСО. Правительства могут играть ключевую роль в улучшении качества и распространении соответствующих докладов КСО.

– Содействие социально ответственным инвестициям (SRI): с учетом экономических, социальных, экологических и/или иных этических критериев при принятии инвестиционных решений SRI сочетают в себе интересы широкого круга заинтересованных сторон и акционеров. Поощрение SRI помогает внедрить КСО в функционирование акционерного капитализма.

– «Образец для подражания» (или «вести разговор») относительно социально ответственных практик может способствовать КСО. Это относится, в частности, к:

- Созданию устойчивости государственных закупок;
- Применению принципов SRI к государственным фондам (включая государственные пенсионные фонды);

- Адаптации систем административного управления КСО (например, EMAS) и аудитов в государственных учреждениях, а также осуществление аудитов государственными учреждениями;

- Отчетности относительно социальной и экологической деятельности государственных органов.

Данные четыре темы политики КСО предоставляют всестороннюю картину, в то время как должны подвергаться изменениям вследствие развития области политики.

### Первоначальный обзор типологии политики КСО

При наличии четырех тем, которые проводятся пятью различными видами инструментов политики, мы получаем матричную типологию, которая системно описывает область политики КСО (см. таблицу 1). Для того чтобы типология была отчетливая, оставшаяся часть данного раздела заполняет 19 из 20 секций примерами того, как европейские правительства на самом деле обращаются к КСО. Интересно, что единственная пустая секция типологии относится к тому, чтобы сделать «образец для подражания» более привлекательным для государственных органов посредством экономических инструментов. Тем не менее, следует отметить, что многие инициативы в данной области деятельности косвенно предоставляют экономические стимулы для КСО при ведении предпринимательской деятельности.

Конечно, политическая реальность редко представляется такой же ясной, как идеальная классификация. Таким образом, инструменты иногда имеют характеристики более чем одной темы. Награды, управление и инструменты отчетности (такие, как Руководства GRI), например, могут повысить осведомленность и создать потенциал для КСО, тем самым также повысить прозрачность. Кроме того, некоторые правительства координируют свою политику относительно КСО по некоторым темам посредством координационных структур или органов (так, в правительстве Великобритании было известно о существовании должности министра КСО до 2008 года, пока эта позиция не была упразднена) либо путем принятия государственных стратегий и планов действий в отношении КСО (см., например, Датское Правительство, 2008).

## Орхан МУСАЕВ

Таблица 1: Темы и инструменты государственных политик по КСО: матричная типология

		Темы			
		1. Повышение осведомленности и создание потенциала для КСО	2. Улучшение раскрытия информации и прозрачности	3. Содействие социально ответственным инвестициям (SRI)	4. Образец для подражания, например, в: – государственных закупках; – применении SRI; – применении инструментов управления (C) SR
Инструменты	<b>а) Правовые</b>	– правовые/конституционные акты, поддерживающие SDI и/или КСО	– законы по отчетности КСО – законы относительно раскрытия информации для пенсионных фондов	– законы, запрещающие определенные инвестиции – законы относительно SRI в пенсионных фондах	– законы, разрешающие SPP/GPP – законы относительно SRI в пенсионных фондах
	<b>б) Экономические</b>	– субсидии/гранты/экспортные кредиты, связанные с деятельностью КСО – налоговые скидки относительно корпоративной благотворительности или зарплаты, предоставляемые CSOs	– награды за отчеты по КСО	– налоговые стимулы для вкладчиков и инвесторов – субсидии	(косвенно большинство инициатив данного раздела имеют своей целью предоставление налоговых стимулов для КСО)
	<b>в) Информационные</b>	– научно-исследовательская и образовательная деятельность (включая конференции, семинары и тренинги) – информационные ресурсы (брошюры, веб сайты и исследовательские доклады) – руководства и кодексы поведения – кампании	– руководства относительно отчетности по КСО – информация относительно отчетности по КСО	– информация по SRI (брошюры и веб-сайты) – руководства и стандарты SRI	– предоставление информации о SRI, SPP и т.д. государственным органам (руководства, брошюры и веб – сайты) – опубликование отчетов о Социальной Ответственности органов государственной власти
	<b>г) Партнерские</b>	– сети и партнерства (стратегические или благотворительные) – добровольные/достигнутые в результате переговоров соглашения	– контактные пункты по КСО – форумы заинтересованных сторон (например, GRI)	– сети и партнерства по SRI	– сеть государственных закупщиков
	<b>е) Гибридные</b>	– центры, платформы, контактные пункты и программы для КСО (информационные&партнерские)  – инициативы заинтересованных сторон, включая (совместное) развитие управления или инструментов отчетности (EMAS, ISO26000 и GRI) (информационные, партнерские и/или экономические) – награды за КСО, их упоминание и занесение в черные списки (информационные и экономические)	– маркировка продукта или компании (информационная & экономическая)		– пенсионные фонды, применяющие и поддерживающие SRI (партнерские, информационные и экономические)
	– координация политик по КСО, например государственные стратегии и планы действий				

## ПОЯВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КСО В ЕС

### Повышение осведомленности и создание потенциала для КСО

Не удивительно, что юридические документы практически не используются в данном контексте. Одним из правовых документов, повысивших осведомленность относительно устойчивого развития и политики КСО, является «Хартия по охране окружающей среды» – приложение к Конституции Франции, которое вступило в силу в 2005 году и обеспечивает конституционную основу для устойчивого развития Франции. По словам руководителя французского министерства, Хартия была ключевым фактором для включения устойчивого развития в закон Франции о государственных закупках в 2006 году после аналогичной неудавшейся попытки в 2004 году [3].

Экономические стимулы, повышающие осведомленность о КСО, это экспортные субсидии с условиями КСО. В Швеции, например, экспортные кредиты и государственные гарантии для иностранных инвестиций предоставляются только в том случае, если компании подписывают соглашение по борьбе с коррупцией. Связывая иностранные инвестиции с КСО, правительство оказывает влияние на компании, которые, как правило, уделяют мало внимания КСО. Другим экономическим инструментом, создающим потенциал для КСО, являются налоговые льготы для предоставления **гражданским общественным организациям** (CSOs). В 2000 году правительство Великобритании вновь запустило схему 1986 года «Отчисление пожертвований», которая предоставляет налоговые льготы работникам, отчисляющим деньги CSOs по своему выбору через согласованное благотворительное агентство (<http://www.inlandrevenue.gov.uk/paytollgiving>). Повторный запуск данной схемы стимулирования сопровождался пропагандистской кампанией, на которую было потрачено 2 млн. фунтов, при обязательстве правительства относительно дополнительных 10 процентов на все отчисленные пожертвования в период 2000-2004 г. В результате, отчисляемые за последние годы пожертвования выросли с 29 млн. фунтов стерлингов в 1999 году до 89 миллионов фунтов стерлингов, поступивших от более чем 5 млн. служащих. Очевидно, что эта и другие подобные налоговые схемы в Европе создают потенциал для КСО путем укрепления CSOs как независимых и заинтересованных сторон [4].

Наиболее широко используемые инструменты по повышению осведомленности это не требующие объяснений информационные инициативы, среди них: (i) субсидирование исследовательской и образовательной деятельности; (ii) информационные ресурсы, такие как веб-сайты и отчеты по КСО (относительно правительства Великобритании см. [www.csr.gov.uk](http://www.csr.gov.uk)); (iii) спонсируемые правительством директивы, которые часто адаптируют такие международные инициативы, как Глобальный договор ООН, к своим

соответствующим национальным условиям [5], и (iv) кампании, как например, вышеупомянутая британская кампания по отчислению пожертвований, или датская кампания по КСО «Наше общее участие».

До сих пор самый популярный партнерский инструмент, который предшествовал многим другим политическим инициативам КСО, имеет отношение к достигнутому в ходе переговоров соглашениям между правительствами и бизнесом. Как показывают результаты исследований, эти соглашения являются наиболее эффективными, если они согласованы и приводятся в исполнение «в тени иерархии» [6], [7]. Партнерские инструменты, содействующие повышению уровня осведомленности и прозрачности, представляют собой встречи заинтересованных сторон, как например Европейский многосторонний форум или, так называемые многосторонние инициативы, такие как Глобальная инициатива по отчетности (GRI), Лесной попечительский совет или морской попечительский совет. Постоянным национальным товариществом по КСО является шведский «Globalt Ansvar» (что означает «глобальная ответственность»). Основываясь на призыве парламента информировать шведские компании относительно большей социальной ответственности в глобальном контексте, четыре министерства (под руководством Министерства иностранных дел) организовали товарищество в марте 2002 года. Оно выступает в качестве национального координационного центра для КСО, который стремится превратить шведские компании в «послов» прав человека, достойных условий труда, охраны окружающей среды и по борьбе с коррупцией во всем мире посредством использования различных информационных и образовательных инструментов, которые зачастую взаимодействуют со шведскими посольствами по всему миру.

Гибридные инструменты по повышению осведомленности о КСО и созданию потенциала, сочетающие партнерские и информационные аспекты, представляют собой центры или платформы, такие как голландский «Центр знаний и информации по КСО». Следуя предписанию Социально-экономического совета Голландии, в 2004 году правительство создало Центр с годовым бюджетом примерно в 1 миллион €. Он координирует деятельность в сфере КСО в Нидерландах, распространяет информацию относительно КСО, а также способствует диалогу и партнерству. Известным гибридным инструментом, сочетающим в себе информационные и экономические аспекты при создании потенциала для КСО, является Схема экологического менеджмента и аудита (EMAS) – система управления окружающей средой на основе директивы ЕС. Она содействует организациям в улучшении своих экологических показателей на добровольной основе. Программы, поддерживающие реализацию EMAS или аналогичных инструментов КСО посред-

**Орхан МУСАЕВ**

ством информационных и экономических стимулов (в частности субсидий), являются примерами других гибридных инструментов [8]. Гибридные инструменты, повышающие осведомленность и поощряющие прозрачность, представляют собой награды за КСО (или их аспекты), например, венгерская премия за создание рабочих мест, отвечающих интересам семьи, которая вручается ежегодно, начиная с 2000 года. В противовес премии «упоминание и занесение» в так называемые «черные списки» недобросовестных практик обсуждалось на уровне ЕС в начале 2000-х годов, но не было применено.

**Улучшение раскрытия информации и прозрачности**

Раскрытие информации корпораций и прозрачность относительно КСО могут быть улучшены, в частности, посредством отчетов по КСО, маркировки и вовлечения заинтересованных сторон. Правительства преследуют все три средства с широким спектром политик. Наиболее известной правовой инициативой по раскрытию информации и прозрачности в Европе являются французские «Новые экономические правила» (NRE) – закон, принятый в 2001 году. Среди прочего, он требует, чтобы компании, действующие на французских фондовых биржах (более 600), включали социальную и экологическую информацию в свои годовые отчеты или публиковали отчеты относительно КСО. Этот закон иллюстрирует явный мягкий правовой характер политик КСО, так как он не указывает объем или качество информации, которая должна быть опубликована, а также не предусматриваются механизмы принуждения или санкции за несоблюдение. В то время, как французский орган по надзору за фондовыми биржами («Autorité des Marchés Financiers») обязан контролировать финансовую информацию, предоставляемую в годовых отчетах корпораций, информация о КСО остается непроверенной. Аналогичные законы существуют в Дании, Нидерландах, Швеции и Испании. После серьезных обсуждений плюсов и минусов обязательной отчетности по КСО (например, в Европейском Парламенте), ни Европейская Комиссия, ни государства-члены ЕС не приняли более строгие правила. Вместо этого, некоторые правительства предпринимали попытки способствовать раскрытию корпоративной информации посредством награждения хороших отчетов по КСО (экономический инструмент); усилия в этой области выражались в публикации директив относительно отчетности по странам, многие из которых основываются на директивах Глобальной инициативы по отчетности (информационный инструмент), а также в содействии форумам заинтересованных сторон (партнерские инструменты), в частности, с теми компаниями, которые имеют существенное влияние на местные сообщества, такие как порты и аэропорты.

По причине недостатка принудительных правил отчетности по КСО, сертифицированная маркировка является не только одним из старых, но также важным инструментом стимулирования корпоративной прозрачности. Маркировка представляет собой гибридный инструмент, так как сочетает в себе информационные свойства, главным образом направленные на потребителя с экономическими (или маркетинговыми) стимулами для компаний. Хотя использование спонсируемой государством маркировки, как правило, регулируется, она указывает на добровольный характер КСО, так как компании не обязаны принимать ее. Первой экологической маркировкой был немецкий экологический знак «Голубой ангел», введенный в 1978 году задолго до начала широкого обсуждения КСО или политик по КСО в Европе. Между тем, существуют десятки национальных и международных маркировок (например, эко знак ЕС с 1992 года) и большинство из них по-прежнему затрагивают вопросы окружающей среды, а не КСО в целом. Однако последние годы правительства утратили свои позиции в этом отношении: многие известные маркировки были разработаны многосторонними инициативами (например, морской попечительский совет и лесной попечительский совет) или CSOs, а не правительствами.

**Социально ответственное инвестирование (SRI)**

SRI представляет собой важный рычаг относительно КСО, поскольку объединяет социальные, экологические и/или этические вопросы, являющиеся сутью акционерного капитализма. Из сравнительно немногочисленных инициатив правительств по SRI, необходимо упомянуть следующие. В 2007 году бельгийское правительство приняло закон, который запрещает бельгийским инвесторам финансировать или инвестировать любую бельгийскую или иностранную компанию, каким-либо образом имеющую дело с противопехотными минами и кассетными боеприпасами. С целью содействия соблюдению закона правительство Бельгии публикует список подпадающих под запрет компаний, тем самым ожидая соблюдение закона от инвесторов. Тем не менее, как и другие правовые инструменты политик КСО, данный закон является мягким по причине низкого уровня требований относительно раскрытия информации, что, в свою очередь, затрудняет возможность обнаружения фактов нарушений для государственных органов. Кроме того, санкции к правонарушителям не предусмотрены. В Швеции был принят более требовательный закон по SRI. В 2000 году пять политических партий приняли так называемый закон о государственных пенсионных фондах. Он требует от всех шведских национальных пенсионных фондов (AP1-AP5 и AP7) распоряжаться годовым бизнес-планом, показывая, как рассматриваются экологические и этические вопросы при ведении инвестиционной деятельности Пенсионного фонда, и



## ПОЯВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КСО В ЕС

какое влияние эти рассуждения оказывают на управление денежными средствами. Хотя пенсионные фонды могут соблюдать закон без особых усилий относительно SRI, это привело к редкой гибридной инициативе SRI, которая сочетает информационные, партнерские и экономические аспекты. В 2007 году четыре из шести фондов (AP1-AP4) установили совместный этический совет, который вовлечен в диалог по КСО с компаниями, вызывающими интерес для инвестирования со стороны пенсионных фондов. Этический совет дает рекомендации компаниям и пенсионным фондам, и в случае если совет делает заключение, что компания не соответствует принципам относительно КСО, то пенсионные фонды могут прийти к решению об отзыве своих активов. Аналогичной гибридной инициативой по КСО является Пенсионный резервный фонд Франции («Fonds de réserve pour les retraites», FRR), который содействует общему страхованию по старости в соответствии с принципами SRI. Как и шведский этический совет, FRR также исследует и способствует КСО в компаниях, которые планируется инвестировать. Наименее целевые правила, требующие от пенсионных фондов раскрыть свою инвестиционную политику в отношении КСО, существуют также в Великобритании.

Экономической инициативой по SRI является голландская схема Зеленого фонда, которая была разработана совместно тремя министерствами и внесена на рассмотрение голландским налоговым управлением в 1995 году. Он облегчает «зеленые» инвестиции в сертифицированные проекты, которые отвечают определенным экологическим стандартам (например, ветряные электростанции или органическое земледелие) путем предоставления налоговых льгот кредиторам и заемщикам. Схема Зеленого фонда реализуется в сотрудничестве с банками и привлекла около 200000 вкладчиков, а также дала возможность реализовать примерно 5000 зеленых проектов.

Два примера информационных инструментов, способствующих SRI, это веб-сайт [www.gruenesgeld.at](http://www.gruenesgeld.at) («зеленые деньги»), который был создан Министерством по вопросам охраны окружающей среды Австрии при сотрудничестве с CSO относительно окружающей среды в 2001 году, и голландский «Путеводитель относительно устойчивой денежной системы», который финансируется голландским Министерством по охране окружающей среды и впервые был разработан голландским CSO в 2002 году.

### «Образец для подражания»

Правительства могут делать успехи относительно устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности, когда они являются образцом для подражания в различных отношениях. В то время как системы управления и практики по отчетности чаще всего применяются без поддержки инструментов политики КСО, и в отношении социального ответственного

инвестирования сравнительно сделано мало, правительства используют широкий спектр инициатив для стимулирования устойчивых государственных закупок (SPP).

В марте 2004 года в целях упрощения и обновления существующего законодательства о закупках были приняты две директивы ЕС о государственных закупках (директива 2004/18 фокусируется на нанимающих органах, директива 2004/17 ориентирована на особые сектора нанимающих органов). Хотя две директивы не предусматривают SPP, они открывают возможности для рассмотрения социальных и/или экологических критериев при тендерных спецификациях. Директива 2004/181, например, «разъясняет, как нанимающие органы могут содействовать защите окружающей среды и продвижению SD, обеспечивая при этом возможность получения наилучшей денежной стоимости своих контрактов» (L134/114). Опрос относительно SPP в Европе показал, что большинство государств-членов ЕС обновили свои законы относительно закупок в соответствии с двумя директивами ЕС. Кроме того, французское правительство, например, также способствует SPP, выпуская циркуляры – не обязательные, но убедительные, юридические тексты, которые издаются премьер-министром и предоставляют подробную информацию и консультации относительно смысла нового закона о закупках.

Многие правительства также издают рекомендации о том, как сделать государственные закупки более устойчивыми посредством информационных инструментов. Европейская Комиссия, например, опубликовала «Справочник по экологически ответственным государственным закупкам». В Австрии каталог экологических критериев «Проверьте это», руководство «Мероприятия по озеленению» и общее государственное Руководство по GPP (впервые издано в 1998 году) предоставляют указания относительно зеленых государственных закупок (GPP). Однако в 2004 году австрийский совет министров отказался принять пересмотренный вариант, так как посчитал расходы GPP двусмысленными. Проблемы, связанные с затратами и выгодами, в целом, являются ключевым препятствием для SPP и GPP по всей Европе.

После призыва Европейской комиссии (2003 год) в своем сообщении по „политике связанных товаров” многие государства-члены в последние годы начали систематически координировать свою деятельность относительно SPP с учетом SPP/GPP стратегий или планов действий. Они являются наиболее распространенным гибридным инструментом, используемым в этой области деятельности. Одна из наиболее всеобъемлющих стратегических структур относительно SPP функционирует в Великобритании. В 2007 году правительство Великобритании приняло «План действия относительно устойчивых закупок» [9], который был нацелен на превращение Велико-

**Орхан МУСАЕВ**

британии в лидера по SPP к 2009 году. План составлялся на основе рекомендаций, сформулированных Оперативной группой по устойчивым закупкам в докладе «Обеспечение будущего» [10].

Редким примером партнерского инструмента по SPP является голландская сеть PIANO. Она способствует обмену опытом между государственными закупщиками посредством главной страницы [www.piano.nl](http://www.piano.nl). Экономических стимулов, поощряющих государственные органы на осуществление устойчивых государственных закупок (или служить примером в других отношениях), не существует. Однако косвенно все инициативы по SPP не только имеют функцию образца для подражания, но, поскольку они могут стимулировать спрос на КСО, они также могут иметь характер экономического стимула, по крайней мере, для предприятий, заинтересованных в поставках для государственного сектора.

**Политики КСО и последствия для отношений между государством и бизнесом**

Укрепляет ли КСО и политики КСО саморегулирование бизнеса за счет государственного регулирования в соответствии с нелиберальными идеями или политические обоснования являются комплексными? Основываясь на эмпирических данных, приведенных выше, и на значительном объеме концептуальной литературы относительно политик КСО, данный раздел показывает, что в настоящее время политические обоснования являются наиболее комплексными. Полномочия оценивать политические основы КСО является популярным по разным политическим обстоятельствам. Как уже упоминалось в разделе 3, КСО берет свое начало в странах и периоды с доминирующей нелиберальной политикой, а не во время государственного благосостояния, например, в США при Рейгане и в Великобритании в эпоху Тэтчер. Таким образом, некоторые авторы делают вывод, что КСО началась как нелиберальная концепция, которая содействовала уменьшению государственного регулирования (в противопоставление: новое управление всегда, как правило, имело тенденцию выходить за рамки подобной идеологии посредством формирования понятия регулирования государства совершенно новыми путями). В последние годы КСО от благотворительной идеи сформировалась в объемлющую концепцию стратегического линейного руководства тройного подчинения (по крайней мере, в некоторых компаниях). Этот процесс формирования также затронул концепции политического обоснования. Как предполагают некоторые анализы, на данный момент практики по КСО более популярны среди предприятий и правительств и стран со сравнительно строгими социальными и экологическими правилами, чем среди нелиберальных стран. Некоторые авторы, исследуя популярность отдельных инициатив по КСО

(например, Глобальный договор ООН) в Европе и США, обнаружили, что сейчас КСО является наименее популярной среди американских и наиболее популярной среди скандинавских компаний. Они объясняют этот результат влиянием различных традиций государства всеобщего благосостояния. В то время как они считают модели государства всеобщего благосостояния «устаревшим **видом** устроенности» бизнеса в обществе, они интерпретируют КСО, как соответствующую форму «новой устроенности» (оставляя открытым вопрос, как эти понятия соответствуют неокорпоративизму) [11]. Согласно цели, суть этой новой встроенной модели заключается в соединении социальных и экономических тем отдельного вида государства всеобщего благосостояния с подходом управления бизнес-саморегулирования. Следует вывод в пользу «новых встроенных реляционных моделей» совместного регулирования бизнеса и государства (или, скорее, приспособленных форм неокорпоративизма), а не разновидностей нелиберальной или кейнсианской модели государственного благосостояния. Также, исследования показывают, что КСО является более популярной в демократических, а не республиканских штатах США. Эксперты объясняют подобное наблюдение «гипотезой симметрии», утверждая, что в штатах, где правительства выступают за перераспределение, фирмы также участвуют в более прогрессивных методах КСО перераспределения, так как они могут получить политические и административные преимущества со стороны правительства. Это предположение эмпирически подтверждено Арно Мэтисом (2008 г.). Рассматривая отношения бизнеса и правительства в корпоративных тематических исследованиях, он приходит к выводу, что «высокая производительность КСО, а также открытое и прозрачное управление заинтересованных сторон ведет к снижению бюрократических издержек за счет более легких и быстрых процессов относительно получения лицензий, разрешений и других необходимых официальных документов» [1]. Государственные политики по КСО не являются сферой интересов нелиберально ориентированных правительств, но они применяются по всей Европе, в частности, в государствах с явно выраженным всеобщим благосостоянием. В соответствии с собственными исследованиями, которые выявили более 200 инициатив КСО на территории ЕС-27, КСО наиболее активно продвигается в Ирландии и Великобритании (обе страны известны старыми традициями по КСО), за которыми следуют страны со скандинавской моделью благосостояния, имеющие сильные традиции неокорпоративизма.

В целом, различные уровни деятельности в области КСО и политик КСО по всей Европе, кратко изложенные выше, недавнее изменение политики на уровне ЕС от инициативного подхода КСО со стороны

## ПОЯВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ КСО В ЕС

левого крыла Комиссии Проди к пассивному подходу со стороны правого крыла Комиссии Баррозу, а также тот факт, что консервативные американские администрации все больше игнорируют КСО в качестве сформированной в последние годы концепции – это три конгруэнтных изменения, которые приводят к двум выводам. Оба вывода доказывают, что политические обоснования КСО являются наиболее комплексными, чем можно было бы предположить, основываясь на неолиберальной истории концепции. Во-первых, помимо того, что бизнес-подход связан с линейным руководством тройного подчинения, КСО также является политически оспариваемой концепцией, которая может допускать много значений, как основная социальная направляющая модель устойчивого развития. Таким образом, политическая особенность КСО отличается в разных странах и меняется с течением времени. В то время как некоторые страны и действующие лица все еще приспособливают и рассматривают концепцию в соответствии с неолиберальными идеями, многие другие разработали мероприятия по КСО в совместном механизме регулирования, где предприятия, CSOs и правительства проверяют и приводят в действие свои полномочия совместными и одновременно конфронтационными путями. Хорошим примером относительно международного совместного механизма регулирования между участниками всех трех секторов общества со всего мира является Многосторонний процесс по руководству ISO 26000 (12).

Во-вторых, инициативные государственные политики КСО, способствующие совместному механизму регулирования, являются основами трансформации взаимоотношений государства и бизнеса в целом. Как показывают многочисленные ученые, эта трансформация ведет от иерархического нормативного государства, которое более или менее отделено от частного сектора, к объединенным, «дающим возможность», «реляционным», или «встроенным» формам социально рулевого управления, также относящегося к социально совместному регулированию, или (новому) управлению (в противовес правительству). То, что мы наблюдаем с точки зрения перспектив КСО, следующих из этой статьи, на самом деле «не разворот тенденции XX века к саморегулированию XIX века», а внедрение новых форм делового саморегулирования и социального регулирования в рамки нормативного государства. Следовательно, политики КСО, характеризующиеся в настоящей статье, выходят за пределы традиционной дихотомии регулирования и добровольного соблюдения или саморегулирования. «Смягчение» регулирования, что является типичным для КСО, также, кажется, «смягчает» дихотомию между регулированием и саморегулированием, отчасти, потому что часто облегчает совместное регулирование как новую альтернативу управления между двумя крайностями.

### Заключение

Настоящая статья показывает, что правительства имеют пять видов политических инструментов для формирования и продвижения КСО в различных сферах деятельности, и некоторые правительства в Европе достаточно активно пользуются ими. Поскольку многочисленные политические инициативы, описанные и систематизированные выше, не только преследуют общую цель (способствовать КСО и устойчивому развитию), но также разделяют принципы управления, добровольности и характеристики, связанные с соответствующими инструментами (т.е. партнерские и мягкого права), можно говорить о политиках КСО в качестве отдельного поля политики. Что касается иногда сложной дифференциации и дополнений в мягкие и жесткие законы, данная статья также подчеркивает: что несмотря на то, что есть широкий консенсус о том, что деятельность КСО, по определению, добровольная, и политики КСО мягкие по характеру, это не означает, что правительства не могут (совместно) разработать обязывающие минимальные стандарты и процедуры гарантий качества для вопросов, которые в настоящее время обсуждаются в теме КСО. Существует две причины для этого. Во-первых, минимальные стандарты КСО могут быть обязательными только для тех, кто применяет их добровольно; а во-вторых, если они становятся новыми обязательными правовыми нормами для всех, политики КСО просто превратятся в обычные социальные или экологические правила жесткого законодательства. Согласно научно-исследовательскому проекту ЕС «Риторика и реалии в области КСО», обычные социальные и экологические нормы не только сокращают масштабы добровольной корпоративной социальной ответственности, но также обеспечивают важные вопросы ориентира: «компании оказываются более активными в отношении добровольной деятельности по устойчивости при наличии предоставляемых четких пунктов ориентира» (Barth et al. 2007, 34).

В то время как некоторые мягкие инструменты (например, достигнутые в результате переговоров, соглашений) применялись и исследовались в течение многих лет, многие другие (например, различные инициативы по ответственным инвестициям и государственным закупкам) еще не изучены с точки зрения своей эффективности.

В предыдущем разделе исследовалось, какие политики КСО имеют значение для саморегулирования бизнеса и нормативного государства, вопросы об их эффективности намеренно опускались, так как они находятся за пределами исследовательских рамок данной статьи. Таким образом, дальнейшее исследование должно систематически заполнять пробелы оценочного изучения в каждом конкретном случае касательно того, как эффективные политики КСО достигают целей государственной политики, и какие

## Орхан МУСАЕВ

возможные расходы предполагаются по сравнению с обычными правилами (возможно, также уделяя больше внимания вопросам власти).

В соответствии с особенностями нового управления, которое рассматривается в деталях в политической литературе, политическая особенность КСО является очевидным сложным вопросом, который формируется действующими лицами всех трех общественных кругов, т.е. (прогрессивными) компаниями, социальным спросом на КСО и соответствующей активностью CSO, а также активной общественной политикой в области КСО. Так как КСО и политическая научная литература отслеживают подобные действия управления и тенденции с различных точек зрения, является убедительным то, что две цепи исследований приходят к похожим выводам, например, по трансформации отношений

государства и бизнеса, а также по характеру регулирования. Следовательно, оба эти исследования имеют много общего и могут содействовать друг другу. Представленная типология стратегий КСО сможет служить в качестве отправной точки для более систематического исследования политики по дисциплинарным границам с целью получения обширной информации об эффективности соответствующих инициатив, а также широкого вовлечении общественных и частных секторов, или, возможно, размышления «одной из главных дихотомий в социальной науке» в целом. Эта тема никогда не была столь актуальной, чем в период экономических кризисов, что подчеркивает политическую роль корпораций, с одной стороны, и необходимость возвращения влияния правительства (не говоря о национализации) в ключевых секторах бизнеса, с другой.

## Литература:

1. Mathis, A. (2008): *Corporate Social Responsibility and Public Policy-making: Perspectives, Instruments and Consequences*. Twente: University of Twente.

2. Fox T, Ward H, Howard B. (2002): *Public Sector Roles in Strengthening Corporate Social Responsibility: A Baseline Study*. Washington D. C.: World Bank; <http://www.iied.org/pubs/pdf/full/16014IIED.pdf>.

3. Steurer, R.; Berger, G; Konrad, A. & Martinuzzi, A. (2007): *Sustainable Public Procurement in EU Member States: Overview of government initiatives and selected cases. Final Report to the EU High-Level Group on CSR*; [http://www.sustainability.eu/pdf/csr/Sustainable%20Public%20Procurement%20in%20EU%20Member%20States\\_Final%20Report.pdf](http://www.sustainability.eu/pdf/csr/Sustainable%20Public%20Procurement%20in%20EU%20Member%20States_Final%20Report.pdf).

4. Christian Aid (2004): *Behind the mask: The real face of corporate social responsibility*; [www.globalpolicy.org/soecon/tncs/2004/0121mask.pdf](http://www.globalpolicy.org/soecon/tncs/2004/0121mask.pdf).

5. Werder, A. von; Talaulicar, T. & Kolat, G.L. (2005): *Compliance with the German Corporate Governance Code: an empirical analysis of the compliance statements by German listed companies*, in: *Corporate Governance*, 13/2, 178-187.

6. Mol, A.P.J.; Lauber, V. & Liefferink, D. (eds.) (2000): *The Voluntary Approach to Environmental Policy: Joint Environmental Policy-Making in Europe: Joint*

*Environmental Approach to Environmental Policy-making in Europe*. Oxford: Oxford University Press.

7. Croci, E. (ed.) (2008): *The Handbook of Environmental Voluntary Agreements: Design, Implementation and Evaluation Issues*. – Berlin: Springer.

8. Cuesta, de la G.M. & Martinez V.C. (2004): *Fostering Corporate Social Responsibility Through Public Initiative: From the EU to the Spanish Case*, in: *Journal of Business Ethics*, 55, 275-293.

9. DEFRA (2007): *UK Government Sustainable Procurement Action Plan*, DEFRA, <http://www.sustainabledevelopment.gov.uk/publications/pdf/SustainableProcurementActionPlan.pdf>.

10. DEFRA (2006): *Procuring the Future. Sustainable Procurement National Action Plan: Recommendations from the Sustainable Procurement Task Force*, DEFRA, <http://www.sustainabledevelopment.gov.uk/publications/procurement-action-plan/documents/full-document.pdf>.

11. Midttun, A., K. Gautesen, et al. (2006): *The political economy of CSR in Western Europe*, in: *Corporate Governance*, 6/4, 369-385.

12. Schmiedeknecht, M. & Wieland, J. (2007): *ISO 26000 as a Network Discourse*; in: Wieland, J. (ed.), *Governanceethik und Diskursethik – ein zwangloser Diskurs*. – Marburg: Metropolis.

## Summary

Nowadays governments have become increasingly active in promoting corporate social responsibility (CSR) through state policies, i.e. CSR has become main priority on their agendas. Consequently, those recent changes has transformed the governments' capacity of affecting social and environmental issues. Now corporations do accept states as their main stakeholders. This article examines the CSR public policies in European Union countries and shows how governments have understood, and implemented their CSR public policies.

**Keywords:** corporate social responsibility, CSO, CSO policy instruments, civil society organizations, socially responsible investments



**Andrei GUCEAC,**  
doctoral student,  
Istitute of Legal and Political Research,  
Academy of Science of Moldova

### THE CONSTITUTIONAL PROVISIONS REGARDING THE SOVEREIGNTY OF THE EUROPEAN UNION MEMBER STATES

Throughout the history, the concept of sovereignty has evolved according to the society's goals, interests and values that needed to be protected, its content being different from one social system to another.

The new ideas about sovereignty have been developed by Jean Jacques Rousseau, who formulated in the most explicitly way the classical theory of sovereignty based on the social contract in his famous study „Social Contract or public law principles” [3].

Jean Jacques Rousseau qualified the people as the holder of sovereignty and state leaders as subjected civil servants that can be revoked at any time.

The principle of sovereignty was proclaimed also in the art. 3 of the French Declaration of the Rights of Man and the Citizen of 1789, which stipulates that „The principle of any sovereignty resides essentially in the Nation. No body, no individual can exert authority which does not emanate expressly from it”.

Sovereignty was and remains an issue of great importance and topicality, especially in the contemporary realities. The European project shook quite seriously the concept of sovereignty and scientist's opinions on it.

Initially, the participation of European countries to the European construction was based on creating the possibility of jointly solving problems that appeared during the development of European society and on the European society clotting after war conflicts. There was a belief that those problems could only be better solved at European level and not only between certain states. The starting point was pooling economic resources used at that time to support the war effort: coal and steel.

Thus, on 9 May 1950 was launched the plan which established the „Union Mountain” and which intended to create an authority to control the production of coal and steel in the Federal Republic of Germany and France, the so-called „Schuman Declaration”. This project has influenced the conception of state sovereignty, which, within half a century, has changed – from state to state – in favor of limiting the State's power of decision on behalf of or

for the benefit of bodies created by integration – therefore the limitation of sovereignty.

The idea of common exercised attributes of sovereignty by the nation states and community structures created through integration, generally seen as a limitation of sovereignty is gradually admitted, predominantly after 1986. Today, this idea is reflected in the new constitutional provisions which express in a special manner from one state to another, a new conception of state sovereignty. This concept brings together two imperatives that seem contradictory at first sight:

1) the existence of states as separate entities, sovereign within the EU

2) the freestanding existence of the EU with its own decision-making power [5].

The analysis of the fundamental laws of the 28 countries that are part of EU highlights the fact that in some of them we find express references, stating that the state can transfer some attributes of sovereignty (some competences) to the European institutions or accept the common exercise of them. In others, we find stipulations regarding the EU integration, the way of ratification of treaties in this field, the participation at formation of the Community institutions, so the idea of common exercising of the attributes of sovereign national states is admitted indirectly.

In the constitutions which contain provisions on state sovereignty under the terms of EU integration (or other international organizations), the regulatory mode and terminology used differs from one state to another, reflecting, according to G. Vrabie, a nuance in the position which State adopts in the issue of limiting sovereignty [5].

Presenting the analysis of EU Member States constitutional texts, we'll highlight the diversity of positions adopted by the States in respect of national sovereignty in terms of European integration, and an assertion of the express conditions under which the states accept the idea of exercising in common their attributes or limitation of sovereignty.

## Andrei GUCEAC

Thus, for example, the Basic Law of Germany [7], after it states the „transfer of sovereignty rights”, in art. 23 specifies the ways of achieving it – the adoption of a law by the Bundesrat with the revision of the Constitution, and the conditions under which federal institutions may contribute to the achievement of the EU tasks.

In the Danish Constitution [8] (Article 20), is admitted the possibility to delegate the competences which belongs to state authorities to the international authorities. Nevertheless certain conditions are imposed, among which we retain as essential the idea of limiting this possibility and the idea of the delegation only through a law passed by 5/6 of the number of deputies (a procedure just as complicated as the revision of the Constitution). In this sense it is stated that the delegation can only be done to an extent which must be determined by law, to analyze well the limits in which the state can waive the exercise of attributes related to sovereignty.

A similar concern can also be found in the text of Title XV of the Constitution of France [9]. Thus, in art.88-1 is provided that „The Republic shall participate in the European Communities and in the European Union constituted by States which have freely chosen by virtue of the treaties which established them to exercise some of their powers in common. It shall participate in the European Union in the conditions provided for by the Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed on 13 December, 2007”.

In other fundamental laws, the condition of „transferring” the power or „waiver” of the states at the decision-making authority in favor of the European Communities are firmer or more detailed. Thus, for example, in Article 6 of Chapter X of the Constitution of Sweden [10] is provided that „Within the framework of European Union cooperation, the Riksdag may transfer decision-making authority, which does not affect the basic principles by which Sweden is governed. Such transfer presupposes that protection for rights and freedoms in the field of cooperation to which the transfer relates corresponds to that afforded under this Instrument of Government and the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. The Riksdag may approve a transfer of authority, provided at least three fourths of those voting and more than half the members of the Riksdag vote in favour of the decision. The Riksdag’s decision may also be taken in accordance with the procedure prescribed for the enactment of fundamental law”.

Analyzing the above texts, we notice first the care with which the Swedish legislature has regulated on the one hand, the parliamentary competence to waive the decision-making authority in some domains, making an exhaustive list of situations in which this power can not be transferred and on the other hand, its power to cede some competences of the administrative and judicial fields.

If in some fundamental laws the issue of state sovereignty in terms of European integration, is regulated by such approach in others is specified that the exercise of the powers reserved by the Constitution to the legislature, executive, and judiciary may be temporarily vested by treaty in institutions governed by international law (art.49 bis, Constitution of Luxembourg [11]).

Finally, given that the treaties that laid the foundation of the European Communities and then of the EU include rules on the competences of European institutions and obligatory acts which they adopt for the Member States (determining the precise framework in which the relations between these countries and the EU take place), in some constitutions we’ll not find direct references to state sovereignty in terms of integration, what we’ll find will be an another approach. Thus, for example, in the Irish Constitution, Article 29 expressly provides that „Ireland affirms its commitment to the European Union within which the member states of that Union work together to promote peace, shared values and the well-being of their peoples. The State may ratify the Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon on the 13th day of December 2007 („Treaty of Lisbon”)”.

In the Romanian Constitution [25], the article 148 establishes that „Romania’s accession to the constituent treaties of the European Union, with a view to transferring certain powers to community institutions, as well as to exercising in common with the other member states the abilities stipulated in such treaties, shall be carried out by means of a law adopted in the joint sitting of the Chamber of Deputies and the Senate, with a majority of two thirds of the number of deputies and senators.”

The article 10a from Czech’s Constitution [13] stipulates that „Certain powers of Czech Republic authorities may be transferred by treaty to an international organization or institution. The ratification of a treaty requires the consent of Parliament, unless a constitutional act provides that such ratification requires the approval obtained in a referendum.”

Croatian Constitution [14] stipulates in article 143 that „the Republic of Croatia shall, as a Member State of the European Union, participate in the creation of European unity in order to ensure, together with other European states, lasting peace, liberty, security and prosperity, and to attain other common objectives in keeping with the founding principles and values of the European Union. Pursuant to Articles 140 and 141 of the Constitution, the Republic of Croatia shall confer upon the institutions of the European Union the powers necessary for the enjoyment of rights and fulfilment of obligations ensuing from membership”.

Constitution of Finland [15] establishes in art. 94 that „A decision concerning the acceptance of an international obligation or the denouncement of it is made by a majority of the votes cast. However, if the proposal

## THE CONSTITUTIONAL PROVISIONS REGARDING THE SOVEREIGNTY OF THE EUROPEAN UNION MEMBER STATES

concerns the Constitution or an alteration of the national borders, or such transfer of authority to the European Union, an international organisation or an international body that is of significance with regard to Finland's sovereignty, the decision shall be made by at least two thirds of the votes cast”.

Article 28 of the Greek Constitution [16] stipulates that „Authorities provided by the Constitution may by treaty or agreement be vested in agencies of international organizations, when this serves an important national interest and promotes cooperation with other States. A majority of three-fifths of the total number of Members of Parliament shall be necessary to vote the law ratifying the treaty or agreement. Greece shall freely proceed by law passed by an absolute majority of the total number of Members of Parliament to limit the exercise of national sovereignty, insofar as this is dictated by an important national interest, does not infringe upon the rights of man and the foundations of democratic government and is effected on the basis of the principles of equality and under the condition of reciprocity.” Article 28 represents the foundation for the country's participation in the European integration process.

In art. 68 of the Constitution of Latvia [17] it is established that „Upon entering into international agreements, Latvia, with the purpose of strengthening democracy, may delegate a part of its State institution competencies to international institutions. The Saeima may ratify international agreements in which a part of State institution competencies are delegated to international institutions in sittings in which at least two-thirds of the members of the Saeima participate, and a two-thirds majority vote of the members present is necessary for ratification.”

Following the review of Slovenia's Constitution [20] in 2003 introduced a series of special provisions (art. 3a) which stipulates that „Pursuant to a treaty ratified by the National Assembly by a two-thirds majority vote of all deputies, Slovenia may transfer the exercise of part of its sovereign rights to international organisations which are based on respect for human rights and fundamental freedoms, democracy and the principles of the rule of law and may 2 enter into a defensive alliance with states which are based on respect for these values.

Before ratifying a treaty referred to in the preceding paragraph, the National Assembly may call a referendum. A proposal shall pass at the referendum if a majority of voters who have cast valid votes vote in favour of such. The National Assembly is bound by the result of such referendum. If such referendum has been held, a referendum regarding the law on the ratification of the treaty concerned may not be called.

Legal acts and decisions adopted within international organisations to which Slovenia has transferred the exercise of part of its sovereign rights shall be applied in Slovenia in accordance with the legal regulation of these organisations.

In procedures for the adoption of legal acts and decisions in international organisations to which Slovenia has transferred the exercise of part of its sovereign rights, the Government shall promptly inform the National Assembly of proposals for such acts and decisions as well as of its own activities. The National Assembly may adopt positions thereon, which the Government shall take into consideration in its activities. The relationship between the National Assembly and the Government arising from this paragraph shall be regulated in detail by a law adopted by a two-thirds majority vote of deputies present.”

The provisions cited above (art. 3a) were applied in respect of referendums on Slovenia's accession to the European Union and the North Atlantic Treaty Organization.

From the moment of Lithuania's accession to the European Union in 2004, part of its Constitution [18] is the Constitutional Act of the Republic of Lithuania on membership of the Republic of Lithuania in the European Union. This Act states that „The Republic of Lithuania as a Member State of the European Union shall share with or confer on the European Union the competences of its State institutions in the areas provided for in the founding Treaties of the European Union and to the extent it would, together with the other Member States of the European Union, jointly meet its membership commitments in those areas as well as enjoy the membership rights.”

Hungary became a member of the European Union on 1 May 2004. Article E, Paragraph (2) from Hungarian Constitution [19] establishes that „With a view to participating in the European Union as a member state, Hungary may exercise some of its competences arising from the Fundamental Law jointly with other member states through the institutions of the European Union under an international agreement, to the extent required for the exercise of the rights and the fulfilment of the obligations arising from the Founding Treaties. The law of the European Union may stipulate a generally binding rule of conduct subject to the conditions set out in Paragraph (2). The authorisation to recognise the binding nature of an international agreement referred to in Paragraph (2) shall require a two-thirds majority of the votes of the Members of Parliament.”

Article 7 from The Constitution of the Slovak Republic [21] states that „The Slovak Republic may, by an international treaty, which was ratified and promulgated in the way laid down by a law, or on the basis of such treaty, transfer the exercise of a part of its powers to the European Communities and the European Union. Legally binding acts of the European Communities and of the European Union shall have precedence over laws of the Slovak Republic.”

Constitution of the Portuguese Republic [22] in the article 7 establishes that „Subject to reciprocity and to respect for the fundamental principles of a democratic state based on the rule of law and for the principle of

## Andrei GUCEAC

subsidiarity, and with a view to the achievement of the economic, social and territorial cohesion of an area of freedom, security and justice and the definition and implementation of a common external, security and defence policy, Portugal may enter into agreements for the exercise jointly, in cooperation or by the Union's institutions, of the powers needed to construct and deepen the European Union”.

From May 2004 Poland is a member of European Union. The Polish Constitution [23] does not provide special regulations regarding the relationship between national and EU law. The only rules in this matter are constitutional regulations concerning the sources of law regulated in Chapter III of the Constitution.

According to these regulations, the Republic of Poland may, by virtue of international agreements, delegate to an international organization or international institution the competence of organs of State authority in relation to certain matters. A statute, granting consent for ratification of an international agreement, shall be passed by the Sejm by a two-thirds majority vote in the presence of at least half of the statutory number of Deputies, and by the Senate by a two-thirds majority vote in the presence of at least half of the statutory number of Senators. Granting of consent for ratification of such agreement may also be passed by a nationwide referendum in accordance with the provisions of Article 125.

According to art. 65 para. (1) of the Constitution of Malta [24] „Subject to the provisions of this Constitution, Parliament may make laws for the peace, order and good government of Malta in conformity with full respect for human rights, generally accepted principles of international law and Malta's international and regional obligations in particular those assumed by the treaty of accession to the European Union signed in Athens on the 16th April, 2003”.

This means that within domestic law, the European law enjoys a superordinated position to the laws of Malta, irrespective if they are adopted before or after the relevant European legislative acts. However, the relationship between constitutional provisions and those contained in EU law it is not stated. Therefore, a position remains possible, according to which the European law norms will have no effect to the extent in which they contradict with the rules contained in the fundamental text.

If the above mentioned constitutions comprise explicit references to the status of the state sovereignty in terms of European integration, in other fundamental laws there are no regulations of this kind, but from interpretation of the texts, we can observe the State's position in the issue of the partition of competences related to sovereignty (or their exercise) between the EU institutions and national institutions.

From the overall analysis of the constitutional pro-

visions stated above it is found that irrespective of the manner in which was solved, from the legal point of view, the issue of relations between the EU and each Member State, namely the problem of the common exercise by the Community institutions of competences related to state sovereignty, in all these countries has been accepted in one form or another, the idea of limiting sovereignty, as this category was understood in the classical doctrine of constitutional law.

In all these constitutions – in some more than in others – is reflected a new conception of the state sovereignty, a conception that makes possible the integration and especially its continuation. But given the so varied expressions, which by opinion of G. Vrabie [5] is not a matter of „language”, but the position of each state about the idea of limiting or sharing sovereignty, the question arises as to which of formulations encountered in the constitutions of these 28 states on this issue are more suited and closer to the reality it reflects and the classical theories in this field?

Jean Jacques Rousseau asserted that the sovereignty belongs to the people. The government is entrusted only with the exercise of the sovereignty because the sovereignty is inalienable. In this sense the government is only the executor of the general will [3]. Considering this democratic principle, we can say that sharing sovereignty is not possible, but only the sharing of the exercise or transfer of some attributes of sovereignty [8], [22]. This conception, as we saw, is reflected in some of the constitutional texts. Moreover, in some constitutions the possibility of alienating the exercise of some attributes of sovereignty is conditioned. In this regard is mentioned that the division, delegation or the common exercise of sovereignty can only be „temporary” [11].

When we refer to the relationship between Member States and the European Union in terms of sovereignty, we should mention that within this relationship there is a delegation of competences for the exercise of certain powers relating to the sovereignty of the Member States or their common exercise with the EU institutions.

We also want to mention that when in a fundamental law is found the phrase „limitation of sovereignty” we must understand that this does not suppose the limitation of power or will of the people. The limitation does not apply in relation to people, but to the traditional competences of governing, that can be exercised by state or can be delegated to the community structures or exercised in common at two levels – of the state and of the European Union.

Moreover, this limitation must be treated as a consequence of the manifestation of will of the sovereign states that form the European Union. Within the European Union, the right to decide whether to follow the path of integration up to federalization or to take a different decision is guaranteed in the spirit of sovereignty.



THE CONSTITUTIONAL PROVISIONS REGARDING THE SOVEREIGNTY OF THE EUROPEAN UNION MEMBER STATES

Bibliography:

1. Ionescu, Cr. Tratat de drept constituțional contemporan. Ediția a 2-a. – București: Editura C.H. Beck, 2008.
2. Deleanu, I. Instituții și proceduri constituționale. – București, 2006.
3. Rousseau, J. J. Contractul social sau principiile dreptului public. Editura Antet. Prahova.
4. [http://www.dados.org/rom/menschenrechte/grundkurs\\_2/Materialien/dokument\\_4.htm](http://www.dados.org/rom/menschenrechte/grundkurs_2/Materialien/dokument_4.htm).
5. <http://193.226.121.81/default.aspx?page=publications/buletin/3/vrabie>
6. <https://constitutii.wordpress.com>
7. <https://constitutii.wordpress.com/2013/02/01/legea-fundamentala-pentru-republica-federala-germania/>
8. <https://constitutii.wordpress.com/2013/02/04/constitutia-regatului-danemarcei/>
9. <https://constitutii.wordpress.com/2013/02/02/constitutia-republicii-franceze/>
10. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/15/constitutia-regatului-suediei/>
11. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/26/constitutia-marelui-duc-at-de-luxemburg/>
12. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/29/constitutia-irlandei/>
13. <https://constitutii.wordpress.com/2013/02/07/constitutia-republicii-cehe/>
14. <https://constitutii.wordpress.com/2013/02/05/constitutia-republicii-croatia/>
15. <https://constitutii.wordpress.com/2013/02/02/constitutia-republicii-finlanda/>
16. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/31/constitutia-republicii-elene-grecia/>
17. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/26/constitutia-republicii-letonia/>
18. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/26/constitutia-republicii-lituania/>
19. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/13/constitutia-ungariei/>
20. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/17/constitutia-republicii-slovenia/>
21. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/17/constitutia-republicii-slovacia/>
22. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/18/constitutia-republicii-portugheze/>
23. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/18/constitutia-republicii-polone/>
24. <https://constitutii.wordpress.com/2013/01/24/constitutia-republicii-malta/>
25. <http://www.cdep.ro/pls/dic/site.page?id=339>

Резюме

Так как Европейский проект вполне серьезно потряс концепцию суверенитета и научные видения ученых, в данном исследовании автор пытается определить конституционные подходы к концепции суверенитета, установленном в конституциях стран Европейского Союза.

Анализируя основные законы 28 стран, которые являются частью Европейского Союза, автор подчеркивает разнообразие позиций, принятых государствами в отношении национального суверенитета в условиях европейской интеграции, и утверждение экспресс условий, при которых государства принимают идею совместного осуществления суверенитета или ограничение суверенитета.

**Ключевые слова:** Конституция, суверенитет, Европейский Союз, Европейская интеграция, делегация компетенций.



**Ion GUCEAC,**  
graduate student of The Moldova State University,  
master student at The „Dunarea de Jos” University  
from Galati

### THE PECULIARITIES OF THE REGULATION OF THE RIGHT TO LIFE IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Protection of the right to life through domestic and international standards is essential and, at the same time a necessity, as it represents a fundamental attribute of the person, whose protection is closely related to the safety and other attributes of the person: body integrity, health, freedom, etc.

Protection of right to life finds its consecration through international rules primarily, but also by internal rules, taking into account the importance of a person's life, not only for one human but also for the whole society.

According to the provisions of article 24 (1) of the Constitution of the Republic of Moldova of 29 July 1994, the State guarantees every citizen the right to life and also physical and mental integrity.

Positive obligations of the State with reference to the exercise of this right places the person under a double commitment: to protect life and to refrain from any attacks upon it. The absolute character of the guarantee also refers to the physical and psychological integrity assured by the prohibition against torture or inhumane punishments or degrading treatments.

National law is not unanimous regarding the moment of the right to life. Time of beginning of life is not expressly regulated in national legislation, but from the article 1 (2) of the Law on the rights of the child, no. 338-X111 of 15 December 1994, which stipulates that „a person is considered to be a child from the moment of birth until the age of 18 years”, and the provisions of article 4 of the same law, according to which the right to life of the child is guaranteed, it can be inferred that the human person enjoys that right from the moment of birth.

Equally, the Criminal Code of the Republic of Moldova of 18 April 2002 recognizes the right to life from the childbirth, by criminalizing the offense of infanticide killing newborn child, committed during birth or soon after birth by his mother who is in a state of physical or mental disorder, caused by birth (art. 147).

The Civil Code of the Republic of Moldova, through regulations of art. 18 (3), recognizes the quality of the child to inherit from the moment of conception. Therefore, the interpretation of the provisions of civil legisla-

tion, it can be inferred that the child indirectly is recognized the right to life.

The Criminal Code of the Republic of Moldova prohibits offences committed upon the address of any person, in some articles of chapter I *Crimes against the peace and security of mankind, war crimes* and the entire chapter II *Offences against the life and health of the person*, is aimed to create a legal instrument for protection of human life.

Criminal penalties, are here to ensure the State's coercive force in the fight against violations of the right to life and physical and mental integrity of the person.

The legislative framework is a pretty complex, with regard to the criminalization and punishment of actions encroaching upon the right to life and physical and mental integrity. The problem in applying these standards, in fact, recognize more problems, such as the act of carrying out justice, quality and effectiveness of criminal prosecution, the high level of corruption, etc.

In terms of broad protection of the right to life, a special area to guarantee the right to life is related to issues of the environment. In this regard, in accordance with article 37 of the Constitution of the Republic of Moldova, every human being has the right to an environment that is ecologically safe from environmental point of view for life and health, in equal measure, the Law on environmental protection, provides that the State recognizes, all individuals the right to a healthy environment ( article 30 (1) ), pursuant to this obligation, the State establishes and controls the management of toxic substances, mineral fertilizers and pesticides. The law also provides for non-admission in the country for the construction of nuclear power plants, import, and transit of nuclear weapons, nuclear fuel, nuclear waste of any kind (except nuclear materials which are transported between the Russian Federation and the Republic of Bulgaria through the territory of the Republic of Moldova and Ukraine).

Environmental protection has become a necessity of contemporary society, an opportunity with a universal character. Concerns about the preservation of a healthy environment, directly influence the improvement of hu-

## THE PECULIARITIES OF THE REGULATION OF THE RIGHT TO LIFE IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA

man living conditions, maintenance of ecological balance of ecosystems, of which the human being is an integral part. The existence of healthy environment represents a condition for achieving the fundamental right of every person: the right to physical and moral health and right to life.

It involves keeping the quality of main components of the environment-air, water, soil, flora and fauna in conditions of sustainable development.

Health by its nature is a value and a precondition for the prosperity of society. For these reasons, the citizens' health is one of the main priorities of each State, and health policy provides for the right of everyone to have access to high quality healthcare.

Through the policy which it promotes, the Republic of Moldova aims: to prevent disease; to protect and promote the health of the population; to improve the quality of life.

Currently the legislation in this area is represented by several pieces of legislation, the Government's decisions and documents approved by the Ministry of health and other public authorities, designed in different periods of statehood, understanding governance perspectives and philosophies of his time.

Despite the fact that the Healthcare Law no. 411 from 28.03.1995 and other regulations have undergone numerous modifications, until now we do not find a meaningful definition of the main components of the health system, in particular, „health services” and „public health”.

The adoption of the Law on the supervision of public health, no. 10 03.0.2009 constituted a step meant to ensure the conditions for achieving maximum health potential of every individual. This however does not explain exactly until where the concerns of public health and to what extent other areas (environment, food safety, veterinary, safety at work, protection of certain social groups, etc.) are subject to the concerns of public health institutions. Moreover, these fields are listed in the legislation of the European Union as areas of health, because they largely determine the State of health of the population. However, adjusting to the rigors of legal framework and EU standards, and the development of new regulations are required to implement the national health policy, for a period of 15 years.

Safety of life inevitably takes place day after day, being an attribute, but also a condition of existence of the right to life, or rather the right to a decent living.

In this regard, the State has the positive obligation to take measures what would ensure physical and men-

tal integrity of the person, would effectively protect human dignity of the individual; to examine complaints and cases of torture, inhuman treatment or degrading punishment times; to take action to combat and prevent torture.

Another problem is detention institutions, although in recent years there are some improvements, but the main problems remain still the same: overcrowding, inadequate sanitary-hygienic conditions, poor quality of health care and nutrition.

To resolve them are taken measures for overcoming the difficulties related to financial support and other issues depend on human factors: ensuring the rights of detainees, training workers, creating conditions for change for the better the attitude towards prisoners.

Effective realization of the right to life, physical and mental integrity, constitutes the object of concern not just to law enforcement agencies. Advocates of the people carrying out the mandate of the national mechanism for the prevention of torture, have the task, along with the Advisory Board to regularly visit places of detention in order to prevent torture or bad treatments. Periodically reports of this visits are made public, and the recommendations addressed to the authorities aim to improve the situation of detainees.

At the same time, the legislature adopted the Law on civilian control over the observance of human rights in detention institutions, offering public associations the right to assess the level of compliance of the rights of persons deprived of liberty, detention conditions and treatment of detainees.

Republic of Moldova is a country in the developing process, as it is the poorest country in Europe, this makes the society be affected, in a manner much more sharply than in other European countries.

Moldova enjoys a legislative framework that protects the physical life of person, lately we saw considerable improvements in the adoption and amendment of laws, that protect life of person in the broad sense, we mean the right to a decent living, under appropriate conditions. It is natural, that the Constitution as the fundamental law, can not regulate in detail what rules would protect life in the broad sense, here are involved other laws, which also complements existing omissions like The European Convention on human rights.

In this regard, we appreciate the fact that when it comes to basic human rights, the current trend in the civilized world is to overcome the limits of States' borders, resolving the problem by being concerned the entire international community.

### Bibliography:

1. Cobăneanu, S., Tomuleț, C. Cadrul juridic de protecție a dreptului la viață în Republica Moldova, *Analele științifice ale USM. Seria Lucrări Studentești*. – Chișinău, 2002, p. 29.

2. Constituția Republicii Moldova, din 29.07.1994, publicat: 12.08.1994 în *Monitorul Oficial* nr. 1, data intrării în vigoare: 27.08.1994.

## Ion GUCEAC

3. Legea privind drepturile copilului, nr. 338, din 15.12.1994, publicat: 02.03.1995 în Monitorul Oficial nr. 13.

4. Codul Penal al Republicii Moldova, nr. 985 din 18.04.2002, publicat: 14.04.2009 în Monitorul Oficial nr. 72-74.

5. Codul Civil al Republicii Moldova, nr. 1107 din 06.06.2002, publicat: 22.06.2002 în Monitorul Oficial nr. 82-86.

6. Legea privind protecția mediului înconjurător, nr. 1515, din 16.06.1993, publicat: 01.10.1993 în Monitorul Parlamentului nr. 10.

7. Centrul pentru Drepturile Omului din Moldova, Raport privind respectarea drepturilor omului în Republica Moldova în anul 2014. – Chișinău, 2015, p.19, [http://crjm.org/wp-content/uploads/2015/02/raport\\_cpdom\\_2015.pdf](http://crjm.org/wp-content/uploads/2015/02/raport_cpdom_2015.pdf), accesat la data de 20.09.2015.

8. Legea ocrotirii sănătății, nr. 411 din 28.03.1995, publicat: 22.06.1995 în Monitorul Oficial nr. 34.

9. Legea privind supravegherea de stat a sănătății publice, nr. 10 din 03.02.2009, publicat: 03.04.2009 în Monitorul Oficial nr. 67. Data intrării în vigoare: 03.05.2009.

10. Strategia Europeană în domeniul sănătății, <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1432422811658&uri=URISERV:c11579>, accesat la data de 20.09.2015.

11. Hotărîrea Guvernului Republicii Moldova cu privire la aprobarea Politicii Naționale de Sănătate nr. 886 din 06.08.2007, publicat: 17.08.2007 în Monitorul Oficial nr. 127-130.

12. Legea cu privire la Avocatul Poporului (Ombudsmanul), nr. 52 din 03.04.2014, publicat: 09.05.2014 în Monitorul Oficial nr. 110-114.

13. Legea privind controlul civil asupra respectării drepturilor omului în instituțiile care asigură detenția persoanelor, nr. 235 din 13.11.2008, publicat: 19.12.2008 în Monitorul Oficial nr. 226-229.

## Резюме

Защита права на жизнь основанная на внутренних и международных стандартов имеет важнейшее значение и в то же время представляет строгую необходимость. Право на жизнь и его юридические гарантии находят подтверждение прежде всего в нормах международного права, но и в национальных нормативно правовых актах. Следует отметить что национальные источники права регламентируют по-разному отношения связанные с обеспечением права на жизнь. К примеру, сравнительное исследование подтверждает что национальное законодательство определяет по разному сам момент возникновения права на жизнь. В некоторых случаях время с которого появляется право на жизнь вообще нормативно не определяется.

Для Республики Молдова, являющейся сегодня одной из самых бедных стран Европы, этот вопрос затрагивает интересы общества гораздо острее чем в других европейских странах. Вот почему мы высоко ценим тот факт, что когда дело доходит до основных прав человека, в процессе урегулирования соответствующей проблемы, в цивилизованном мире формируется тенденция преодоления границ государств.

**Ключевые слова:** Конституции, законодательство Республики Молдова, право на жизнь, защита права на жизнь.



**Валериян ДОЛИДЗЕ,**  
доктор философии в истории,  
Тбилисский государственный университет  
им. И. Джавахишвили

## ВОЙНА И СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Распад современной международной системы проходит в условиях глобализации, которая, по словам Бжезинского, ведет к всеобщей уязвимости [1, с. 24]. Его темпы определяются общей закономерностью нашего времени, когда «история ускоряет свое развитие темпами, невообразимыми еще несколько десятилетий назад» [2, с. 140]. Результатами этого распада являются быстрое ослабление всемирных институтов и усиление угрозы войны.

Главным достижением уходящей системы является остановка исторической тенденции расширения войн до мировых масштабов и выработка механизмов функционирования в условиях глубоких противоречий без превращения их в мировую войну. В настоящее время идет процесс становления многополярного мира, что еще в конце двадцатого века предвидел Бжезинский, который отмечал: «в конце концов мировой политике непременно станет все больше несвойственна концентрация власти в руках одного государства» [3, с. 248]. Но как повлияет это на мир и безопасность земного шара в условиях глобализаций? Опыт возникновения второй мировой войны показывает, что ответ на этот вопрос будет зависеть от качественных характеристик новой системы международных отношений. Но какой будет она в условиях многополярного мира?

В настоящей статье мы постараемся на примере второй мировой войны показать связь между системными качествами международных отношений и возникновением мировой войны.

### **1. Появление тенденции расширения войн до мировых масштабов и создание институциональных основ мира**

В двадцатом веке появляется и развивается тенденция расширения войн до планетарных масштабов. Именно это показывает сравнение количественных показателей двух мировых войн: в первой мировой войне принимали участие 36 государств, во второй - уже 61; число нейтральных государств сократилось от 17 до 6; количество населения государств участников мировых войн возросло от 1050 миллионов

(62% мирового населения) до 1700 миллионов (80% мирового населения); от 14 до 40 возросло число государств, на территориях которых проводились боевые действия. Расширяется также и масштаб охвата земного шара боевыми действиями. Во время первой мировой войны они проходили на территории площадью в 4 миллиона квадратных километров, а во время второй – 22 квадратных километра. От 70 миллионов до 110 миллионов возросло количество граждан, призванных на военную службу. Рост масштабов мировых войн сопровождался ростом их жертв: в первой мировой войне погибли 10 миллионов, во второй - 32, а количество раненых возросло от 20 до 35 миллионов [5].

Вторая мировая война показала экзистенциальную опасность войны, что способствовало появлению сильнейших международных механизмов защиты мира, которые во многом определили характер послевоенной международной системы.

Институциональные основы мира начинают развиваться после нападения Гитлера на СССР. 1 января 1942 года 26 государств антигитлеровской коалиции подписывают декларацию объединенных наций, а в 1942 -1945 гг. к этой декларации присоединилось еще 21 государство. Процесс создания ООН переходит в свою завершающую стадию развития в 1944 году, когда в Думбартон-Оксе была проведена международная конференция представителей участников антигитлеровской коалиции. На ней были обсуждены вопросы послевоенного устройства мира и создания международной организации мира и безопасности, а также были подготовлены предложения для создания международной организации безопасности, которые стали основой устава ООН.

Послевоенный мир не был свободным от конфликтов и войн. Его функционирование проходило в условиях холодной войны, которая стала результатом планетарного противостояния социализма и капитализма, но вторая мировая война создала те механизмы, которые не давали возможность перерастания этого противостояния в мировую войну. Послевоенный мир стал более гуманным, когда начали ценить

**Валериян ДОЛИДЗЕ**

жизнь и достоинство каждого человека. В этом огромную роль сыграла Организация Объединенных Наций, которая появилась в результате второй мировой войны. На Нюрнбергском процессе были объявлены преступления и запрещены фашизм и нацизм, что явилось значительным вкладом для создания институциональных основ безопасного мира.

**2. Функционирование международной системы индивидуального выживания и подготовка мировой войны**

Международная система, которая сложилась между двумя мировыми войнами, появилась в результате Версальского мирного договора. Она характеризовалась слабостью институтов мира и множеством глубоких противоречий, которые разобщали и противопоставляли друг другу отдельных участников международных отношений и мешали формированию устойчивых и эффективных кооперативных связей между ними для достижения общих целей. Отсутствие ядерного оружия и сравнительно слабое разрушение глобальной окружающей среды препятствовали осознанию общих опасностей и интересов, что отрицательно влияло на развитие международного сотрудничества. На международной арене социализм был представлен единственной страной – СССР, сила и влияние которого были слабыми. Это препятствовало появлению блокового противостояния и устойчивого группирования участников международных отношений вокруг общих, глубоких и стабильных долговременных интересов. В этих условиях поведение субъектов международных отношений формировалось в основном на базе индивидуальных, узких и кратковременных интересов, что делало систему международных отношений нестабильной и ослабляло ее устойчивость к исторической тенденции превращения локальных войн в мировую. Каждый из участников международных отношений стремился в своих интересах использовать противоречия международной системы. Это была система индивидуального выживания, участники которой старались избежать агрессии за счет других субъектов международной политики и использовать ее в своих узких и эгоистических интересах. Нарушение международного права стало правилом функционирования системы международных отношений, что существенно ослабляло значение правовых норм в международной политике и формировало правовой нигилизм у ее участников.

В результате Версальского мирного договора Германия потеряла восьмую часть своих территорий и колониальные владения. Она должна была сократить свои вооруженные силы до минимума и платить огромные репарации [5, с. 9]. Но глубокие противоречия, которые существовали в лагере победителей, мешали им выступить единым фронтом для прак-

тического осуществления условий Версальского договора. Международная система, для которой нарушение международного права стало способом функционирования, блокировала применение санкций против Германии, которая систематически нарушала требования Версальского договора. Правовой нигилизм этой системы отчетливо проявился уже в начале истории ее существования. В 1923 году Франция оккупировала главные промышленные районы Рура. Поводом для этой акции послужила невыполнение Германией своих обязательств по репарациям. Но после нажима Англии, США и Италии она была вынуждена вывести свои войска [5, с. 14]. С приходом к власти Гитлера, полностью проявляется природа существующей международной системы, ее правовой нигилизм и отсутствие резистентности к насилию и войне. Ее функционирование дает возможность Германии перейти на военные рельсы экономического и политического развития. Используя противоречия среди победительниц, она легко обходит ограничения Версальской системы и быстро наращивает свой экономический и военный потенциал. Через год после прихода к власти, в октябре 1934 года, Гитлер издает приказ об увеличении рейхсвера от 100 до 300 тысяч солдат. Он мобилизует науку и промышленность для снятия дефицита бензина и каучука, которые имели большое значение для военного усиления Германии [6, глава первая]. В 1937 году производство синтетического бензина составило 300 тысяч тонн. «ИГ Фарбен» начал производить искусственную резину из угля. В 1934 году совет обороны рейха одобрил план мобилизации 240 тысяч промышленных предприятий для производства военной продукции. В 1934 году министр иностранных дел Англии сер Джон Саймон фактически потребовал применения принципа равенства вооружения в отношении Германии. 9 марта 1935 года Гитлер заявил, что у Германии уже имеются военно-воздушные силы, а потом объявил о введении всеобщей военной обязанности и создании армии из 36 дивизий [6, глава первая]. Германия искусно использовала в своих интересах недоверие и враждебность, которые существовали между членами международной системы, особенно их явную ненависть к СССР. Германия использовала антисоветизм для легитимации своего поведения. Например, министру иностранных дел Англии, Антони Идену, Гитлер заявил, что Германия оказывала огромную услугу Европе тем, что она защищала ее от большевизма [6, глава первая].

Неспособность международной системы защитить международные правовые нормы поведения явно проявилась 7 марта 1936 года, когда Германия оккупировала рейнскую демилитаризованную зону. В этом акте Франция увидела непосредственную угрозу своей безопасности, но не смогла добиться поддержки со стороны своего союзника Англии, ко-

## ВОЙНА И СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

торая старалась договориться с Германией. Стремление Англии действовать в соответствии со своими узкими, эгоистическими интересами парализовало возможность организации коллективных действий для предотвращения угрозы миру и безопасности, которая исходила от Германии.

Политика умиротворения усилила стремление отдельных государств к индивидуальному выживанию за счет других членов международной системы и окончательно вывела ее функционирование из сферы влияния международного права. Право силы, несправедливость, предательство, эгоизм начинают явно и окончательно доминировать в ее функционировании. После оккупации Германией рейнской демилитаризованной зоны, Англия поспешила совсем отвернуться от Франции и предать своего бывшего союзника. По мнению Чемберлена, Британия должна была упрочить свои отношения с Германией и Италией, а дружбу с Францией перенести на второй план [6, глава первая]. В 1938 году Гитлер, получив информацию от Риббентропа о том, что Англия ничего не предпримет ради Австрии, в том числе и гарантии от Италии и Чехословакии, вводит свои войска в Австрию. Опасность оккупации нависла над Чехословакией.

Способ функционирования международной системы особенно сильно задевал интересы СССР. В это время СССР был не только слабым государством, но также и объектом вражды и недоверия главных игроков международной жизни. Эти последние вынуждены были мириться с его существованием, и стремились избавиться от него при благоприятных обстоятельствах. В этих условиях СССР был заинтересован в укреплении международных факторов своей безопасности, что требовало изменения способов функционирования всей системы международных отношений, то есть ее превращения из системы индивидуального в систему коллективного выживания. Поэтому СССР стремился усилить значение коллективных интересов в международной жизни и на этой основе сплотить ее участников в борьбе против агрессии.

17 марта 1938 года СССР вносит предложение о проведении международной конференции для предотвращения дальнейших агрессий Германии. Советский посол сообщил президенту Чехословакии Бенешу, что СССР был готов предпринять соответствующие меры для обеспечения безопасности Чехословакии. К этому времени между СССР и Чехословакией уже был заключен договор о взаимопомощи. По этому документу условием взаимопомощи являлось выполнение Францией своих обязанностей. Этот пункт был включен в договор по настоянию Бенеша. Но Франция не выполнила своих обязанностей перед Чехословакией, а Чемберлен в палате лордов отверг советскую инициативу на том основании, что ее осуществление повлечет за собой появление закрытой

группы наций, что затруднило бы решение проблемы мира в Европе [6, глава первая]. Комментируя эту позицию, Уткин справедливо указывает, что в это время уже существовал антикоминтерновский пакт, а против Британии действовала ось Берлин-Рим [6, глава первая]. В действительности Чемберлен был уверен, что Гитлер интересовался только Судетами. 18 марта он сообщает своему кабинету, что, по его мнению, претензии Гитлера ограничиваются только Судетами. В это же время в правящих кругах Британии укрепляется мысль об отходе от Франции и использовании всех возможностей для создания единого фронта совместно с Гитлером против СССР. Это повлияло и на судьбу судетов. Интересно, что в это же время Британский посол в Германии характеризует чехов, как свиноголовую расу, а президента Бенеша - наиболее свиноголового в своем стаде. Немцам он заявил, что Британия не собирается рисковать ни одним из своих моряков и летчиков ради Чехословакии [6, глава вторая]. В это время в Чехословакии было мобилизован один миллион человек, Франция провела частичную мобилизацию. Чехи и Французы вместе превосходили немцев в соотношении два к одному. По мнению Уткина, при помощи СССР, что было гарантировано, такое взаимоотношение сил еще более могло измениться в пользу союзников. 21 Сентября в Женеве Литвинов утвердительно ответил на вопрос чехов, могли ли они надеяться на советскую помощь? Вдоль границы с Польшей были расположены десять советских дивизий под командованием маршала Тимошенко [6, глава вторая].

Положение Чехословакии еще больше затрудняла позиция Польши, которая требовала отторжения от нее Тешинской области и ее присоединение к Польше. По этому вопросу поляки вели переговоры с немцами. 19 сентября 1938 года министр иностранных дел Польши Ю. Бек поручает Ю. Липицкому вести непосредственные переговоры с Гитлером. Целью этих переговоров – получение согласия Гитлера на присоединение Тешинской области к Польше. Бек подчеркивал заслуги Польши перед Берлином, которая неоднократно отказывалась от предложений присоединиться к международным действиям для защиты Чехословакии и препятствовала советским инициативам, которые были направлены против агрессивных намерений Гитлера. Гитлер одобрил позиции Польши. Так, 21 сентября правительство Польши предъявило Чехословакии ультиматум с требованием передать Польше Тешинскую область. 22 сентября 1938 года министр иностранных дел Чехословакии К. Крофт обратился к СССР с просьбой оказать давление на правительство Польши, которое сконцентрировало свои войска на границе с Чехословакией. 23 сентября В. П. Потемкин передал поверенному в делах Польши в СССР протест советского правительства, касающийся намерения правительства Польши

**Валериян ДОЛИДЗЕ**

занять территорию Чехословакии. В заявлении говорилось, что если польские войска пересекут чехословацкую границу, советское правительство расценит этот акт как агрессию и будет вынужденно денонсировать пакт о ненападении между Польшей и СССР. [5, с. 103-104].

Несмотря на усилия СССР предотвратить раздел Чехословакии, Мюнхен все же состоялся. Тешинская область отошла к Польше, Судеты - к Германии. Англия и Франция предали Чехословакию. Некоторые члены Британского парламента, которые считали Мюнхен национальным предательством, в знак протеста ушли в отставку, в том числе и новый лорд адмиралтейства Даф Купер [6, глава вторая].

**3. Пакт Молотова–Риббентропа как результат функционирования международной системы индивидуального выживания**

Мюнхен усилил такую черту существующей международной системы, как недоверие между ее элементами. В этих условиях СССР радикально меняет свою международную политику и начинает сближаться с Германией. Но до этого, он еще раз пытается изменить ситуацию и выступает в защиту Польши, которая становилась очередной жертвой немецкой агрессии.

15 марта 1939 года немецкие войска вошли в Чехословакию. Настала очередь Польши. После Мюнхена СССР снижат свою внешнеполитическую активность. Сталин боялся выхода немецких войск непосредственно к советским границам. СССР готов был помочь Польше против немецкой агрессии, но Польша отказывалась от советской помощи. 18 августа польский президент заявил английским и французским послам, что советские войска не имеют должного значения, а через два дня министр иностранных дел Польши официально отверг предложение англичан и французов о пропуске советских войск [6, глава третья].

У Сталина были сомнения, что англичане и французы вступят в войну, если немецкие войска после захвата Польши нападут на Россию [6, глава третья]. В этом случае СССР оставался один на один с Германией. Для таких сомнений имелись серьезные основания. К этому времени англичане и французы уже успели пожертвовать Австрией и Чехословакией, которые политически и идеологически были намного ближе к ним, чем к СССР, которого они ненавидели и вынуждены были смириться с его существованием. Новейшая история их поведения на международной арене свидетельствовала, что эти государства не были надежными партнерами. Поэтому Сталин имел веские основания не доверять им. В этих условиях появился договор о ненападении между Германией и СССР, который был подписан в Москве 23 августа 1939 года.

Соглашение между СССР и Германией включало

в себя как собственно договор о ненападении, так и секретный дополнительный протокол. Согласно договору, в случае нападения на одну из сторон третьей стороны, вторая сторона не должна была оказать этой последней никакой помощи. СССР и Германия обязались «не присоединяться ни к одной группе держав, которые прямо или косвенно направлены против второй стороны» (6, глава третья).

В секретном протоколе были разграничены зоны влияния сторон: «1. В случае территориальных и политических трансформаций на территориях, принадлежащих балтийским государствам (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы будет представлять собой границу сфер интересов Германии и СССР. 2. В случае территориальной и политической трансформации территорий, принадлежащих польскому государству, сферы интересов Германии и СССР должны пролегать примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о заинтересованности обеих сторон в сохранении независимого польского государства и о границах этого государства может быть окончательно определен только в ходе дальнейших политических процессов. В любом случае оба правительства разрешат этот вопрос в духе дружеского взаимопонимания» [6, глава третья]. Бессарабия вошла в сферу интересов СССР [6, глава третья]. Как видно из этого документа, Польша, которая участвовала в разделе Чехословакии, не поддерживала советских мирных инициатив и способствовала развитию агрессии Германии в Европе, сама была поделена на зоны влияния СССР и Германии по рекам Нарев, Висла, Сан. В сферу немецкого влияния вошла Литва, включая Вильнюс, который в это время находился в составе Польши. Сфера влияния СССР включала Финляндию, Эстонию и сначала только часть Латвии (по северную часть Двины), но после согласия Гитлера она распространилась на всю Латвию целиком. По оценке Буллока, «Сталин вернул аннексированные Польшей в 1920 году области Белоруссии и Украины, солидную часть исконных земель Польши, добавив к этому три из четырех балтийских государств, утраченных в 1917 году (так была устранена угроза Ленинграду), и Бессарабию, отошедшую к Румынии в 1918 году» [6, глава третья].

По мнению Уткина, Советско-германский договор вернул Советскому Союзу территории, которые были потеряны двадцать лет тому назад, и советская промышленность получила еще полтора года для своего мирного развития [6, глава третья]. Кроме этого, этот документ имел большое значение для улучшения внешних условий безопасности СССР. Он разобщил антисоветские силы на международной арене. В советско-германском договоре японцы увидели нарушение антикоминтерновского пакта. К этому времени у Халхин-Гола советские войска наносят поражение японцам. Япония, которая оставалась один на один с



## ВОЙНА И СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

СССР, была вынуждена 15 сентября подписать с ним соглашение.

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, началась вторая мировая война. Западные союзники не помогли Польше. Несмотря на то, что французы имели значительное военное превосходство над немцами, они ничего не делали для остановки агрессии - на западе 33 дивизии Гитлера ждали нападения 70 французских дивизий и 3 тысячи танков, но они стояли на месте [6, глава третья].

Нужно отметить, что СССР не спешил оккупировать польские территории. Видимо он не хотел выступить в роли агрессора, и поэтому занял выжидательную позицию. Пока Польша оборонялась, немцы не могли приблизиться непосредственно к советским границам. СССР ввел свои войска на территорию этой страны только тогда, когда сопротивление поляков было окончательно сломлено, и нависла реальная угроза выхода немцев к его границам. Это стало подтверждением того, что СССР оккупировал часть польской территории по соображениям национальной безопасности, а не для увеличения своих территорий или же экспорта революции.

3 сентября 1939 года немцы предложили СССР принять участие в войне против Польши. Это предложение они повторили 10 сентября. Но советские войска перешли границу Польши только 17 сентября, когда польское государство практически прекратило существование, и возникла опасность, что немцы могли оккупировать всю Польшу и непосредственно выйти к границам СССР. В это время Сталин отказывается от своего намерения допустить существование остатков Польши как государства и взамен Литвы позволяет Германии захватить всю Польшу [6, глава третья], что можно объяснить интересами национальной безопасности.

Пакт Молотова-Риббентропа и начало мировой войны на западе дали возможность Сталину подготовить границы СССР для неминуемой войны. Для этого он идет на грубое нарушение международного права, что уже давно стало особенностью функционирования существующей международной системы индивидуального выживания. В результате финской войны граница СССР на карельском перешейке в районе Ленинграда была отодвинута к северо-западу с 32 до 150 км, а территории Советского Союза увеличились за счет Карельского перешейка, Балтийского порта Ханко и полуострова Рибачий. В 1939 году на основе договоров о взаимопомощи в Эстонии, Латвии и Литве были размещены советские базы. После совершения государственных переворотов в 1940 году и прихода к власти в этих республиках дружественных коммунистам правительств, в эти страны вводят дополнительные контингенты красной армии. В этих условиях проводятся выборы в верховные органы власти, к которым были допущены только коммунистически настроен-

ные партии. В результате были избраны парламенты с прокоммунистическим большинством, которые провозглашают прибалтийские государства как советские социалистические республики и обращаются к Верховному Совету СССР с просьбой о вступлении в Советский Союз. В августе 1940 года Литва, Латвия и Эстония были приняты в состав СССР.

В 1940 году Румыния была вынуждена возвратить СССР Бессарабию и передать Северную Буковину.

### **4. Особенности системы международных отношений и территориальные расширения Советского Союза перед нападением Гитлера на СССР**

Договор о ненападении, финская война, советизация прибалтийских республик, присоединение западной Украины и западной Белоруссии, Северной Буковины и Бессарабии являлись вынужденными и необходимыми мерами самозащиты Советского Союза, руководство которого интенсивно готовилось к войне. К этому времени, внутренние противоречия существующей международной системы уже давно вывели ее функционирование за рамки правового поля, результатом которого стало систематическое нарушение суверенитетов государств, норм международного права и договоров. В результате этого появились новые практические нормы поведения, соблюдение которых стало необходимым для выживания в существующей системе. Поэтому СССР, являющийся элементом этой международной системы, был вынужденным действовать по ее правилам - система навязывала свои стандарты поведения. Но такое приспособление Советского Союза к существующей системе международных отношений произошло не сразу. Этому предшествовало ее поражение в борьбе за изменение способов функционирования этой системы.

Внутреннее и внешнеполитическое положение СССР требовало усиления внешних факторов безопасности. Именно этим можно объяснить борьбу Советского Союза за коллективную безопасность, которая должна была компенсировать ее слабость и неустойчивое международное положение. Она могла способствовать также усилению политической позиции большевиков внутри страны, дала бы им возможность выделить больше ресурсов для решения острых социально-экономических проблем и расширить социальную базу своей власти.

В борьбе за коллективную безопасность, которую вел СССР в 30-е годы двадцатого века, можно увидеть стремление заложить в основу функционирования международной политической системы принцип коллективного выживания, перевести ее деятельность с индивидуальной основы на коллективную. История борьбы за изменение способа функционирования международной системы начинается с декабря 1933 года, когда политбюро ЦК ВКП (б) принимает

**Валериян ДОЛИДЗЕ**

решение об активизации внешней политики СССР на основе плана коллективной безопасности. Это стало новым направлением внешней политики СССР, которое было утверждено на XVII съезде КПСС [5, с. 79]. Советский Союз выдвинул новый принцип в организации международной безопасности – принцип неделимости мира. Необходимость применения этого принципа советская сторона старалась доказать той взаимосвязью, которая, по ее мнению, существовала между общей военно-политической обстановкой в мире и конкретной ситуацией в том или ином регионе земли. Из этого следовало, что безопасность каждого государства, в том числе и Советского Союза, зависела от политики других стран. Это объяснялось тем, что любая война, где бы она ни возникла, могла расширяться за счет вовлечения многих государств. Поэтому сохранение мира и безопасности требовало коллективного действия всех участников международной системы. Принцип неделимости мира появился в результате осознания усиления вектора войны в функционировании международной системы и ориентировал ее деятельность на защиту мира и безопасности. Его практическое осуществление требовало организации общей борьбы с любой агрессией и укрепления коллективных усилий миролюбивых государств ради сохранения всеобщего мира. Эффективность применения коллективных мер по противодействию агрессии зависела от достижения международного консенсуса в понимании агрессии. С этой целью в феврале 1933 г. на конференции по сокращению и ограничению вооружений советская делегация внесла проект декларации, в котором предлагала свое определение агрессии. Этот документ давал наиболее полное определение агрессии, содержание которой включало такие различные действия нападающей стороны, которые могли повлечь за собой политические, экономические и военные санкции мирового или регионального сообщества в рамках коллективной безопасности во имя сохранения мира [5, с. 82]. Данный проект давал расширенное толкование агрессии, которое распространялось на такие действия нападающей стороны, как объяв-

ление войны, необъявленное нападение на территорию другого государства, артиллерийский обстрел и авиационные бомбардировки объектов на территории другого государства, высадку морских и воздушных десантов, морскую блокаду [5, с. 82]. СССР подписал конвенцию об определении агрессии с Эстонией, Литвой, Польшей, Румынией, Турцией, Ираном, Афганистаном, Чехословакией, Литвой и Финляндией [5, с. 83]. Это были в основном сравнительно слабые государства, объекты международных отношений, безопасность которых во многом зависела от мирного характера внешних условий их существования. Но такие государства, как США, Великобритания, Франция, Италия, Германия и Япония, которые, по нашему мнению, представляли мощные центры силы и влияния мировой политики, формировали международные отношения, определяли их характер, – не подписали конвенцию [5, с. 83].

Составной частью деятельности СССР по созданию безопасного мира была борьба за разоружение. На международной конференции по разоружению, состоявшейся в феврале 1932 года в Женеве, СССР предложил принять программу всеобщего и полного разоружения. В октябре 1933 г. Германия заявила о своем отказе участвовать в конференции, и дальнейшая разработка конвенции о сокращении вооружений стала невозможной. В сложившейся ситуации Советский Союз в мае 1934 года внес предложение превратить конференцию по сокращению и ограничению вооружения в постоянную конференцию мира, в рамках которой международному сообществу предстояло разработать меры по укреплению коллективной безопасности и сохранению мира [5, с. 80]. Но советский проект не получил поддержки.

**Заключение**

Возникновение и предотвращение мировых войн зависит от системных качеств международных отношений. Система, которая возникла на основе Версальского договора, являлась системой индивидуального выживания, что привело к возникновению второй мировой войны.

**Литература:**

1. Бжезинский, Збигнев. Выбор. – Москва: Международные отношения, 2010.
2. Бжезинский, Збигнев. Еще один шанс. – Москва: Международные отношения, 2010.
3. Бжезинский, Збигнев. Великая Шахматная доска. – Москва: Международные отношения, 1999.
4. Статистика двух мировых войн. Статистические

- данные подготовил Яков Шварц, доктор исторических наук -[http://www.bereg.ru/sprav\\_info/inform/vov.shtml](http://www.bereg.ru/sprav_info/inform/vov.shtml)
5. 1939 год: Уроки истории (отв. ред. О. А. Ржешевский). – Москва: Мысль, 1990.
  6. Уткин, А. И. История второй мировой войны. – Москва: Алгоритм, 2002 -<http://militera.lib.ru/h/utkin/index.html>

**Summary**

In the article the role of system of international relations in the beginning of world war and protection of peace is analyzed. International system existed between two world wars was a system of individual survival which determined the beginning of second world war.



**Ali HASANOV,**

The Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan.  
Head of International Relations and Foreign Policy Department doctor of historical sciences, professor

### STAGES OF ETHNIC CLEANSING AND GENOCIDE AGAINST THE AZERBAIJANIS

**Abstract.** The ethnic cleansing, genocide and aggression committed by the Armenian nationalists against Azerbaijanis in the last two centuries is analyzed in the article. This fact prove the continuation of Armenian nationalists aggression policy – in the XX century Azerbaijanis being subjected to genocide and ethnic cleansing 4 times: in 1905-1907, 1918-1920, 1948-1953, 1988-1993.

In 1918-1920 mass destruction perpetrated in Baku, Guba, Shamakhi, Kurdamir, Lankaran, Shusha and Iravan provinces, Zangazur, Nakhchivan, Sharur, Ordubad, Gars, and the other regions by Armenians as a result, 100 thousand of Azerbaijanis cruelly slaughtered.

In 1988-1993 creating mono ethnic state, the Republic of Armenian perpetrated aggression policy against Azerbaijan ,civilian people were killed, dwellings were ruined, plunted and burnt. At the end of the XX century genocide committed in Khojaly by Armenians is one of the most horrible crimes committed against humanity and mankind.

#### **Resettlement of the Armenians to Azerbaijani lands**

The policy of ethnic cleansing, genocide and aggression deliberately carried out by Armenian nationalists against our people over the past two centuries represents extremely painful and tragic stages in the history of Azerbaijan, including bloody events. The main objective of this nationalist and chauvinist policy was to oust the Azerbaijanis from their ancestral lands and to create a fictional state of „Great Armenia” on Azerbaijani territories. Historical facts indicate that the resettlement of numerous Armenians from Iran and Turkey to the mountainous part of Karabakh region of Azerbaijan, which represented tremendous importance in strategic terms, was carried out from the beginning of the 19<sup>th</sup> century. Over this period, the Imperial Russia, which sought to establish control over the region’s vast natural resources, used the „Armenian factor” as a political tool in the war against Turkey and Iran in the late 19<sup>th</sup> and early 19<sup>th</sup> century.

At the beginning of the 19<sup>th</sup> century, the commander-in-chief of the Russian troops in the Caucasus, P. D. Tsitsianov, having occupied Ganja, wrote in his report No

19 dated 22 May 1805 that in terms of its geographical location Karabakh is considered the gateway of Azerbaijan and Iran, therefore, „we need to keep it under control and apply even more effort to strengthening our positions here” [11, p. 16]. This goal was soon achieved. On 14 May 1805, an agreement was signed between Karabakh Khan Ibrahim and General Tsitsianov. As soon as the Karabakh khanate became part of Russia, P. D. Tsitsianov immediately began to resettle the Armenians from other provinces of the South Caucasus in order to strengthen the positions of czarism in Karabakh [2, p. 271-272].

According to the „Description of the Karabakh province”, an important document prepared by royal officials Yermolov and Mogilev and providing detailed information on the ethnic composition of the Karabakh population, the Karabakh province in 1823 was home to 20,095 families, including 15,729 Azerbaijanis and 4,366 Armenians. In other words, before 1823 the number of Armenian families in the province was increased on the account of settlers to reach 4,366 [11, p. 17].

A significant increase in the number of the Armenians in the mountainous part of Karabakh took place in the 1920s, especially after the Russian occupation of the South Caucasus. As a result of mass resettlement of the Armenians in the Russian-Iranian war of 1804-1813 and 1826-1828, the Russian-Turkish war of 1828-1829, and then from Iran, Turkey and South Azerbaijan to the South Caucasus, their numbers here started to increase with every year. N. N. Shavrov openly talks about the occupation of the Caucasus by czarist Russia and writes about the first resettlement to these territories of representatives of other nationalities: „We started our colonial activities with the relocation not of the Russian population, but foreigners to the Caucasus. Of these colonists, who were unwelcome elements at home, we created colonies in Tiflis and Yelizavetpol (Ganja) provinces. The best lands were allocated to them and various privileges provided” [26, p. 63].

A total of 124,000 Armenians were initially resettled to the mountainous part of Karabakh officially, followed by a large number of those resettled unofficially. Over-

## Ali HASANOV

all, more than 200,000 Armenians were resettled to the mountainous part of Karabakh in 1828-1830s. This is how N. N. Shavrov describes these facts: „After the war of 1828-1830s we moved more than 40,000 Iranian and 84,000 Turkish Armenians and settled them in Yelizavetpol and Erivan provinces, as well as the best public lands of Tiflis, Borchali, Akhaltsikhe and Akhalkalaki districts, where the Armenians practically did not live. More than 200,000 tithes of state lands were allocated for their resettlement. Besides, special farming lands worth in excess of 2 million rubles were acquired from the Muslims. These Armenians were settled in the mountainous part of the Yelizavetpol province (the mountainous part of Karabakh is implied) and on the shores of Lake Goycha. It should also be noted that the number of Armenian settlers together with those resettled unofficially exceeded 200,000 people” [27, p. 63].

This fact indicates that the Armenians were mainly settled in areas where the Armenians did not live or their number was insignificant. Hence it is clear that before the beginning of the 19<sup>th</sup> century, in particular before the conclusion of the Treaty of Turkmenchay, the number of Armenians in Ganja and Erivan provinces was negligible. Thus, in the two years following the signing of the Treaty of Turkmenchay, the Armenians, thanks to the patronage of czarist Russia, managed to settle in different regions of Azerbaijan, including the mountainous part of Karabakh. This czarist patronage of the Armenians manifested itself in subsequent years as well.

At the end of the 19<sup>th</sup> and beginning of the 20<sup>th</sup> centuries, the resettlement of Armenians to the South Caucasus was continued. In 13 years from 1896 to 1908, a total of 400,000 Armenians were resettled to the Caucasus. N. N. Shavrov writes about this: „In 1896, Adjutant-General Sheremetyev wrote in a note about the Armenians living in the Caucasus that their number was around 900,000 people. In 1908, their number reached 1,300,000, i.e. over this period the number of Armenians increased by more than 400,000 people. Of 1,300,000 Armenians living in the Caucasus at the moment, one million people are not indigenous to the region. They were resettled here by us” [27, p. 63].

In general, the resettlement of Armenians to the mountainous part of Karabakh had a huge impact on the demographic situation in the region. It is noted that the public census carried out in 1897 revealed that of 54,841 families living in Karabakh 29,350 families were Azerbaijani and 18,616 Armenian. In 1917, the number of Armenians in Karabakh increased at the expense of settlers to reach 46 per cent, while the Azerbaijanis accounted for 51 per cent of the total population [11, p. 17].

In 1917, the „Caucasian Calendar” digest wrote that Karabakh was home to 199,000 Azerbaijanis (58.3 per cent) and 142,000 Armenians (41.7 per cent). As can be seen, despite the fact that thanks to the patronage of czarist Russia the Armenians were artificially resettled to and

placed in Karabakh in stages, the Azerbaijanis as original inhabitants of these lands always formed the majority. The statistics provided in the „Caucasian Calendar” proves that the number of Azerbaijanis by far exceeded that of the Armenians even on the present-day territory of Armenia. For example, in 1886, of 326 villages in Zangezur district of Ganja (Yelizavetpol) province 154 were Azerbaijani (45.7 per cent), 91 Kurdish (27.8 per cent) and only 81 Armenian (24.8 per cent) [14, p. 46].

In 1889, the Azerbaijani population of Zangezur district exceeded that of Armenians by 1,500 people. In 1897, the population of Zangezur was 142,000 people, including 71,200 of Azerbaijanis (50.1 per cent) and 63,600 Armenians (44.8 per cent). The statistical digest of the Central Statistical Office of Armenia published in 1962 states that out of 18,766 people living in Erivan in 1831 as many as 15,992 and out of 27,246 inhabitants of Erivan in 1866 23,627 people were Azerbaijanis (i.e. 85.2 per cent of the population).

The book titled „The Population of Soviet Armenia in 1831-1931” published by Z. Korkodyan in Erivan in 1932 also notes that out of 2,310 settlements of Erivan, Echmiadzin, Yeni-Bayazid and Alexandropol areas of Erivan province, Zangezur and Gazakh-Dilijan areas of Yelizavetpol (Ganja Province) and Lori-Pembek area (Borchali district) of Tiflis province, 2,000 were Azerbaijanis. Of 10,000 people living in Erivan, 7,000 people were Azerbaijanis, including all 40 people who ran the Khanate.

In the districts of Erivan province that were part of Azerbaijan until 1920, in particular the Erivan district, the Azerbaijani population was much greater. For example, of 99,000 residents of the district 62,600 (66 per cent) were Azerbaijanis and 36,400 Armenians (34 per cent).

In Echmiadzin, Yeni-Bayazid and Surmeli districts of Erivan province the Azerbaijanis accounted for a third of the population. As of 1 January 1916, the ethnic composition of the population in these districts was still in favor of the Azerbaijanis. Erivan district was home to 74,200, or 48 per cent, Zangezur district to 119,500, or 53.3 per cent, Yeni-Bayazid to 50,700 and Surmeli to 45,000 Azerbaijanis. These figures clearly show that in the 19<sup>th</sup> and early 20<sup>th</sup> centuries Azerbaijanis formed the majority of the local population on the territory of the present-day Armenia.

At the end of the 19<sup>th</sup> century, in 1885, Armenian nationalists established the „Armenakan” Party in Marseille, „Gnchag” in Geneva in 1887 and „Dashnaktsutyun” in Tbilisi in 1890. Following this, Armenian efforts to create a „Great Armenia” entered a new stage.

#### **Armenian policy of ethnic cleansing and genocide against the Azerbaijanis in the early 20<sup>th</sup> century**

The Armenians living with the idea of a „Great Armenia”, in order to achieve their goals with the help of foreign patrons, have regularly carried monstrous terror

## STAGES OF ETHNIC CLEANSING AND GENOCIDE AGAINST THE AZERBAIJANIS

and acts of genocide against the Azerbaijanis and Turks, thereby conducting a policy of ethnic cleansing. Thus, over the past 200 years the Azerbaijani people have been exposed to a sustained policy of ethnic cleansing, genocide and aggression conducted by Armenian nationalists and have been driven out of their native lands. The Azerbaijanis have been turned into refugees and internally displaced persons. The process of resettlement, which was an integral part of the colonial policy of czarist Russia, continued throughout the 19<sup>th</sup> century and eventually influenced the demographic situation in the region. The artificial increase of the number of Armenians in the region contributed to the fact that starting from the beginning of the 20<sup>th</sup> century they began to put forward territorial claims and pursue an aggressive policy against Azerbaijan.

In the early 20<sup>th</sup> century, Armenian nationalists expanded their activities towards the idea of a „Great Armenia” put forward by the „Dashnaktsutyun” Party, systematically expelled Azerbaijanis from their historical lands and native homes and embarked on a policy of ethnic cleansing and genocide. For example, in 1905-1906 the Armenians committed massacres against Azerbaijani civilians in Baku, Ganja, Karabakh, Erivan, Nakhchivan, Ordubad, Sharur-Daralayaz, Tiflis, Zangezur, Gazakh and other places, perpetrated ruthless massacres against the local population, burned and destroyed cities and villages. Armenian armed forces destroyed more than 200 Azerbaijani villages in Shusha, Zangezur and Jabrayil district, Erivan and Ganja provinces, tens of thousands of our compatriots were expelled from their homes and became refugees and IDPs. After indiscriminately killing more than 200,000 Azerbaijanis (children, women and the elderly), the Armenians carried out ethnic cleansing to create an „Armenian state” on these territories promised to them by czarist Russia. Thus, the Armenians who also enjoyed the patronage of czarism during World War One, continued to inflict punishment on Azerbaijanis.

After the developments that occurred in Russia in February and October of 1917, the „Dashnaktsutyun” Party and the Armenian National Congress launched even wider activities. At the same time, S. Shaumyan, who was appointed as temporary emergency commissioner on the Caucasus by V. Lenin in December 1917, organized and led a campaign of mass extermination of the Azerbaijanis [3, p. 34]. In the time period from April 1917 to March 1918, Armenian armed forces destroyed 197 villages in Erivan province, 109 villages in Zangezur district and 157 villages in Karabakh, and destroyed, burned and razed to the ground 60 settlements in other regions.

In early 1918, i.e. on the eve of the March massacre, the number of Armenian armed forces that reported directly to the Shaumyan constituted nearly 20,000 people. With the support of the Bolsheviks, including Lenin, Shaumyan became the leader of the Baku Commune.

On 30 March of that year, Armenian-Bolshevik units subjected Baku to volley fire from ships. Then armed Dashnaks attacked the homes of Azerbaijanis and staged merciless slaughter. On 31 March and in the first days of April, the carnage became even more ruthless. Thousands of Azerbaijani civilians were killed only because of their ethnicity. In those days, Armenian-Bolshevik units destroyed 12,000 Azerbaijani civilians in Baku. During those bloody events people were burned in their homes, killed and tortured with unparalleled cruelty.

As a result of an armed attack by the Armenians, more than 16,000 people were killed with utmost cruelty in Guba province in the first five months of 1918, a total of 167 villages were destroyed, of which 35 do not exist to this day [14, p. 47]. The facts of mass extermination of the Azerbaijanis of Guba district by Armenian-Dashnak gangs have been recently proven again. Thus, the discovery in 2007 of mass graves in Guba is a fact confirming Armenian vandalism. The study of the burial site has revealed that during an Armenian armed attack on Guba in 1918 people were subjected to unprecedented violence and killed with cruelty. The grave contains remains of mass burials of local residents. It should also be noted that Armenian armed forces under the command of Amasp also slaughtered the local Jews along with the Turkic-Muslim population. The research has established that in 1918-1919 the Armenians massacred about 3,000 Jews in Guba [19, p. 26].

In addition, hundreds of settlements were destroyed and burned in Azerbaijan, including more than 150 villages in Karabakh. A ruthless massacre of the Azerbaijanis was perpetrated in Shusha. In March-April 1918, Armenian Dashnaks tortured and killed about 50,000 people in Baku and other regions of Azerbaijan. More than 10,000 people were ruthlessly slaughtered in Zangezur district, 10,270 in Shamakhi district and 18,270 Azerbaijanis in the city of Shamakhi [8, p. 25].

In 1918-1920, of the 575,000 Azerbaijanis living on the territory of the present-day Armenia, 565,000 people were killed and expelled from their native lands. Confirming this figure in a book called „Population of Soviet Armenia in 1831-1931”, Z. Korkodyan writes that „in 1920 the Soviet government inherited a little more than 10,000 Turkic (Azerbaijani) population from the Dashnaks. In 1922, after the return of 60,000 Azerbaijanis refugees there were 72,596 people and 105,838 in 1931. In the last two months of 1919, a total of 96 villages were destroyed in Echmiadzin and Surmali districts, all villages in Erivan district and 132,000 Azerbaijanis in Erivan province [14, p. 35].

Overall, as a result of the incessant and ruthless massacres unleashed by the Armenians in 1918-1920, tens of thousands of Azerbaijanis were killed and more than a million people were expelled from their native lands in Baku, Guba, Shamakhi, Lankaran, Kurdamir and Shusha, on the territory of Erivan province, Zangezur,

## Ali HASANOV

Nakhchivan, Sharur, Ordubad, Kars and other regions. When committing these atrocities on historical Azerbaijani lands, the Armenians burned schools and mosques and destroyed samples of material culture.

After formation of the Azerbaijan Democratic Republic on 28 May 1918, the Extraordinary Commission of Inquiry was established to investigate the crimes committed by the Armenians. By a resolution of the Government it was decided to mark 31 March of each year as a day of mourning (31 March 1919 and 1920 was marked as a national day of mourning). However, the fall of the Azerbaijan Democratic Republic prevented completion of this work [5, p. 8]. The geopolitical situation that existed in the region during the formation of the Azerbaijan Democratic Republic led to the transfer, on 29 May 1918, of the city of Erivan to the Armenians as a political center. Thereby, the Republic of Armenia was formed on Azerbaijani lands, on the territory of the former Erivan khanate, in 1918.

The artificial increase of the number of Armenians in the mountainous part of Karabakh as a result of the resettlement, which was part of a colonial policy of czarist Russia that continued throughout the 19<sup>th</sup> century, led to the fact that in early 20<sup>th</sup> century they began to put forward territorial claims and conduct aggressive policy against Azerbaijan. The biggest claim of the Armenians was on Karabakh and Zangezur. The Armenian government, seeking to implement these aggressive plans, sent armed forces there. As a result, the Armenian armed forces seeking to capture Karabakh destroyed hundreds of settlements and mercilessly massacred thousands of innocent Azerbaijanis. In January 1919, the Dashnak government of Armenia leveled another claim related to Karabakh against Azerbaijan. This represented the first official attempt to attach the mountainous part of Karabakh to Armenia. The Azerbaijani government made repeated proposals to resolve the problem by peaceful means. But the position of Dashnaks prevented their realization.

The Azerbaijan Democratic Republic, which considered preservation of the territorial integrity and security of citizens its main duty, categorically rejected the territorial claims of the Republic of Armenia. After discussing the Karabakh issue, the Parliament of Azerbaijan started the implementation of specific measures to curb separatist movement. To this end, the Government of Azerbaijan on 15 January 1919 separated Shusha, Jabrayil, Javanshir and Zangezur districts from the Ganja province, formed the Karabakh governor-generalship with a center in the city of Shusha and appointed Khosrov Sultanov as Governor General. The Azerbaijani government instructed him to establish order there and set up local authorities [8, p. 27].

Thanks to the strenuous efforts of the government of Azerbaijan, with the mediation of the United States Mission, Azerbaijan and Armenia signed a treaty in Tbilisi on 23 November 1919 [16, p. 46]. According to the signed

agreement, clashes were to be suspended, controversial issues, including those related to border issues, should be resolved through negotiations. However, the Armenian side grossly violated the agreement, sent troops to Azerbaijani territories and arranged a monstrous massacre of Azerbaijanis. Despite all this, during the existence of the Azerbaijan Democratic Republic, Armenian attempts to seize Karabakh in diplomatic and military means were strongly suppressed. However, after the sovietization of Azerbaijan, these territorial claims of Dashnaks, who played a significant role in the fall of Azerbaijan Democratic Republic, resurfaced again. Using the sovietization of the South Caucasus in their own interests, the Armenians in 1920 declared Zangezur and a number of other Azerbaijani lands as being part of the Armenian SSR. In subsequent periods they further extended the policy of deportation of Azerbaijanis who had historically lived in these areas.

In continuation of this, on 7 July 1923, much to the delight of the Armenians resettled to the mountainous part of Karabakh region of Azerbaijan in the 19<sup>th</sup> century, this land was given the status of an autonomous region. This was done with the connivance and participation of Soviet Russia. This event represented not only a violation of the administrative-territorial division of Azerbaijan, but also paved the way for future Armenian territorial claims to our country [18, p. 152-153].

Although in Soviet times, the Armenian community of the Nagorno-Karabakh region of Azerbaijan enjoyed autonomy, covering all political, economic, social and cultural issues, Armenia repeatedly put forward territorial claims, but failed to achieve its goal. Instead, as a result of the mass deportation of Azerbaijanis in 1948-1953 from their historical lands, particularly from Yerevan and the surrounding areas, in accordance with the 23 December 1947 decree of the Council of Ministers „On the resettlement of collective farmers and other Azerbaijani population from the Armenian SSR to the Kur-Araz lowland of Azerbaijan SSR” about 150,000 of our compatriots were forcibly resettled in low-lying areas of Azerbaijan [21, p. 22].

#### **Territorial claims and Armenian military aggression against Azerbaijan in the late 20th century**

In the late 1980s the Armenians with the help of their patrons in the near and far abroad and using the situation to implement the idea of „Great Armenia”, made territorial claims to the Nagorno-Karabakh region of Azerbaijan. Whenever territorial claims to Karabakh were brought forth from the outside under the influence of propaganda, incitement and pressure by the Armenian side, they did not occur immediately, but even before that were prudently prepared by supporters in Yerevan and in the West, also on the basis of a comprehensive plan.

In Soviet times, central authorities have launched a deliberate propaganda campaign against Azerbaijan,

## STAGES OF ETHNIC CLEANSING AND GENOCIDE AGAINST THE AZERBAIJANIS

which formed a negative public opinion. Armenian ideologists and their inspirers brazenly manipulated information about the history and socio-economic development of Azerbaijan [24, p. 9-16]. When the events of 1988 just started, long rallies and demonstrations were organized, the work of enterprises was halted in Khankendi and Yerevan under a deliberate plan to annex the Nagorno-Karabakh to Armenia under the pretext of economic backwardness of the region which was elaborated by Armenian politicians, who were trying to aggravate the situation and mislead the public opinion, and their patrons in the center.

However, subsequent events showed that a false thesis on the socio-economic plight of the Nagorno-Karabakh professed by Armenian politicians and their patrons in the center, was just a pretext, while the main goal was the territorial claims of Armenia against Azerbaijan. Armenian-Azerbaijani ethnic hostilities escalated in the second half of 1980, when the Azerbaijani community of the Nagorno-Karabakh was brutally attacked. So, in late August and early September, the Armenians attacked Khojaly and Kyarkidzhahan. On September 18 nearly 15,000 Azerbaijanis were driven out from Khankendi by Armenians. Their homes were burned out [8, p. 57].

In such a tense situation in the Nagorno-Karabakh, on December 1 1989 the Supreme Soviet of the Armenian SSR contrary to the Constitution took a decision to annex the Nagorno-Karabakh, grossly violating the sovereignty of Azerbaijan. Enterprises of the Nagorno-Karabakh were subordinated to the relevant ministries and departments of Armenia. As a direct result of inaction and even open patronage of the Soviet leadership the Nagorno-Karabakh's economy and other spheres actually seceded from Azerbaijan and joined Armenia. All party district committees were included in the Communist Party of Armenia. The flag of Armenia was raised in the Nagorno-Karabakh. Very serious and inexcusable errors, pro-Armenian policy of the Soviet leadership led to the aggravation of the situation in late 1990 – early 1991 when Armenian aggression took a broader scale in the Nagorno-Karabakh and adjacent regions of Azerbaijan. Hundreds of Azerbaijanis were killed in a Baku-Moscow train and Tbilisi-Baku, Tbilisi-Agdam, Aghdam-Shusha, Aghdam, Khojaly bus terrorist attacks. Thousands of Azerbaijanis became victims of Armenian policy of aggression, which was patronized by the Moscow establishment.

Unfortunately, nobody stopped the Armenian separatists at the beginning, and it just escalated the situation. As a result, receiving both Armenian and Russian material and military support, Armenians committed mass killings of Azerbaijani civilians and these bloody crimes against the Azerbaijanis led to a further widening of the conflict and its expansion into a full-fledged war.

In 1991 the tension in the mountainous part of Karabakh started to gradually worsen. Socio-political situa-

tion has already foreshadowed the approach of a major disaster. In June and December of 1991 Armenian armed forces killed 12 and wounded 15 Azerbaijanis in the village of Garadagli in Khojavand region and Meshali village in Askaran region [8, p. 87]. In August and September of the same year, 17 Azerbaijanis were killed and 90 injured when the Armenian armed detachments shelled buses en route Shusha-Jamilli, Aghdam-Khojavend and Aghdam-Garadagli [8, p. 77-78].

At the end of October and in November 1991 the Armenians burned, destroyed and looted more than 30 settlements in the mountainous part of Karabakh, including Tyr, Imaret-Gervend, Syrkhavend, Meshali, Jamilli, Umudlu, Garadagli, Karkijakhan and other villages of strategic importance.

In general, from 1988 to 1991, that is, from the beginning of the events until the collapse of the Soviet Union, patronized by the ruling circles of the USSR, Armenia pursued an aggressive policy against Azerbaijan. As a result of this policy, the Azerbaijani civilians were killed, their villages were destroyed, burned and looted. Aggressive state artificially instilled Armenians living in Nagorno-Karabakh region the idea of separation from Azerbaijan and unification with Armenia. To achieve this goal the Armenians subjected to genocide 50,000 Azerbaijanis of Nagorno-Karabakh and forced them to leave their homeland. During these years, Armenians committed 2,559 clashes, 315 armed attacks and 1,388 fires, killing 514 and injuring 1,318 people in the Nagorno-Karabakh [8, p. 88-89].

At the same time during this period as a result of ethnic cleansing an estimated 250,000 civilians living in 185 Azerbaijani villages in Armenia were subjected to aggression and were forced to leave their homes. It was an action of ethnic cleansing, 216 Azerbaijanis were savagely killed, thousands of women, children and old people were injured and property was looted [3, p. 68].

In the beginning of 1992, the Armenian army occupied the last Azerbaijani villages in the Nagorno-Karabakh. On February 12 1992 the Armenian armed forces occupied Malibeyli and Gushchular suburbs of Shusha. On February 13–17 an armed attack on Garadagli village of Khojavend region 118 people (including children, women, the elderly) were captured, 33 people were shot by the Armenians, who then buried the dead in a single hole. Some 68 of captured Azerbaijanis were ruthlessly killed and 50 people rescued from captivity (later on 18 of them died of fatal wounds). Torture of captives, extremely cruel, barbarous actions against them, beheading, burial alive, forcible tooth extraction, forced famine – is serious crime against humanity. In Garadagli village, 4 people from two families were killed, 42 families lost their breadwinner; about 140 children became orphans. The population of this village was subjected to a real genocide – every tenth villager here was killed (91 people in total) [8, p. 93].

## Ali HASANOV

On February 25-26 1992, assisted by the 366th Motorized Infantry Regiment of the former Soviet army comprised of 180 militants and heavy military equipment, the Armenians brutally attacked the Nagorno-Karabakh town of Khojaly populated by Azerbaijanis, and razed it to the ground. The town was completely destroyed, burned out and people were killed with extreme cruelty. According to official data, as a result of the genocide 613 Azerbaijanis were killed, including 106 women, 63 children, and 70 elderly. Eight families were completely destroyed, 487 people, including 76 children were injured. In addition, 1,275 people were captured, with 150 of them still missing [23, p. 235].

Dozens of Armenian officers and warrant officers were involved in the attack on Khojaly as part of the 3rd Battalion of the 366th Regiment. To hide the trace of Khojaly crime, on March 2 1992, the 366th Motorized Infantry Regiment was transferred to Vaziani, Georgia, and on March 10 this regiment was abolished and its personnel and military equipment were assigned to other military units [10, p. 145].

A trilateral meeting of the leaders of Armenia and Azerbaijan took place on May 8, 1992 in Tehran on Iran's initiative. Shusha was occupied on the same day. Later it turned out that the Armenian side, in fact, persuaded a different purpose seeking a ceasefire along the Azerbaijani-Armenian border and in the mountainous part of Karabakh. This meeting was just a camouflage for Armenia to disguise its intentions from the international community. The Armenian leadership undoubtedly knew in advance about the offensive operation since the occupation of Shusha coincided with the Tehran talks, which fell apart even before the ink dried. The Armenians, as always, on the eve of the offensive operation spread disinformation about the attacks from Shusha to Khankendi.

So using the advanced military equipment, the Armenian armed forces seized Shusha, which covered a territory of 289 square kilometers, had a population of 24,000 people and as many as 30 villages. Some 195 people were killed, 165 were wounded and 58 went missing in the battle of Shusha [8, p. 106]. This tragedy once again confirmed that the Armenian government violated the UN Charter and OSCE principles, trying to forcibly annex the mountainous part of Karabakh to Armenia and pursuing an aggressive policy in beach of the international law. Annexation of Shusha subsequently played a major role in the loss of other Azerbaijani territories. After the occupation of Shusha, the ancient center of Azerbaijani music and culture, the Armenian armed forces closed Shusha-Lachin road and exposed the town of Lachin to a powerful artillery fire directly from the territory of the Republic of Armenia. The goal of Armenian armed forces was annexation of the Nagorno-Karabakh and opening of a corridor between the occupied Azerbaijani territories and Armenia.

After some time following the occupation of Shusha, the Armenians on May 18 seized the ancient

Azerbaijani town of Lachin located between Azerbaijan and Armenia. Lachin, with the territory of 1385 square kilometers, population of 71,000 people and 120 villages was also occupied by Armenian armed forces [8, p. 108]. No doubt that the Armenian community of the Nagorno-Karabakh region of Azerbaijan could never occupy Azerbaijani territories without the assistance from abroad. Thus, under the pretext of implementing the idea of „self-determination” Armenians seized a corridor linking the Nagorno-Karabakh region of Azerbaijan with Armenia. The occupation of Lachin demonstrated that the war moved beyond the territory of the Nagorno-Karabakh and that annexation ambitions of Armenia are high. Through this road, which the Armenians called „a humanitarian corridor” to the Nagorno-Karabakh, they transported huge quantity of arms, ammunition and military force.

The Armenian armed forces, helped by their sponsors, managed to create a mono-ethnic state and in addition to the Nagorno-Karabakh occupied Lachin, Kalbajar, Agdam, Fizuli, Jabrail, Gubadli and Zangilan regions of Azerbaijan, which are located outside of the Nagorno-Karabakh region (4,400 square kilometers) and whose total area is four times bigger than the area of the Nagorno-Karabakh region [28, p. 4-6]. All these territories were ethnically cleansed. Thus, though the 120,000 Armenian community of the Nagorno-Karabakh region is trying to present this process as self-determination, it led to the fact that one million Azerbaijanis were forced to leave their homes and become refugees in their own land.

Currently, more than 20 percent of Azerbaijani territory is under occupation of the Armenian armed forces. As a result of the occupation about 900 settlements, 22 museums and 4 art galleries, 9 palaces of historical significance, 40,000 museum exhibits of unique historical significance, 44 temples and 9 mosques were destroyed, looted and burned. In addition, the Armenians destroyed 4.6 million books and valuable historical manuscripts kept in 927 libraries.

At the same time, Armenia, pursuing the policy of state terrorism and genocide, and the separatists in the occupied territories of Azerbaijan carried out 373 terrorist attacks (in passenger buses, passenger and freight trains, Baku Metro, air transport, maritime transport, settlements, civil and public facilities). These terrorist attacks killed 1,200 and injured 1,705 people.

The aggressive policy of the Armenian armed forces was accompanied by mass slaughters. Thus, in the years 1988-1993 as a result of a military aggression of Armenia more than 20,000 Azerbaijanis were killed, over 100,000 people were injured and 50,000 people became disabled. During the conflict 4,853 people went missing, 1,357 of them were released and 783 are still in captivity in Armenia. According to the International Committee of the Red Cross, 439 people were killed in captivity.



## STAGES OF ETHNIC CLEANSING AND GENOCIDE AGAINST THE AZERBAIJANIS

Genocide committed by Armenians in the late 20th century in Khojaly, is regarded as one of the most serious crimes against humanity and civilization. In the history of humanity, the Khojaly tragedy is comparable to tragedies in Khatyn, Hiroshima, Nagasaki, My Lai, Rwanda, Srebrenica, as well as the Holocaust, which will never be erased from historical memory. These massacres are considered the acts of genocide against the civilian population and caused a wide resonance in the world.

The true nature of this monstrous genocide was discovered only after the return of national leader Heydar Aliyev to political power in 1993. In February 1994, the Milli Majlis of the Azerbaijan Republic gave Khojaly genocide a legal and political assessment. In addition, in accordance with March 26 1998 decree of national leader Heydar Aliyev, March 31 was declared the Day of Genocide of Azerbaijanis, commemorating the numerous acts of genocide committed by Armenians against the people of Azerbaijan.

December 18 1997 decree of the national leader „On the mass deportation of Azerbaijanis from their historical and ethnic lands in the territory of the Armenian SSR in 1948-1953” is important from the standpoint of a comprehensively studying the deportation of Azerbaijanis from the territory of the Armenian SSR, giving a political and legal assessment to this crime and bringing it to the attention of the international community. These decrees are important both for the study of the bloody pages of our history, and also for the exposure of Armenian nationalism and terrorism.

Currently, this process is referred to as one of the main priorities of Azerbaijan’s foreign policy. Due to

the successful foreign policy pursued by the President Ilham Aliyev, a number of international organizations in most of the documents recognized Armenia as an aggressor state.

Under the international law, genocide is the act against peace and humanity, and is considered the most serious crime. This was recognized by the UN General Assembly resolution 260 (III) on December 9, 1948 and the 1961 Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, which secured the legal basis of the crime of genocide. During the Armenian aggression against Azerbaijan all acts of genocide reflected in the Convention were applied to the Azerbaijanis.

Another fact supporting the sustainability of the criminal policy of Armenia, in the 20th century alone the Azerbaijanis were subjected to genocide and ethnic cleansing committed by Armenian nationalists four times – in 1905-1907, 1918-1920, 1948-1953, and finally, in 1988-1993.

The aggressor state has been conducting the expansionist policy for more than 20 years before the eyes of the whole world. Therefore, our state, guided by the abovementioned Convention, has all legal grounds to sue the Republic of Armenia in the UN International Court of Justice.

President of Azerbaijan Ilham Aliyev always preferred peaceful settlement of the conflict. But taking into consideration that the Azerbaijani people and state will never put up with this occupation, policies of ethnic cleansing and temporary loss of our lands, the President has strongly emphasized that all means will be used for the liberation of our lands.

### Bibliography:

1. Sources of Azerbaijan history. / Compilers: Aliyarov S., Mahmudov F and b./ – Baku, 1989. – 328 p.
2. History of Azerbaijan. The most ancient times until the twentieth century. Textbook. – Baku: „Azerneshr”, 1994. – 680 p.
3. Arzumani, V., Mustafa, N. Black pages of history. Deportation. Genocide. Refugees. – Baku, 1998. – 280 p.
4. The Encyclopedia of Azerbaijan People's Republic. In 2 volumes. First volume. – Baku, 2004. – 440 p.
5. On Genocide of Azerbaijanis (in 8 languages). – Baku, 1998. – 120 p.
6. Armenian crimes. First volume. – Baku, 2003. – 159 p.
7. Ahmadov, E. Armenian aggression against Azerbaijan and international organizations. – Baku, 1998. – 137 p.
8. Ahmadov, E. Armenian aggression against Azerbaijan: Analysis Chronicle. – Baku, 2012. – 912 p.
9. Isgandarli, A., (Iskandarov A.) The realities of Azerbaijan: 1917-1920. – Baku, 2012. – 228 p. (+16 P. Photos)
10. Hajiyev, N. Documents on Nagorno-Karabakh history. – Baku, 2005. – 192 p.
11. Khalilov, X. Travelling to the past of Karabakh. – Baku, 1992. – 119 p.
12. Mahmudov, Y., Shukurov, K. Karabakh. Real history, facts, documents. – Baku, 2005. – 380 p.
13. Mahmudov, Y., Shukurov, K. Azerbaijan: the history of international relations and diplomacy. 1639-1828. In 4 volumes. First volume. – Baku, 2009. – 512 p.
14. Mammadov, X., Mammadov, N. Crimes of Armenian nationalists in Turkey and Azerbaijan. – Baku, 2006. – 215 p.
15. Mammadov, I., Asadov, S. Armenian Azerbaijanis and their bitter fate (a short historical essay). – Baku, 1992. – 72 p.
16. Najafov, B. Azerbaijan Democratic Republic (domestic and foreign policy). – Baku, 1992. – 77 p.
17. Грибоедов, А. Записка о переселении армян из Персии в наши области. – История Азербайджана по документам и публикациям. – Бaku, 1990, с. 56-59.
18. К истории образования Нагорно-Карабахской Автономной области Азербайджанской ССР. 1918-1925: Документы и материалы. – Бaku, 1989. – 334 с.
19. Мустафаев, Р. Марши смерти. Преступления армянства против еврейского народа. – Москва, 2008. – 69 с.
20. Помпеев, Ю. Кровавый омут Карабаха. – Бaku, 1992. – 208 с.
21. Постановление Совета Министров СССР № 4083 от 23 декабря 1947 года „О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР

## Ali HASANOV

в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР”. Архив ЦСИ МИД АР.

22. Постановление Совета Министров СССР № 754 от 10 марта 1948 года „О мероприятиях по переселению колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР”. Архив ЦСИ МИД АР.

23. Преступления армянских террористических и бандитских формирований против человечества (XIX-XXI вв.). – Баку, 2002. – 395 с.

24. События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов (Сборник материалов). – Баку, 1989. – 92 с.

25. Ходжалы. Хроника геноцида. – Баку, 1993. – 144 с.

26. Трагедия виновников который невозможно оправдать /Доклад Московского правозащитного центра

Мемориал о массовых нарушениях прав человека, связанных с занятием населенного пункта Ходжалы в ночь с 25 на 26 февраля 1992 г. вооруженными формированиями. – Баку, 1992. – 16 с.

27. Шавров, Н. Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье: Предстоящая распродажа в Мугани инорядцам. – Баку: „Элм”, 1990. – 156 с.

28. Aggression of the Republic of Armenia against the Azerbaijani Republic. – Baku, 1994, 28, p. 4-6.

29. The Khojaly Genocide. Heydar Aliyev Foundation presents. The series of „The true facts about Garabagh”. – Baku, 2005. – 12 p.

30. Rau, J. The Nagorno Karabakh conflict between Armenia and Azerbaijan. A brief Historical Outline. – Berlin, 2008. – 96 p.

**Резюме:**

В статье широко исследуются этнические чистки, геноцид, захватническая политика, целенаправленно совершенные в течение последних двух веков со стороны армянских националистов против азербайджанцев. На основе источников в статье доказывается, что в результате захватнической политики армянских националистов только в XX веке азербайджанцы 4 раза подверглись геноциду и этническим чисткам: 1905-1906, 1918-1920, 1948-1953 и 1988-1993 гг.

В статье на основе фактов исследуется убийство сотен тысяч азербайджанцев, осуществленное самым жестоким образом в результате массовых погромов со стороны армян в 1918-1920-х годах в Баку, Губе, Шемаха, Кюрдамире, Ленкорани, а также в Шуше, Эриванской губернии, Зангезуре, Нахичевани, Шаруре, Ордубаде, Карсе и других регионах.

В статье также указывается, что Республика Армения, которой удалось создать моноэтническое государство, в 1988-1993 гг. открыто осуществила захватническую политику против Азербайджана, в результате чего были убиты мирные жители, разрушены и сожжены населенные пункты. Помимо этого, учиненный со стороны армян в конце XX века в Ходжалы геноцид расценивается в статье как самое тяжелое преступление, направленное против всего человечества.

**Ключевые слова:** агрессия Армении против Азербайджана, территориальные претензии, агрессия, этнические чистки, геноцид.



**Айтен РАМАЗАНОВА,**

докторант Института по правам человека НАНА

### **ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОГО КАВКАЗА В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД**

Региональная безопасность представляет собой один из важнейших институтов, обеспечивающих стабильность политического режима и развития государства в целом. Феномен региональной безопасности находится в тесной взаимосвязи с феноменом национальной безопасности, поскольку является составной частью (подсистемой) системы обеспечения национальной безопасности страны.

В контексте нашего исследования рассматриваются аспекты региональной безопасности молодого в геополитическом отношении региона – Южного Кавказа. Уровень безопасности в регионе в первую очередь определяется тем, что он привлекает к себе внимание многих стран мира своим геополитическим и геостратегическим положением, а также обладанием богатыми природными ресурсами [1, с. 102]. В силу общепризнанных геополитических традиций под ЮК понимается три независимые Кавказские республики – Азербайджан, Армения и Грузия. Оценивая возможности обеспечения безопасности Южного Кавказа, возникает вопрос, который не утратил своей актуальности и по сей день: насколько реально сотрудничество государств региона для обеспечения общей безопасности? И реально ли это? Так, оказавшись с распадом СССР в иной политико-военной, социально-экономической, геополитической и духовно-культурной системе координат, государства региона столкнулись с рядом проблем, которые не нашли своего разрешения до сегодняшнего дня. Одной из таких проблем можно назвать армяно-азербайджанский, нагорно-карабахский конфликт, а также конфликты в Грузии – Южной Осетии и Абхазии [9].

Южный Кавказ на протяжении длительного исторического периода оставался перекрестком столкновения интересов империй, что предопределило особенности восприятия народами региона понятия безопасности. Ретроспективный взгляд на постсоветскую историю стран Южного Кавказа свидетельствует об отсутствии общих подходов у Армении, Азербайджана и Грузии к проблеме коллективной региональной безопасности. На протяжении 20 лет государства ре-

гиона так и не смогли выработать единую концепцию системы безопасности. Между тем взрывоопасный регион, в котором мы живем, масштабные тектонические сдвиги и геополитическая нестабильность в сопредельных государствах настоятельно требуют разработки взаимоприемлемой системы безопасности. В постсоветский период были предложены разные подходы к обеспечению безопасности региона (идеи «Мирного Кавказа», «Общекавказского дома»), но не один из них не стал основой для построения комплексной системы безопасности [5].

Рассматривая особенность развития сфер безопасности в регионе можно выделить следующие аспекты: «1. Внутренние структурные социально-экономические проблемы, например: этнические и религиозные конфликты, экономические, экологические кризисы и слабая политическая стабильность в каждой из этих стран; 2. Стратегическое соревнование между региональными, западными и транснациональными силами; 3. Слабая технология и инфраструктура» [15].

Азербайджан, как и другие страны Южного Кавказа, озабоченный обеспечением национальной и субрегиональной безопасности и руководствуясь национальными интересами, выработал в этой сложной ситуации Концепцию национальной безопасности, которая получила свое оформление в 2007 году. Объединив цели, принципы и подходы политики и мероприятий, направленных на защиту личности, общества и государства Азербайджанской Республики от внутренних и внешних угроз, Концепция основывается на независимости государства, его территориальной целостности, демократическом пути развития, интеграции в качестве стратегического выбора в сторону евроатлантического пространства, а также многоуровневой уравновешенной внешней политике [8]. Основные контуры внешней политики Азербайджана обрели очертание в процессе восстановления в 1991 г. национальной независимости. Основная угроза этой независимости связана с вопросами двух типов. Первый – это неразрешенность

## Айтен РАМАЗАНОВА

Карабахского конфликта. И второй, более сложный, стоящий перед независимостью Азербайджана, относится к его геополитическому и геоэкономическому положению. При реализации внешней и внешнеэкономической политики Азербайджан должен превратить свое уязвимое положение в преимущества посредством сбалансированной политики. В соответствии с общими принципами безопасности, видами и масштабами угроз, средствами воздействия на объекты безопасности в КНБ Азербайджана к числу угроз, с которыми сталкивается страна в современный период, относятся:

1. Посягательство на независимость, суверенитет, территориальную целостность и конституционный строй Азербайджанской Республики.

2. Деятельность, направленная против выполнения государственных функций в сфере обеспечения верховенства закона, охраны общественного порядка и защиты прав и основных свобод человека.

3. Сепаратизм, этнический, политический и религиозный экстремизм.

4. Терроризм и распространение оружия массового поражения.

5. Региональные конфликты и транснациональная организованная преступность.

6. Деятельность против энергетической инфраструктуры АР.

7. Внешняя политическая, военная либо экономическая зависимость.

8. Экономическая нестабильность.

9. Нехватка профессиональных людских ресурсов.

10. Региональная милитаризация.

11. Экологические проблемы [2, с. 85-99].

Приоритетами внешнеполитического партнерства являются:

1. Стратегическое партнерство – США, РФ, Турция, Грузия.

2. Партнерство – Украина, Молдова, Иран.

3. Не сотрудничает – с Арменией [14].

Концепция национальной безопасности Грузии отражает изменения, которые произошли в обстановке безопасности Грузии, а также их влияние на угрозы и национальную безопасность. Военная агрессия со стороны Российской Федерации в 2008г., оккупация грузинских территорий и размещение оккупационных сил на грузинских территориях, в дополнение, нестабильность в Северном Кавказе и неразрешенный конфликт Нагорного Карабаха негативно повлияли не только на обстановку безопасности Грузии, но и Кавказского региона в целом. К национальным интересам Грузии относятся:

1. Обеспечение суверенитета и территориальной целостности.

2. Развитие государственных институтов и укрепление демократии.

3. Развитие эффективной системы национальной безопасности.

4. Укрепление национального единства и гражданского согласия.

5. Европейская и Евроатлантическая интеграция.

6. Обеспечение стабильного долгосрочного экономического роста.

7. Обеспечение энергетической безопасности.

8. Обеспечение региональной стабильности.

9. Укрепление транзитной роли Грузии.

10. Обеспечение безопасности окружающей среды Грузии и региона.

11. Обеспечение гражданской интеграции и поддержание национальной и культурной уникальности.

12. Укрепление виртуальной безопасности.

13. Демографическая безопасность.

14. Отношения с диаспорой [5].

К угрозам, вызовам, рискам и опасностям для национальной безопасности Грузии относятся:

1. Оккупация грузинских территорий Российской Федерацией и террористические акты, организованные Российской Федерацией на оккупированных территориях.

2. Риск возобновления военной агрессии со стороны России.

3. Нарушение прав перемещенных лиц и беженцев с оккупированных территорий.

4. Конфликты на Кавказе.

5. Международный терроризм и транснациональная организованная преступность.

6. Экономические и социальные проблемы.

7. Энергетические проблемы.

8. Виртуальные угрозы.

9. Проблемы окружающей среды.

10. Демографические проблемы.

11. Проблемы гражданской интеграции.

12. Разрушение или повреждение памятников культурного наследия.

Приоритеты внешнеполитического партнерства Грузии:

1. Стратегическое партнерство – США, Украина, Турция, Азербайджан.

2. Партнерство – РФ.

3. Прагматическое сотрудничество – с Арменией [4].

Стратегия национальной безопасности Республики Армения представляет собой систему обеспечения стабильного развития и безопасности государства, общества и личности, государственной политики сохранения армянской идентичности [9]. Внешними вызовами для безопасности Республики Армения являются угрозы применения Азербайджанской Республикой вооруженной силы против Республики Армения и Нагорного Карабаха; этнические конфликты, внутренние коллизии и военные действия в сопредельных государствах; перекрытие транзитных

## ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОГО КАВКАЗА В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

путей на территории приграничных государств; ослабление стратегических союзов или их недостаточная интегрированность; терроризм и трансграничная преступность; энергетическая зависимость республики; изолирование Армении от региональных программ; ослабление национально-культурной идентичности диаспоры; гонка вооружений, формирование и размещение вблизи границ Республики Армения группировок войск, их широкомасштабные сосредоточения и передвижение, в том числе под видом учений; создание, упрочение и расширение союзов, направленных против Республики Армения, в частности, стратегический союз Турецкой Республики и Азербайджанской Республики, шаги последней по блокаде Республики Армении.

Внешнеполитические приоритеты Армении:

- Стратегические отношения – с РФ;
- Взаимовыгодное сотрудничество – с США и Ираном;
- членство в СНГ и ОДКБ, развитие сотрудничества с НАТО [10].

- Между Арменией и Азербайджаном дипломатические отношения не установлены, что обусловлено Карабахским конфликтом.

- Армения и Турция не имеют дипломатических отношений. Препятствием к этому стал ряд оговорок: неурегулированный характер армяно-турецких отношений, связанный с требованием Армении признания и осуждения геноцида армян, в частности, закрытие границы в связи с оккупацией азербайджанских земель вокруг Нагорного Карабаха создает угрозы национальной безопасности Армении и препятствует процессу ее стабильного развития.

Таким образом, региональная безопасность – это состояние, при котором для объекта региональной безопасности, государства ЮК созданы все условия защиты и благоприятного развития, заложены механизмы по минимизации рисков, предотвращению или устранению явлений, процессов или элементов негативного воздействия. Сферы национальной безопасности государств – это тесно взаимосвязанные составляющие региональной безопасности ЮК. Появление одного слабого звена в этой системе неминуемо вызывает ослабление другого. Внутреннее состояние ЮК характеризуется слабостью, что создает в той или иной степени определенный климат для той международной среды, в которой живут и действуют государства региона. В ходе осуществления и реализации системы безопасности речь не идет о полном абсолютном искоренении всех форм рисков, опасностей и угроз региональной безопасности. Это, скорее всего, невыполнимая задача. Однако осуществима минимизация многих существующих рисков, находящихся на грани превращения в более деструктивную форму [11].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что формирование общего подхода к определению буду-

щего Южного Кавказа и выработке системы коллективной безопасности Арменией, Азербайджаном и Грузией сопряжено с серьезными трудностями. Расхождения во взглядах о перспективах развития региона, различия внешнеполитических приоритетов южнокавказских стран, выбор стратегических партнеров в деле обеспечения национальных интересов и национальной безопасности, расхождения в подходах к урегулированию региональных конфликтов и в восприятии источников угроз их национальной безопасности – все это препятствует формированию региональной системы коллективной безопасности. В военной доктрине Грузии, принятой после августовской войны 2008 г., в качестве главного источника угрозы фигурирует Российская Федерация [14], т.е. страна, которая в основополагающих документах Республики Армения и Азербайджанской Республики является их стратегическим партнером. В отмеченных выше документах Грузии и Азербайджана в качестве стратегического партнера указывается Турция, которая в концептуальных документах Республики Армения упоминается как источник потенциальной угрозы национальной безопасности страны. В определенной степени это создает предпосылки для возникновения разделительных линий на Южном Кавказе. ОДКБ как один из главных инструментов обеспечения национальной безопасности Республики Армения вообще не упоминается в военных доктринах Азербайджана и Грузии. Сотрудничество в рамках СНГ указывается в качестве важной составляющей внешнеполитической доктрины Армении и Азербайджана, тогда как Грузия в 2008 г. вышла из Содружества. Одновременно, в военных доктринах Азербайджана и Грузии подчеркивается важность сотрудничества в рамках региональной организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова), деятельность которой и принимаемые ею резолюции не отвечают национальным интересам Республики Армения [13]. Не сотрудничество Армении с другим внутренним актером этого региона Азербайджаном в военно-политическом секторе безопасности спровоцировало отстранение первого от ряда привлекательных транспортно-энергетических проектов, таких как железная дорога Баку-Тбилиси-Карс, нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровод Баку-Тбилиси-Эрзрум [12, с. 24]. Несмотря на отмеченные выше различия в подходах, в основополагающих концептуальных документах южнокавказских государств просматриваются точки соприкосновения для развития сотрудничества между ними, а также с внерегиональными государствами. К ним относятся проблемы терроризма, распространения оружия массового уничтожения, нелегальной миграции, наркотрафика и т.д., которые могут быть катализатором для кавказских государств на пути сотрудничества, что позволит выработать единую структуру борьбы.

## Айтен РАМАЗАНОВА

Взаимодействие в этих областях способно сформировать атмосферу доверия между региональными странами, что в свою очередь может стимулировать экономическое сотрудничество между ними и привести если не к полноценному урегулированию накопивших проблем, то хотя бы к их обсуждению в более конструктивной атмосфере [3].

Оценивая формирование безопасности в Кавказском регионе, можно прийти к следующему выводу: Южный Кавказ хоть и выделяется как самостоятельный субрегион, который организационно не оформился, но в геоэкономическом и геополитическом отношениях представляет реальность, которую при-

знает международное сообщество; проблемы Кавказа столь сложны и многочисленны, что было бы наивным рассчитывать на их быстрое чудодейственное решение [6]; военно-политический, энергетический и транснациональный и другие сектора безопасности ЮК региона взаимозависимы и каждый из них на сегодняшний день уязвим. В общем, геополитическое значение Кавказского региона, как одного из важных геостратегических и геоэкономических регионов, неуклонно будет возрастать, и здесь постоянно будут сталкиваться жизненные интересы великих держав, что в свою очередь станет препятствием на пути консолидации и сотрудничества всех стран региона.

## Литература:

1. Бжезинский, З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. – Москва: Международные отношения, 2004, с. 102.
2. Гасанов, А. М. Политика национального развития и безопасности Азербайджанской Республики. – Баку: Zardabi LTD MMC, 2014, 672, с. 85-99.
3. Кардунян, В. Проблемы региональной безопасности. Коллективная безопасность на Южном Кавказе: концептуальный аспект. [http://new.imemo.ru/files/File/magazines/rossia\\_i\\_novay/2013\\_03/KARD\\_colbez.pdf](http://new.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2013_03/KARD_colbez.pdf)
4. Концепция национальной безопасности Грузии принята парламентом 23.12.2011. 18:28. Civil Georgia <http://www.apsny.ge/2010/mil/1324690107.php>
5. Концепция национальной безопасности Грузии Декабрь 7, 2012 <http://constitutions.ru/?p=8454>
6. Крылов, А. Некоторые особенности постсоветского развития Южного Кавказа. Конференция. [16.12.2013] 10:00 <http://www.kavkazoved.info/news/2013/12/16/nekotorye-osobennosti-postsovetskogo-razvitiya-juzhnogo-kavkaza.htm>
7. Масимов, А. А. Центральный Кавказ сквозь призму региональной безопасности: Основные особенности развития сферы безопасности в этом регионе // Междисциплинарные исследования в науке и образовании. 2012. № 1 Politikwissenschaften, Georg-August-Universität Göttingen (Германия, г.Гёттинген) <http://mino.esrae.ru/157-469>
8. Распоряжение Президента Азербайджанской Респуб-
9. Стратегия национальной безопасности Республики Армения одобрена на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января 2007г. [http://www.mfa.am/u\\_files/file/doctrine/Doctrinerus.pdf](http://www.mfa.am/u_files/file/doctrine/Doctrinerus.pdf)
10. Стратегия национальной безопасности Республики Армения. 26.01.2007. <http://www.mil.am/files/NATIONAL%20SECURITY%20STRATEGYrus.pdf>
11. Шохзода, С. Проблемы региональной безопасности Центральной Азии: внутренние аспекты в теории и на практике <http://www.centralasia.narod.ru/articles/1.htm>
12. Эйвазов, Д. Безопасность Кавказа и стабильность развития Азербайджанской Республики. «Нурлан», 2004, с. 24.
13. National Security Concept of the Republic of Azerbaijan 23 May 2007 <http://merln.ndu.edu/whitepapers/Azerbaijan2007.pdf>
14. National Security Concept of Georgia. [http://www.parliament.ge/files/292\\_880\\_927746\\_concept\\_en.pdf](http://www.parliament.ge/files/292_880_927746_concept_en.pdf)
15. Parvizi, A. M. Konflikt und Zusammenarbeit um die Kontrolle der Erdölressourcen im post-sowjetischen Eurasien: Rußland, Türkei und Iran, Jahrbuch für internationale Sicherheitspolitik Verlag E.S. Mittler & Sohn GmbH 2000

## Summary

The paper examines the main issues of regional security of the South Caucasus, representing a threat to the national security of Georgia, Armenia and Azerbaijan. From political point of view the south caucasus is a very complicated region. The presence of a number of „frozen” conflicts, territorial, ethnic tensions between the countries, and the active impact of external regional and global players, multi-vector policy of the South Caucasus states complicate the issues of regional security. In such circumstances, in the medium term it looks unlikely possible of resolving all disputes and creating a favorable environment for long-term development of the region. In this regard, the purpose of this article is to attempt to analyze and highlight the conceptual aspects of the national security system of the South Caucasus countries in order to determine the features of the approaches of Armenia, Azerbaijan and Georgia to building common security, as well as their vision of the system in the medium term.

**Keywords:** South Caucasus, Azerbaijan, Georgia, Armenia, national security, regional security, conflicts.



**Назим МАХМУДОВ,**

докторант Бакинского государственного университета по политическим наукам, преподаватель кафедры Международных отношений Азербайджанского университета языков

## **ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА**

### **Введение**

С развитием новых информационных технологий, цифрового ТВ, расширения возможностей интернета и т.д. обеспечение информационной безопасности государств в меняющихся условиях глобализации становится все более важным. Быстрые темпы развития ИКТ сектора диктуют сегодня всем государствам политику оперативного реагирования на новые риски и возможности виртуального пространства. На сегодня глобальная паутина является основным двигателем глобализации и универсализации (а часто и вестернизации) мира и международных отношений. Однако с рядом позитивных аспектов влияния в сфере возможностей экономического сотрудничества, повышение открытости деятельности государства и т.п., интернет и современные социальные медиа несут ряд угроз государствам, их идентичности и безопасности.

Исходя из этого, наиболее значимым является изучение опыта ведущих государств мира в сфере кибербезопасности и работы с социальными сетями. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть политику США, России и Китая в данной области, определить их стратегии в отношении виртуального пространства и социальных сетей, механизмы и методы, которые они используют для вовлечения в киберпространство. Отмеченные государства сегодня являются самыми активными странами, проводящими реформы для приспособления своей политики к новым и меняющимся условиям виртуального мира. В силу данной причины объектом сравнительного анализа являются именно эти страны. Однако политика США, с одной стороны, России и Китая, с другой стороны, прямо противоположны. Если США выступают за полную свободу интернет-пространства от контроля со стороны государства, то Россия и Китай наоборот желают усиления роли государства в киберпространстве. Именно эти различия в подходах, идеях и методах работы трех государств в интернете и социальных медиа мы попытаемся проанализировать. Это может стать важным базисом для реформ в политике

обеспечения безопасности киберпространства для молодых государств постсоветского пространства, в том числе и Азербайджана.

### **Подход США к обеспечению кибербезопасности**

Ключевыми особенностями политики США в сфере информационной безопасности является то, что они в основном рассматривают понятие информационной безопасности в узком плане, фокусируясь на борьбе за безопасность и целостность данных. Так, главным источником угроз для них в этой сфере являются хаккерство, несанкционированный доступ к секретной информации, нанесение серьезного ущерба стратегическим данным, касающимся национальной безопасности. С другой стороны, Белый Дом активно продвигает идею поддержки свободного интернета как нового двигателя демократии и транспарентности. То есть, в международной политике они придерживаются принципа десекьюритизации<sup>1</sup> интернет-пространства и в особенности социальных медиа [7, с. 25]. Иными словами, США не смотрят на неконтролируемый и свободный поток информации из Интернета, как на серьезную угрозу своей национальной безопасности. Таким образом, стратегия Белого Дома в отношении интернет-пространства строится на идее о том, что вовлечением большего количества стран и людей в Интернет – пространство можно добиться снижения различий в культурах и приблизить другие народы к базовым американским ценностям, таким как демократия, права человека, свободный рынок и т.д. Эта идея, в свою очередь, уходит корнями в теорию таких ученых неолибералов как Дж.Най и Р.Кеохейн, которые развивали идею позитивной взаимозависимости стран мира, которая может привести к снижению конфликтности между

<sup>1</sup> Термин «секьюритизация» взят из теории Б.Бюзана (Копенгагенская школа по международной безопасности) и означает утверждение в качестве угрозы. То есть, десекьюритизация нивелирования угрозы и кардинальный пересмотр взгляда на тот или иной процесс как угрозу со стороны политического субъекта.

## Назим МАХМУДОВ

ними [8]. Для Белого Дома эту позитивную взаимозависимость сегодня распространяет именно свободный интернет и социальные медиа. Так, госсекретарь США Хилари Клинтон еще в 2010 году отметила свободу доступа к информации и возможности граждан самим создавать общественные медиа (гражданская журналистика), как одну из ключевых свобод на пути демократизации. Особенно важным из ее заявления является то, что США с этого периода начали финансировать развитие и применение инструментов открытия свободного доступа в интернет в тех странах, где правительства намеренно лимитируют его свободу и занимаются жестким ограничением права на свободу слова и прессы. В особенности это касалось открытия таких крупных страниц интернет-ресурсов, как Google, Youtube, NewYorkTimes [11, с. 30-31]. По статистическим данным, США потратило на поддержку интернет-свободы с 2008-2012 года порядка 95 млн. долларов [12].

Сегодня США для продвижения идей демократии и свободы, да и в целом расширения свободного интернета в других странах проводит следующие программы. Они в основном направлены на такие авторитарные режимы, как Китай, Иран и т.п.:

1. Предоставление доступа к свободному интернету отдельным индивидам, живущим в репрессивных режимах:

- Предоставление технологий, которые помогают обществу авторитарных государств пользоваться заблокированными государством сайтами, блогами и профилями;

- Предложение специальных приложений, которые позволяют активистам использовать запрещенные сайты анонимно;

- Специальные программы, которые защищают сайты, блоги и страницы гражданских активистов от кибератак недемократических режимов;

- Новые технологии, оборудования и т.д., которые поддерживают деятельность, мобилизацию и коммуникацию активистов в авторитарных режимах;

2. Тренинги для правозащитников, представителей гражданского общества и НПО, обучающие работе в виртуальном пространстве при авторитарном режиме и умению обходить такие проверки и т.п.;

3. Тренинги для той же группы по улучшению их навыков коммуникации в социальных медиа;

4. Обучение правозащитников, представителей гражданского общества как выражать протест против ограничения свободы интернета, слова и т.п. в киберпространстве;

5. Популяризация идей свободного интернета через международные организации, такие как ООН;

6. Мониторинг уровня интернет – свободы в мире посредством докладов правозащитных организаций и данных пользования интернетом;

7. Привлечение бизнес-среды к популяризации

идей и принципов свободного интернета во всем мире [12, с. 12-13].

Одним из стратегических документов, раскрывающим суть стратегии США в киберпространстве, является Международная стратегия США по киберпространству, принятая в 2011 году. В этой стратегии подход к киберпространству США основывается на том, что Интернет – технологии имеют обширный потенциал для США и мира в целом. Однако наряду с позитивными аспектами влияния, виртуальный мир становится также и площадкой для новых угроз безопасности США и мира.

Целью политики США в киберпространстве на глобальном уровне объявляется продвижение идеи открытых, взаимодействующих, безопасных информационных и коммуникационных инфраструктур, которые поддерживают международную торговлю и коммерцию, укрепляют международную безопасность и стимулируют свободу слова и инноваций. Чтобы достичь этой цели США будут работать над созданием и поддержанием такой среды, в которой нормы ответственного поведения станут основой действий государств, будут обеспечивать сотрудничество и укрепление норм права в киберпространстве. В этом плане США выступают за управление глобальным виртуальным пространством на основе единства сотрудничества как государственных, так и негосударственных актеров (бизнес-компаний, НПО, отдельных ИТ – экспертов и т.д.).

США нацелены использовать три главных инструмента для повышения уровня свободного доступа к интернету во всем мире, а именно: Дипломатию, Оборону и Международное развитие. В сфере дипломатических инструментов США будут использовать двухсторонние, многосторонние форматы, а также международные организации, в которых они способствуют выработке и объединению норм деятельности государств в киберпространстве. Стратегия в области применения обороны будет использована в виртуальном пространстве против киберпреступников, террористов и государств, стремящихся нанести ущерб глобальной сети. Международное развитие строится на поддержке США других стран в укреплении их кибербезопасности, помощи им в доступе к свободному интернету [13].

Особую озабоченность вызывает у Белого Дома усиление работы в виртуальном пространстве террористических организаций и усиленная государственная систематизация хаккерских угроз. Под государственной систематизацией хаккерских угроз понимается кардинальная перемена источника хаккерских угроз. Если в 90-х годах они исходили в основном от отдельных хаккеров-самоучек или же преступных группировок, то в 21-м веке они все больше исходят от государств, недоброжелательно настроенных в отношении США. В начале марта 2015 года директор



## ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

национальной разведки США Джеймс Клаппер заявил, что основные угрозы в киберпространстве для США представляют Китай и Россия [14].

Говоря о терроризме, США особенно беспокоит активное использование социальных сетей со стороны террористических группировок для вербовки террористов и пропаганды своих идей. Так, одна из крупных террористических группировок «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) заявила о том, что создает собственную социальную сеть «Caliphatebook» [2]. Не говоря уже о том, что на протяжении последних нескольких лет она активно использует в своей деятельности такие социальные медиа как Facebook, Twitter, Youtube. О негативном влиянии социальных медиа на борьбу с терроризмом отметил также глава ЦРУ Дж.Бреннан: «Новые технологии могут оказать помощь таким группам, как ИГИЛ в координации операций, пополнении своих рядов, распространении пропаганды и призывов к сторонникам во всем мире совершать действия от их (террористов) имени», – заявил Бреннан [1]. Для этого, по мнению директора ЦРУ, Управление провело реформу, и теперь будет в основном фокусироваться на работе в киберпространстве. Это связано с быстрыми темпами развития виртуального пространства и увеличивающимся количеством угроз США в этой сфере [6].

В целом, приоритетами США в киберпространстве являются: развитие свободной торговли, защита собственности, развитие безопасных технологий для виртуальной передачи информации и коммуникаций, развитие международного права в этой области, построение военных альянсов для отражения угроз в киберпространстве, развитие киберуправления на основе вовлечения всех заинтересованных сторон (государства, бизнес-структуры, НПО, ИТ-эксперты и т.п.), а не только государств. Применение ограничительных мер к свободному интернету со стороны отдельных государств для борьбы с киберугрозами рассматриваются США как нежелательные. В стратегии также подчеркивается, что США поддерживают использование цифровых медиа (социальных медиа) в среде гражданского общества в различных точках земного шара для выражения своего мнения, социальной мобилизации, мониторинга выборов, разоблачения фактов коррупции и т.п. [13].

### Опыт России в обеспечении безопасности интернета и социальных медиа

В отличие от США, Россия смотрит на свободный и не подконтрольный интернет как угрозу своей национальной безопасности. То есть в противовес США, Россия засекречивает вопрос свободного и неконтролируемого со стороны государства потока информации из интернета и социальных медиа [7, с. 25]. Кремль отталкивается от принципа, что в интер-

нете и социальных медиа не должно позволяться вмешательство во внутренние дела одного государства со стороны другого. Особое внимание к интернет-пространству и социальным медиа в России стало уделяться после «арабской весны». С 2011-2012 годов законодательство РФ было реформировано, и возможности государственного контроля в виртуальном пространстве увеличились. В этот период в России выдвигались разные инициативы по контролю за интернетом и социальными сетями.

В 2012 году был принят закон, который создает единый регистр веб-сайтов, распространяющих детскую порнографию, применение наркотиков, обучение суициду, призыв к экстремизму, терроризму и т.п. [9]. Однако эффективность данной политики очень низка. Во-первых, блокирование данных ресурсов происходит при помощи блокировки IP-адреса<sup>2</sup>. То есть, через определенный промежуток времени редактор сайта может его снова активизировать, просто сменив IP-адрес сайта. Во-вторых, насколько известно, данная инициатива блокирует полностью сайт, а не страницу с запрещенной информацией. Тогда возникает вопрос, что делать с социальными сетями, онлайн-энциклопедиями, доступ, в которые имеют миллион или тысячи пользователей? Насколько будет справедливо, адекватно и легитимно блокировать всю социальную сеть из-за нарушения какого-либо одного пользователя? Думаю, на эти вопросы ответы даст время.

Еще одна инициатива заключается в переходе на национальный домен (.ru) с целью хранения как можно большей информации о гражданах внутри страны. Другая инициатива заключается в регистрации активных пользователей сети, таких как блогеры, и в распространении на них законов СМИ. Так, например, при распространении фальсификации они могут привлекаться к гражданской или уголовной ответственности и т.п. Таковыми будут являться сайты, блоги и профили, на которые заходят около 3000 пользователей в день [5].

Параллельно с этим Россия развивает русскоязычные платформы социальных медиа. Для примера, ресурс «В Контакте», аналог «Facebook», является самой популярной русскоязычной социальной сетью. В 2014 году количество пользователей этой сети достигло 60 млн. Это самая популярная сеть в России, Украине и шестая в мире [15]. Также популярны на постсоветском пространстве такие социальные сети, как «Одноклассники», «Мой Мир mail.ru» и т.п. Исследования показали, что эти ресурсы не политизированы как популярные социальные сети в мире. Скорее всего, это также является составной частью поли-

<sup>2</sup> IP-адрес (Internet Protocol Address) – уникальный сетевой адрес узла в компьютерной сети, построенной по протоколу IP. В сети Интернет требуется глобальная уникальность адреса.

**Назим МАХМУДОВ**

тики России по переводу русскоязычного виртуального мира на внеполитизированный национальный контент. Так, например исследования виртуальной активности в период парламентских и президентских выборов 2011-2012 годов в РФ показали минимальную политизированность контента этих сетей [10, с. 29]. Конечно, России далеко до национальных платформ Китая типа «Qzone», число пользователей которых в 10 раз больше. Однако это также показатель стратегии России в сфере попыток невестфализации киберпространства.

Подход России к обеспечению глобальной информационной безопасности заключается в том, что в нем ключевую роль должны играть государства. В противовес этому, США, например, видит управление глобальной кибербезопасностью в лице смешанного органа из представителей бизнеса, НПО, ИТ-экспертов и государственных представителей. Россия не исключает их роли, но задвигает их на второй план. Если говорить о структурных изменениях в государственном аппарате в связи развитием киберпространства, то можно отметить появление, для примера, новой должности – координатора по политическому использованию информации и коммуникаций в МИД РФ [3]. Однако основные полномочия государственного контроля за интернетом и социальными сетями сосредоточены в Совете безопасности РФ.

По мнению многих экспертов, в ответ на принятую Белым Домом Международную стратегию по киберпространству, Россия в 2013 году приняла документ под названием «Основы Государственной политики РФ в области международной информационной безопасности на период до 2020 года». В нем отмечается, что Россия будет активно использовать свои дипломатические рычаги для достижения своих целей в сфере информационной безопасности. РФ использует для этого площадку ООН, Шанхайской Организации сотрудничества (ШОС), ОДКБ, БРИКС, СНГ. В духе документа чувствуется невестфализм. То есть, в противовес документу, принятому в США, здесь в основе международного обеспечения информационной безопасности рассматривается государство, и не допускается вмешательство во внутренние дела государств через киберпространство. Есть моменты также из идей неомарксизма. Например, политика России в этой области также заключается в разработке программ по преодолению информационного неравенства между развитыми и развивающимися странами, по принципу «Богатый Север» и «Бедный Юг» [4]. Развивая эту тему, Кремль успешно продвигает тезис де-вестернизации Интернета, и как вытекающее отсюда требование пересмотра его контроля. Так, в настоящее время количество пользователей интернета из развивающихся стран значительно превышает количество пользователей стран Запада. А к 2020 году прогнозируется, что 90% пользователей сети будут не

граждане стран ОЭСР. Россия часто заявляет, что несмотря на эту статистику, 10 из 13 основных серверов интернета находятся в США, а три у ее союзников (Япония, Нидерланды, Швеция) [9].

**Политика Китая в области контроля за интернетом и социальными медиа**

Схожую с Россией позицию по информационной безопасности демонстрирует Китай, который также пытается контролировать свободный поток информации из интернета и социальных медиа. В отличие от России, экономика Китая, в особенности мелкий и средний бизнес, значительно больше интегрирована в операции в киберпространстве. Из-за этого Пекин не так строго ориентирован на полное подчинение интернета невестфальским принципам. Однако это не отменяет того факта, что Китай является одним из самых крупных ограничителей свободного интернета. Другими словами, если сравнить ограничительные меры России и Китая, то Кремль новичок в этой сфере. На фоне Китая киберпространство России это, своего рода, оплот свободы. Также обе страны отличают подходы ограничения информации. Так, Россия ограничивает в основном информацию, которая затрагивает ее духовные ценности. Хотя это не отменяет того факта, что различного рода блогеры или активисты в России не преследуются за свою политическую деятельность в виртуальном пространстве. Однако масштабы этих преследований очень малы по сравнению с Китаем. Пекин, в отличие от Кремля, не принимает за основу ограничения защиту каких-либо традиционных ценностей. Китай прямым и открытым образом жестко реагирует на любые попытки политизации информации против правящего режима. Так, например, часто арестовываются блогеры и активисты, которые через социальные медиа пытаются привлечь внимание к нарушениям прав человека в стране, пропаганде жесткого разгона акций студентов в Пекине на площади Тяньаньмэнь в 1989 году и т.п. Однако власти для минимизации негатива в отношении себя осуществляют блокировку различных сайтов, блогов и профилей через интернет-провайдеров, а не напрямую.

Помимо этого, применяются методики блокировки IP-адресов, фильтр онлайн-контента по ключевым словам, мониторинги, которые охватывают большую часть национального киберпространства. Одним из новых требований в Китае стали правила регистрации в интернете и социальных сетях только под своим именем, начавшие действовать с 2012 года. В стране заблокированы такие популярные мировые интернет-ресурсы как «Facebook», «Youtube», «Twitter», «Voice of America», «Radio FreeAsia», «NewYorkTimes», «Washington Post». Китай использует альтернативные национальные платформы в противовес многих популярных Интернет-ресурсов. Огромное количество

## ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

пользователей сети этих страниц позволяет им быть конкурентными и интересными.

Также, Пекин использует большую часть интернет-пользователей как выразителей своей позиции и различными методами поощряет их деятельность в киберпространстве. В результате, оппозиционный и политизированный интернет-активизм в китайском контенте составляет очень низкий процент – менее 10%. В Пекине используют активное сотрудничество с бизнес-средой для ограничения интернета. То есть, компаниям, которые активно работают в киберпространстве, выполняя нормы государства и помогая им в ограничении недопустимого контента, предоставляются различного рода льготы. Пекин активно продвигает политику самоцензуры отдельных компаний в интернете и социальных медиа. Успешная политика Китая в национальном киберпространстве основывается прежде всего на том, что, минимально ограничивая своих граждан в виртуальном пространстве, она предлагает им интересные неполитические альтернативы, которые успешно окупаются [12].

### Заключение

Подводя итог анализа государственной политики США, России и Китая в киберпространстве, хотелось бы подчеркнуть, что США является главным агитатором идеи свободного интернета. Это исходит из их мировосприятия, ценностей, идеи об особой миссии Америки нести свет и свободу всему миру. Как в начале 20 века Вудро Вильсон был одним из резких критиков теории баланса сил в международных отношениях (Вестфальской системы международных отношений), так и в начале 21 века Б.Обама категорически выступает против огосударствления сферы международного киберпространства. Учитывая свою гегемонию в этой сфере, США не хотят делиться лидерством в ней с какими-либо государствами или международными организациями. Таким образом, их основной взгляд на управление международным киберпространством основывается на мульти-управлении международным киберпространством представителями бизнеса, НПО, экспертами и государством. По моему мнению, такой формат позволит им сохранить относительное доминирование в виртуальном пространстве, несмотря на большой рост пользователей сети развивающегося мира. На сегодня именно интернет и социальные медиа являются для США основными двигателями демократии и идей свободы, при помощи которых они могут влиять на политику многих государств мира.

В противовес этому, Россия и Китай стремятся изменить существующий статус-кво в этом вопросе. Однако политика этих государств также отличается друг от друга. Для России защита от интернета – это не только безопасность режима от различного рода цветных революций и протестов, но и главное – сохранение своей идентичности в потоке глобализации, которая распространяется вместе с интернетом. Учитывая, что Китай самая густонаселенная страна, ее особо не беспокоит вопрос сохранения идентичности. Главное для Пекина – безопасность режима. Пекин, в отличие от Кремля, не такой уж ярый сторонник невестфализации интернета, так как его бизнес намного более интегрирован в виртуальное пространство, чем российский. Однако для сокращения гегемонии США в этой области он активно поддерживает Россию в этой сфере.

В целом, подводя итог, можно подчеркнуть, что с развитием новых технологий, а именно интернета, социальных медиа и кабельного ТВ, кардинально меняется стратегия обеспечения национальной безопасности государств мира. Если в 20-м веке основными угрозами для безопасности государств считались военные (война как таковая), а позже экономическая зависимость и отсталость, то сегодня обеспечение информационной безопасности и сохранение идентичности своей нации в потоке информации становится приоритетом, особенно для молодых государств, таких как Азербайджан. Конечно, важность защиты от вышесказанных угроз не уменьшилась, однако вопрос безопасности в информационной среде значительно возросла. Поэтому для стабильного и поступательного развития общества каждое государство должно выстраивать адекватную политику в сфере интернета и социальных медиа. Однако она сталкивается в решении этого вопроса с главной дилеммой: обезопасить себя, ограничивая свободный поток информации через интернет и социальные медиа, или же, не вмешиваясь, гарантировать свободный доступ граждан к любой информации в качестве одного из основных принципов демократии и свободы. Однозначного ответа, конечно, на этот вопрос нет. На мой взгляд, государствам нужна смешанная стратегия единства свободного потока и контроля для доступа к определенной информации. Например, распространение детской порнографии или же призывы к суициду, терроризму и экстремизму через Интернет должны наказываться даже в самых демократических государствах. С другой стороны, граждане всегда должны иметь доступ к альтернативной государственной информации как основе свободы слова.

### Литература:

#### Интернет-ресурсы

1. Директор ЦРУ о социальных СМИ и угрозе терроризма <http://www.golos-ameriki.ru/content/reuters-usa-security-brennan/2679442.html>

2. «Исламское государство» ищет альтернативу Facebook [http://www.gazeta.ru/tech/news/2015/03/10/n\\_6996301.shtml](http://www.gazeta.ru/tech/news/2015/03/10/n_6996301.shtml)

## Назим МАХМУДОВ

3. В МИД РФ появилась должность куратора Интернета <http://www.aif.ru/society/273116>

4. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (Утверждены Президентом Российской Федерации В. Путиным 24 июля 2013 г., № Пр-1753) <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/114.html>

5. Федеральный закон Российской Федерации от 5 мая 2014 г. N 97-ФЗ <http://www.rg.ru/2014/05/07/informtech-dok.html>

6. ЦРУ начинает перестройку внутри себя <http://vz.ru/world/2015/3/7/733260.html>

**Books**

7. Barry Buzan, Ole Wæver, and Jaap de Wilde, Security: A New Framework for Analysis.

8. Power and interdependence R.Keohane and J.Nye, 330 pages

**Academic papers**

9. Contest and Conquest: Russia and global internet governance, Julien Nocetti International Affairs Vol. 91, Number 1, January 2015, pp.111-130

10. Online social media and political awareness in authoritarian regimes, Ora John Reuter and David Szakonyi, British Journal of Political Science, Vol. 45, part 1, January 2015.

11. The Political Power of Social Media: Technology, the Public Sphere, and Political Change Author(s): Clay Shirky, Foreign Affairs, Vol. 90, No. 1 (JANUARY/FEBRUARY 2011), pp. 30-31 <http://www.jstor.org/stable/25800379>

**Internet resources**

12. China, Internet Freedom, and U.S. Policy, Thomas Lum, Coordinator, Patricia Moloney Figliola, Matthew C. Weed, Congressional Research Service, July 13, 2012 <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R42601.pdf>

13. International strategy for cyberspace: Prosperity, Security, and Openness in a Networked World, May 2011 [https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss\\_viewer/international\\_strategy\\_for\\_cyberspace.pdf](https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf)

14. Russia Tops China as Principal Cyber Threat to US <http://thediplomat.com/2015/03/russia-tops-china-as-principal-cyber-threat-to-us/>

15. Website Ranking, Top 50 sites in the world for all categories <http://www.similarweb.com/global>

**Summary**

The paper is analyzing the international experience in field of cyberspace and information security. I studied 3 cases of governmental policy towards internet and social media. In this paper I try find similarities and differences in strategic approaches, mechanisms, methods and instruments of working of USA, Russia and China in cyberspace.

USA policy and strategy is mainly focus on providing free internet to so many countries as possible. In their point of view free access to internet and social media is a foundation for development international trade and commerce, democratization process and sharing common values. Therefore USA negatively perceives attempts of some authoritarian states to control internet and social media. White house use different programs and mechanism to help civil societies in different undemocratic states to access to free internet.

On the other hand Russia perceives free and uncontrolled by states internet and social media as threat to own national security. Therefore they try to develop idea about importance of neowestfalisation of cyberspace. For Kremlin it is important that nobody have right to interfere in internal affairs of state in cyber space as it is accepted in real world. So Moscow reforms their information security policy for increasing sensitivity to the threats from internet and social media. The main aims in this filed are decreasing role of USA, saving own identity and culture from negative impact of globalism which come from cyberspace and stability of ruling regime.

Simultaneously China also supports Russia attempts in field of declining USA advantages in cyberspace. However China less supports idea of neowestfalism of cyberspace than Russia. Beijing economy and business is more involved in operations in cyberspace. Therefore the main aim of their policy of controlling internet and social media is preventing from propaganda against ruling party and regime. In this filed they have more instruments and mechanisms than Russia and significantly restrict freedom of speech in cyberspace in comparison with Russia.

**Keywords:** cyber security, social media, free internet, Neowestfalism, internet-censorship



**Сура ГУСЕЙНОВА,**

докторант Бакинского славянского университета,  
кафедра Дипломатии и внешней политики

### **ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ РОЛИ ЕВРОСОЮЗА В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

На современном этапе дискурс роли Евросоюза в формировании новой архитектуры безопасности на европейском континенте составляют два вектора. С одной стороны, явственно проявляются проблемы в области внутренней и внешней безопасности ЕС, требующие общеевропейского ответа, например, борьба с терроризмом и сепаратизмом. С другой стороны, страны-члены ЕС не смогли выработать общую позицию и солидарные действия в связи с событиями «арабской весны». Последующие за событиями на Ближнем Востоке расхождения позиций России и Евросоюза по Сирии, украинский кризис продемонстрировали, что ряд стран-членов ЕС не готов продвигаться по пути дальнейшей интеграции в сфере ОПБЕ. Отношения между Россией и Евросоюзом сегодня характеризуются высоким уровнем напряжения из-за ее роли в украинском кризисе. Небольшие страны Центральной и Восточной Европы, выступающие европейскими союзниками РФ, пытаются соблюсти баланс между своими обязательствами в рамках ЕС и сохранить торговые связи с Россией, настойчиво стремящейся создать новые союзы в этом регионе. «В Центральной и Восточной Европе существуют два типа государств: одни занимают откровенно враждебную позицию, и мы не можем надеяться на совместную работу с ними, а другие колеблются, – прокомментировал газете «Гардиан» позицию РФ российский парламентарий. – Есть силы в Венгрии, Словакии, а с недавнего времени и в Чешской Республике, с кем Россия может вести хороший диалог. Способствовали этому процессу и пророссийские партии в Латвии» [1]. В частности, Венгрия, Словения и претендующая на вступление в ЕС Сербия выступают против применения экономических санкций против мощного соседа, считая, что санкции наносят больше вреда Европе, чем России. «При отсутствии четкого плана действий и более существенной финансовой поддержки европейских столиц Украине на континенте вновь появится железный занавес, – определяет влияние украинского вопроса на размежевание сил в Евросоюзе французский аналитик Р. Дембик. – Причем произойти это может быстрее, чем нам кажется. Европе нуж-

но взять на себя ответственность. К сожалению, у ЕС может не оказаться достаточной политической воли, чтобы справиться с возникшим перед ним историческим вызовом» [2]. Таким образом, украинский кризис стал одним из самых серьезных вызовов политики безопасности и обороны ЕС.

Остаточные, но достаточно серьезные последствия рецессии 2008-2009 годов в экономике стран Южной и Центральной Европы, входящих в ЕС, оказывают бюджетно-финансовые ограничения на реализацию общей политики обороны и безопасности Евросоюза. Акцентирование стратегических сил США на Азиатско-Тихоокеанский регион потребовало от Евросоюза принятия «экономных кооперативных решений, позволяющих обеспечить военно-технологическую самодостаточность миротворческого потенциала ЕС» [3].

Ведущие европейские страны убеждены, что ЕС и НАТО могут эффективно дополнять друг друга в коллективной безопасности. «НАТО и ЕС, было подчеркнуто на сессии Европарламента в июне 2013 г, являются двумя составляющими единой политики безопасности и обороны. Развитие стратегического партнерства Евросоюза и НАТО будет способствовать укреплению глобальной безопасности» [3].

Евросоюз никогда не выдвигал стратегическую задачу самостоятельного проведения масштабных операций глобального характера, считая это прерогативой НАТО. Важным моментом предпочтения силового участия НАТО в европейской обороне выступает тот непреложный факт, что договорные обязательства членов европейских сообществ не содержат принципа использования вооруженных сил стран-членов для отражения агрессии и проведения крупных военных операций. Большинство стран-членов ЕС воспринимают именно НАТО гарантом коллективной безопасности. Свою миссию в архитектуре европейской безопасности Евросоюз видит в противодействии новым угрозам и поддержании международного порядка.

Выполнение данной миссии требует определенного оборонного потенциала, однако стратегия европейской безопасности не предусматривает форми-

## Сура ГУСЕЙНОВА

рование и техническое оснащение больших военных подразделений, находящихся в состоянии постоянной боевой готовности, аналогичной силам быстрого реагирования Североатлантического альянса. Центр военных операций ЕС, функционирующий с января 2007 г., в состоянии управлять операциями, военный контингент которых не превышает двух тысяч. Такие ограниченные ресурсы определяются штатной структурой центра, включающей 8 человек на постоянной основе и до 100 человек в операционный период. В настоящее время при Военном комитете ЕС по ротационному принципу созданы боевые группы полной готовности, которые могут быть использованы только для урегулирования начальной стадии небольших конфликтов в течение 30 дней с возможностью пролонгации до 120 дней. Общий состав двух групп Nordic Battle Group, сформированных в Швеции и Финляндии, и Spanish-led Battle Group, сформированной в Испании, включает 1500 человек [4]. На фоне сил быстрого реагирования НАТО численностью до 25 000 с неограниченным сроком пребывания военные возможности Евросоюза не представляют реальной силы.

Новый состав Еврокомиссии, подтвердив приверженность к целостному подходу роли Евросоюза в новой архитектуре европейской безопасности, подчеркнул необходимость в солидарных действиях государств и международных организаций в развитии экономических, политических юридических и военных механизмов безопасности. В настоящее время завершён план 2009 -2013 гг., предусматривающий развитие ВПК Евросоюза, исходя из политики его восточного расширения. План 2014-2018 гг. построен ЕДА на анализе учета национальных приоритетов стран- членов ЕС и усилении роли Евросоюза в архитектуре европейской безопасности. Конфиденциальность данного плана подтверждается официальными документами, но понятно, что дальнейшее развитие ВПК Евросоюза определяется исходя из четырех сценариев угроз и вытекающих из них вызовов глобальной безопасности, выявленных на закрытом заседании 25 военных и гражданских экспертов государств-членов и органов ЕС. Приведенный ниже план определяет все виды угроз и соответствующие им опасности на период до 2018года [5]:

1. Классический случай не рассматривается как угроза, а предполагает, что глобальный баланс безопасности остается неизменным положительным и устойчивым.

2. Агрессивный мультипарализм: несколько более или менее одинаково сильных государств конкурируют за власть, влияние и ресурсы, используя также военные средства.

3. Терпящие неудачу государства: увеличивается число государств, которые не в состоянии справиться с проблемами глобализации, в частности, с возраста-

нием конкуренции за ресурсы, изменением климата и другими факторами.

4. Нетрадиционные конфликты: открытые военные столкновения редки, но возможны формирования межгосударственных блоков, которые пытаются подорвать безопасность друг друга, поддерживая, например, террористов или радикальные оппозиционные группы. Текущая ситуация на Украине, как видно из данного пункта, не поставила Евросоюз перед неожиданной угрозой, а воспринималась как потенциальная опасность.

5. Особая актуальность военно-промышленной интеграции стран Европейского Союза как фактора усиления его роли в формировании европейской структуры безопасности становится достаточно очевидной после событий в Крыму. Канцлер Германии А. Меркель считает, что формирование единой европейской армии, вооруженной самым современным оружием, должно стать одним из основных приоритетов для Евросоюза.

6. В современных условиях совершенствование военного потенциала Евросоюза становится важнейшим направлением политики обороны и развития европейской безопасности с учетом упущенных в этой сфере возможностей. По мнению английских политиков, «...и в РФ, и в Украине, и в целом в странах Европы уже есть реальные предпосылки к гонке вооружений, которая, как известно, во времена холодной войны была долгой» [6].

Развитие боевого потенциала Европейской политики безопасности и обороны означает не укрепление автономности Европейского Союза, а усиление возможностей стран-членов в рамках Североатлантического альянса. По мнению Криса Доннелли, долгие годы занимавшего пост специального советника Генсека НАТО по вопросам Центральной и Восточной Европы, общая внешняя политика безопасности и обороны ЕС не сможет в ближайшем будущем составить альтернативу Североатлантическому альянсу. Донелли объясняет определенную уязвимость обороны ЕС тем, что большинство стран-членов Евросоюза не провели реформы своих вооруженных сил, чтобы обеспечить достаточный потенциал для быстрого реагирования. «Для независимых от НАТО действий ЕС также придется развивать триаду командования, контроля и связи, а также потенциал разведки и логистики, которым в данное время он не располагает». [7].

Следует отметить, что объективные оборонные потенциалы Европейского Союза практически направлены только на создание окружения безопасности самого интеграционного объединения. Политический курс Евросоюза на усиление своей роли в архитектуре европейской безопасности с позиций «мягкой силы», естественно, привел к изменениям в «жесткой силе»: постепенно после Амстердамского договора численный состав вооруженных сил стран-членов Евросоюза ежегодно сокращался, снижались оборон-

## ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ РОЛИ ЕВРОСОЮЗА В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ные заказы, сокращалось финансирование оборонных программ. Естественно, что в современных условиях оборонный потенциал ЕС не достигает адекватного уровня противодействия глобальным угрозам, так как большинство государств, являющихся одновременно членами ЕС и Североатлантического альянса, избегают двойных затрат, предпочитая обеспечение безопасности в рамках НАТО.

Таким образом, Североатлантический альянс продолжает оставаться военной опорой европейской оборонительной составляющей в новой архитектуре безопасности на континенте.

Приоритет ЕС в европейской безопасности концепции «мягкой силы» не означает полного игнорирования «жесткой силы», особенно после начала украинского кризиса. Это подтвердил Уэльский Саммит НАТО в сентябре 2014 г., ставший знаковым моментом в укреплении взаимоотношений между Североатлантическим альянсом и Евросоюзом в сфере европейской безопасности, угрозы которой крайне обострились в результате воспламенения таких замороженных конфликтов, как Нагорно-Карабахский, Приднестровский, Абхазский, Южноосетинский. НАТО и ЕС признали свою общую озабоченность аннексией Крыма Россией, оценив этот военный акт как попрание Хельсинкских договоренностей. Созданный прецедент силового реформирования европейского пространства стал серьезной угрозой нового силового противостояния в Европе. На этот взрывоопасный фон европейской безопасности накладывается и антиказахская риторика официальных лиц России. Таким образом, геополитические реалии, сложившиеся к середине 2014 года, продемонстрировали, что обозначенные Европейским Союзом ключевые угрозы, содержание большинства из которых является отражением общей тенденции постепенного размывания государственного суверенитета в эпоху глобализации, дополняются новыми вызовами, связанными с активными попытками пересмотреть внеблоковую систему миропорядка.

Уэльский саммит обозначил новые угрозы, исходящие со стороны России и Исламского государства Ирака и Леванта. НАТО и Евросоюз, подтвердили свою общую позицию в отражении угроз безопасности, связанных с боевыми действиями на Украине и в странах Ближнего Востока. Евросоюз доказал свою способность осуществлять боевые операции, а, следовательно, при необходимости, проецировать военное присутствие в ареалах геополитических интересов, обозначенных в стратегии европейской безопасности.

Естественно, что в современной геополитической ситуации особое внимание было уделено, smart defense – «умной обороне». Концепция «умной обороны» НАТО, представленная на Мюнхенской конференции по безопасности в 2011 г. генсеком НАТО А. Ф. Расмуссеном, считается философской основой эффективного реформирования Североатлантического

альянса и усиления по всем азимутам его тесного сотрудничества с Евросоюзом. «Создание более благоприятных условий в сфере безопасности с использованием меньших средств за счёт более тесного и гибкого сотрудничества, чем это было раньше, – считает А.Ф. Расмуссен, – это философия «нового мышления» в области обороны» [8].

Такая философия продуцируется общностью интересов безопасности НАТО и Евросоюза, большим количеством государств, одновременно представленных в обеих структурах, ростом уровня доверия как внутри Североатлантического альянса, так и во взаимоотношениях альянса с ЕС. Умная оборона во многом затрагивает интересы безопасности Евросоюза, несмотря на то, что до Уэльского саммита страны ЕС постоянно снижали взносы в НАТО, вынуждая США вкладывать в общий бюджет организации свыше 50 процентов финансовых ресурсов. Одной из важнейших задач саммита стала разработка «сбалансированности американского и европейского военного потенциала на условиях партнерской солидарности, предполагающих обязательность выполнения приятных договоренностей» [11]. В целом, сближение позиций НАТО и Евросоюза по вопросам европейской безопасности, инициированные на Уэльском саммите должны позитивно отразиться на всей архитектуре европейской безопасности.

Уэльский саммит НАТО развил несколько направлений, тесно связанных с ролью Европейского союза в новой архитектуре европейской безопасности. Во-первых, предполагаемая оптимизация оборонных способностей стран-членов альянса исходит из учета их объективно разных экономических потенциалов, определяющих соответствующие возможности на оборону. Так, нельзя даже провести параллели между бюджетом Германии, Испании и Греции, то есть странами, стоящими на вершине европейского экономического благополучия, ниже среднего уровня и крайне низкого уровня. Во-вторых, предполагается учитывать преимущества государств-членов в разных оборонных сферах, например, объединенные усилия Италии и Франции делают их недостижимыми в производстве фрегатов FREMM, но при этом Франция также единственная страна, владеющая технологиями изготовления индивидуальной экипировки бойца будущего Felin. Военная продукция Португалии и Румынии не вносится даже в рейтинг конкурентоспособности вооружений. В-третьих, принимая натовский принцип дифференциации ответственности стран-членов, ЕС рационализирует оборонную логистику и оптимизирует расходы на безопасность. Несмотря на значительное ослабление европейской валюты и продолжающиеся кризисные явления в социально-экономической сфере, Евросоюз впервые за последние двадцать лет согласился повысить военные бюджеты государств-членов до 2% ВВП.

## Сура ГУСЕЙНОВА

Процессы реализации Евросоюзом ОПБЕ и перспективы возрастания его роли в архитектуре европейской безопасности на современном этапе, на наш взгляд, целесообразно рассматривать через такие дефиниции внешнеполитического анализа, как международное присутствие, международная идентичность и взаимодействие внешних ожиданий и внутренних возможностей ЕС. В этом контексте угрозы перспективам возрастания роли Евросоюза определяются нами по следующим направлениям:

- Нарастание совокупных усилий стран-членов ЕС по усилению своей совместной геополитической значимости в системе мирового порядка идет параллельно со стремлением каждого государства поднять свой авторитет как индивидуального международного актера за счет активизации собственной внешней политики и стратегий, направленных, в первую очередь, на защиту национальных интересов.

- Борьба за лидерство в Евросоюзе между странами с высокоразвитыми экономиками, имеющими часто, как, например, Франция и Великобритания, разновекторные национальные интересы и ориентиры.

- Сложнейшая конфронтация евроинтеграционных и евроскептических тенденций, особенно рельефно раскрывшихся в ходе электоральной кампании в мае 2014 года. Выборы в Европарламент показали неоднозначность текущих политических процессов в общеевропейском доме и нарастающее противоборство разнополярных политических сил на внутреннем политическом поле Евросоюза.

- Неоднозначные последствия предполагаемого вхождения в общеевропейский дом таких потенциальных, ассоциативных членов Евросоюза как Украина, Грузия и Молдавия.

Таким образом, усиление роли Европейского союза в архитектуре европейской безопасности, как и всякого сложного политического явления, определяется дискурсом разнообразных факторов не только политического характера, но, и в значительной мере, экономического и даже ментального свойства.

Прежде всего, отсутствие в Европейском союзе такой стержневой страны, которая оказывает доминирующее воздействие на все сферы регионального развития, как, например, США в Западном полушарии. Американская внешнеполитическая доктрина «заднего двора», предложенная Монро еще в первой четверти XIX века, определяла развитие многих стран этого континента. Ряд аналитиков отмечают возросшую потребность Евросоюза как интеграционного объединения в стрессовом факторе лидерства, то есть выдвижение государства-члена ЕС, способного от имени всего союза играть роль глобального игрока, ведущего за собой другие страны. Влиятельный немецкий журнал «Neue Zeiten», характеризуя современное развитие Евросоюза, определяет актуальные для него вызовы: «Проблем много: возобновляемые источники энергии,

финансовый кризис, третий год бушующая «арабская весна», контрмеры против колпака дяди Сэма, мирная борьба с Китаем за Африку и по всем прочим направлениям, интеграция новых членов Евросоюза, наплыв беженцев, создание свободной экономической зоны с США и Канадой» [9]. Если добавить к вышеназванным проблемам украинский конфликт, то, по сути, это и есть те внутренние и внешние политические вызовы, на которые Евросоюзу придется отвечать не только в ближайшее время, но и в долгосрочной перспективе.

Отсутствие общепризнанного де-факто государства-лидера во многом объясняется не только экономическим соперничеством между «ведущей тройкой», включающей Германию, Великобританию и Францию, но и определенным ментальным срезом европейской идентичности, определяющим взаимоотношения ведущих стран европейского сообщества. Хотя между этими экономически достаточно равносильными партнерами идет острая, но негласная конкуренция, особенно очевидны претензии на лидерство со стороны Германии, так как ее ВВП, достигающий два с половиной триллиона евро, позволил взять на себя в обширном объеме финансовую помощь в преодолении странами еврозоны последней экономической рецессии. Однако такие весомые претенденты на лидерство в ЕС, как Великобритания и Франция, неоднократно давали понять о необоснованности немецких претензий. Во-первых, у Германии не столь надежная для безопасности ЕС территориально-сырьевая база, так как страна вынуждена импортировать из России 40% всего потребляемого ею природного газа. Во-вторых, Германия наиболее уязвима в контексте выполнения стратегической задачи ЕС по сдерживанию России, например, на Юго-Востоке Украины, так как уже инвестировала в экономику России более 20 млрд. евро, открыв в этой стране более 6 тыс. немецких предприятий, при этом свыше 300 тыс. рабочих мест в Германии зависят от отношений с Россией. Прочные экономические связи России и Германии, создают определенный вызов трансатлантической солидарности. Только полное изменение российской парадигмы в политике ФРГ может стать фактором, способствующим возрастанию роли ЕС в европейской безопасности. Если Россия потеряет Германию в качестве своего главного партнера по диалогу в Евросоюзе, что происходит в настоящее время, то Россия может быть вытеснена из центрального поля европейской политики, и соответственно, ее потенциал как глобального игрока значительно понизится. В противном случае, как считают немецкие политологи, будет возрастать такой негативный фактор, как постепенная изоляция Германии в Евросоюзе. Следует отметить, что ЕС уже предпринимал попытки снизить влияние ФРГ не только в России, но и в программах Восточного партнерства. На наш взгляд, современная политика Евросоюза препятствует росту гегемонизма ФРГ в этом интеграционном объединении.



## ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ РОЛИ ЕВРОСОЮЗА В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В-четвертых, ментальный европейский срез обще-исторической памяти второй мировой войны не позволяет видеть в Германии оплот европейской безопасности. Наконец, в-пятых, в Германии присутствует своеобразная «тень оккупации» 1945 года, создаваемая современным присутствием войск союзников по антигитлеровской коалиции в виде воинского контингента стран США и Великобритании, причем последняя в целях экономии своего бюджета планирует вывести войска в 2020 году, то есть, на пять лет раньше планируемого срока. Но и после ухода англичан «оккупационная тень» над Германией не развеется, так как останутся войска США, располагающие к тому же оружием массового поражения. В этом контексте политика Евросоюза, геостратегическая общность которого продуцирует долгосрочную интеграционную стратегию, формирует весьма сложный дискурс, параметры которого определяются как наращиванием совместных усилий стран-членов ЕС по усилению своей безопасности, так и защитой каждым государством своих национальных интересов.

Для определения реальной эффективности роли ЕС в европейской безопасности необходимо признать значительный позитивный опыт и уникальность европейской интеграции, охватившей 505,7 миллиона человек. Такие важнейшие индикаторы интеграции как единая валюта, единый парламент, Европейская комиссия, совместный бюджет, общие усилия преодоления экономических кризисов свидетельствуют о значительных преимуществах интеграции.

Сегодня ведущие западные политики признают за Европейским союзом статус потенциальной супердержавы, оказывающей влияние на все процессы глобальной политики. Тем не менее, европейский интеграционный процесс обнаружил свои слабые стороны. Для Евросоюза, который по концентрации иммигрантов занимает одно из первых мест в мире, данная проблема обостряется тем, что «помимо принятия в год полумиллиона законных иммигрантов, в странах-партнерах оседают еще более 400 тыс. незаконных мигрантов» [10]. Новые реалии потребовали от ЕС разработки политико-правовых мер реагирования на ситуацию в миграционной сфере.

Вызовы в миграционной сфере связали в единую цепочку наплыв незаконных иммигрантов, социальную и культурную маргинализацию и криминализацию общества, терроризм, взрыв радикального сепаратизма, возникновение очагов социальной напряженности, рост ксенофобии и экстремизма. Евросоюз определил такое сращение всех выше обозначенных явлений как угрозу всей архитектуре европейской безопасности. Реальные и потенциальные последствия нелегальной миграции, угрожающие практически любому аспекту безопасности стран-партнеров ЕС, побудили руководящие органы объединения рассматривать нелегальную миграцию не с точки зрения прав человека, а сквозь

призму европейской безопасности, которая должна в полной мере противостоять организованной преступности, наркотрафику, контрабанде и торговле людьми. Еврокомиссия неоднократно подчеркивает растущие трудности в борьбе с угрозами незаконной миграции в силу замкнутости экстремистски настроенных этнических группировок. Интенсификация нелегальной иммиграции и расширение ее географического ареала вызваны факторами как экономического так и политического характера. Противостоять угрозам нерегулируемой миграции ЕС пытается путем укрепления контроля на внешней границе Союза, что ведет к определенному дуализму иммиграционной политики, пытающейся преодолевать явные противоречия между признанными либеральными стандартами гражданского развития и организацией защиты европейской безопасности. Усиление иммиграционного контроля в Евросоюзе резко ограничило возможности легального въезда, инициируя тем самым развитие сети нелегальных миграционных каналов. Специальный докладчик ООН по вопросу о правах мигрантов после консультаций, проведенных с представителями Европейского союза и представителями государственных структур стран по обе стороны внешней границы ЕС, представил в Совет безопасности ООН официальное заключение, резюмирующее, что «в контексте безопасности и укрепления пограничного контроля такие меры, как систематическое задержание нелегальных мигрантов, нельзя оценить как незаконные» [11].

Играя значительную роль в формировании новой архитектуры европейской безопасности, Евросоюз вынужден решать сложнейшую политическую дилемму: как, соблюдая принципы демократии и прав человека, ужесточить в западноевропейской иммиграционной политике правовые нормы, регулирующие условия пребывания в стране иностранцев. Нам представляется, что Евросоюз, декларирующий принципы соблюдения прав человека, мультикультурализма, глобализации и региональной интеграции, пока не смог в рамках демократической парадигмы дать адекватного ответа на иммиграционную угрозу европейской безопасности.

Эти сложные тенденции общеевропейского развития наглядно отразили прошедшие при самой низкой явке за все годы функционирования Европейского союза последние выборы в Европейский парламент в мае 2014 года. Их результаты показали впечатляющий успех правого и левого радикализма, что убедительно подтверждает прогнозы евроскептиков о нарастающей опасной тенденции кризиса самого Европейского союза. «Мы должны серьезно проанализировать, – считает немецкий социал – демократ Мартин Шульц, – почему люди так разочаровались в Европе» [12].

Ультраправый «Национальный фронт» Марин Ле Пенн, который в 2009 году, набрав 6%, шокировал французов, возмущенных ростом в стране шовинисти-

## Сура ГУСЕЙНОВА

ческих настроений, в 2014 году получил 25% голосов, обогнав правящих социалистов и умеренных правых [12]. Ультраправые силы, выступая против интеграционных процессов, выиграли также в Дании и улучшили результаты в Австрии. Выборы в Европарламент продемонстрировали «эффект края», когда неожиданно смыкаются в своих требованиях диаметрально противоположные стороны, в частности, ультраправые и ультралевые силы. В Греции ультралевая партия СИРИЗА завоевала 26,5%, в Италии «Пять звезд» под руководством левого популиста Беппе Грилло набрала 26,5%. От Испании в европейский парламент, завоевав пять мест, прошла партия «Podemos», которая набрала рейтинг всего за пять месяцев пребывания на политической сцене, выдвинув ультралевые, националистические, антиглобалистские лозунги. Свой авторитет партия укрепила на острейшей критике текущей внешней политики и политики обороны Евросоюза.

Балансирует на грани выхода из ЕС Великобритания. В частности, премьер-министр Дэвид Кэмерон сообщил, что если его партия одержит победу на парламентских выборах 2015 года, после 2017 года она проведет референдум по поводу возможного выхода Великобритании из Европейского союза. О системном кризисе свидетельствует и заявление Дэвид Кэмерона о том, что назначение господина Юнкера, которого поддержала Ангела Меркель, может дестабилизировать ситуацию в его правительстве и привести к референдуму о членстве Великобритании в ЕС. «Референдум о принадлежности к Европейскому союзу – это своего рода морской змей британской политики, – считает французский политолог Б.Бернар. – Евроскептики не скрывают радости, сторонники единой Европы теряют надежду, а остальные 26 государств-членов ЕС не скрывают своего недовольства» [13].

Последователей европейской интеграции крайне встревожили полученные на выборах в Европарламент 31,1 процента Партией независимости Соединенного Королевства Найджела Фараджа, который в основу своей избирательной кампании положил пропаганду непоправимого экономического и культурного ущерба от иммиграционной политики Евросоюза. Расстановка политических сил в Великобритании сейчас такова, что настойчиво продвигаемая правящей партией идея «разноскоростной европейской интеграции по интересам» может сильно ослабить политические основы единой Европы. В этих условиях английское правительство, не справившись с нарастающей волной евроскептицизма, вынуждено будет согласиться на выход из Европейского союза. Этот акт, безусловно, не может не пошатнуть уже сложившуюся архитектуру европейской безопасности и кардинально изменить расстановку сил и приоритетов во внешней политике ЕС.

В текущей перспективе подобное развитие событий скажется на активности Евросоюза в защите

своей безопасности. Более того, именно покинувшая ЕС Великобритания, не связанная обязательствами с политикой ЕС и будучи традиционно самым надежным партнером США в атлантической солидарности, может стать в тандеме с США европейским противовесом доминированию Евросоюза в новой архитектуре европейской безопасности с целью усилить роль ОБСЕ и НАТО. Предлагаемый нами дискурс дает возможность прогнозировать развитие такой ситуации, когда Евросоюз будет вынужден поменять традиционную концепцию «мягкой силы» и компенсировать сокращение своих возможностей в сфере безопасности внутри объединения наступательной тактикой вне своих границ.

Приведенный выше анализ позволяет утверждать, что ряд претензий евроскептиков к системному характеру кризиса общеевропейской интеграции достаточно аргументирован. По их мнению, базовые элементы интеграционной структуры Европейского союза, механизмы их функционирования и взаимодействия, общие политики, в том числе и безопасности, достаточно часто не отражают интересы всех участников этого объединения. «Реакция стран-участниц на системный кризис будет выражаться, с одной стороны, в попытках ужесточить регулирование на уровне общества, а с другой – в расширении практики гибкой интеграции и создании коалиций из государств, желающих углубленного сотрудничества и способных к нему в разных областях» [13]. Таким образом, прошедшие выборы в Европарламент делают актуальным укрепление евроинтеграции для усиления роли ЕС в архитектуре европейской безопасности.

Предлагаемый нами дискурс стал особо очевиден в связи с «украинским кризисом», когда запланированное подписание Украиной договора об ассоциации с ЕС вызвало жесточайшую конфронтацию между Россией и Европейским союзом. Обе стороны выдвинули руководству Украины жесткий ультиматум: или-или, выбор мог быть только однозначным, должен был исключить даже возможность альтернативности и действовать по принципу парциальности, то есть, выбор здесь и сейчас. По сути, обе стороны конфликтного взаимодействия стали в позицию игроков, рассчитывающих на безоговорочную победу с нулевой суммой, при которой абсолютный выигрыш одного из партнеров обязательно означает потери другого. Следует отметить, что, во-первых, сам принцип нулевой суммы по определению не может быть эффективным в формировании архитектуры безопасности, так как отвергает любой компромисс, во-вторых, пропагандируемая Европой толерантность предполагает всегда постмодернистскую альтернативность, то есть, возможность, по крайней мере, выбора наименьшего зла из самых плохих вариантов. Украинский кризис поставил под сомнение эффективность действующей архитектуры европейской безопасности и, по сути, проявил долгосрочные

## ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ РОЛИ ЕВРОСОЮЗА В НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

тенденции мировой политики, определив векторы развития Евросоюза в сторону усиления трансатлантического сотрудничества. В этих условиях неопределенности европейской безопасности Россия пытается выстроить отличный от общеевропейской интеграции собственный интеграционный блок, ориентируясь в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона как нового мирового центра экономического развития. Подписанный президентом Украины П. Порошенко Договор об ассоциации с ЕС прервал и без того сложный процесс взаимопонимания и сближения Европейского союза и России, привел к конфронтации их отношений и атрофии уже наработанной институционально-правовой базы взаимоотношений двух важнейших актеров европейской безопасности.

Наметившееся в конце первого десятилетия 21-го века сближение двух мощных геополитических игроков трансформировалось вследствие украинского кризиса в жесткое противостояние Евросоюза и России не только в отношении друг друга, но и в целом оказывает влияние на мировое развитие. Украина, как определил новый Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг, стала ключевым звеном всей евроатлантической безопасности, и ее стратегическое партнерство с альянсом будет возрастать. «В ответ на незаконную «аннексию» Россией Крыма и военной поддержки русскими сепаратистов на Востоке Украины НАТО и ЕС продолжают выражать свою полную поддержку суверенитету и территориальной целостности Украины в пределах ее границ, признанных на международном уровне» [2]. Сочетание этих тенденций будет укрепляться и определять новый инструментарий Европейского союза в архитектуре европейской безопасности без сотрудничества с Россией.

Закономерно, что в программе внешнеполитической деятельности Евросоюза, представленной в сентябре 2014 г. Комиссии по иностранным делам Европейского парламента, Россия больше не рассматривается как стратегический партнер ЕС [5]. Новый Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини считает, ЕС вынужден пересмотреть свою политику по отношению к России на ближайшие пять лет [10]. При этом для России еще на протяжении длительного периода Европейский союз будет крайне важен, как в торговом обороте, так и на рынке сбыта углеводородов.

Одной из главных целей Европейского союза, наравне со стремлением к усилению экономической интеграции и солидарным политическим действиям, состоит в достижении гарантий мирного развития не только стран-членов ЕС, но и их соседей, создающих своеобразное окружение безопасности. Ряд государств, в частности, Польша и страны Балтии, накопили значительный опыт вхождения и адаптации к нормам и стандартам жизни в Евросоюзе. На современном эта-

пе именно они стали своеобразными «приводными ремнями» в подготовке к вхождению в общеевропейский дом таких потенциальных членов, как Украина, Грузия и Молдавия. Известно, что в международной практике первый визит нового главы государства как бы декларирует направленность стратегического партнерства, и в этом контексте далеко не случайно, что первый визит нового украинского президента П. Порошенко был именно в Польшу, деятельность которой он оценил как руку помощи всех партнеров по Евросоюзу [7]. Однако при этом нельзя забывать, что претендующая на роль «приводного ремня» в Евросоюзе сама Польша проявила самую низкую явку в ЕС – 22%, которую политологи определили как «скандално низкую явку, демонстрирующую отсутствие совпадения интересов членов ЕС во внешней политике. Это совершенно очевидно, стоит только посмотреть на реакции на украинский кризис и на санкции по отдельным государствам» [10].

Кроме факторов, обозначенных выше, нельзя, на наш взгляд, отрицать и тот момент, что крайне сложная социально-политическая и экономическая ситуация в ряде постсоветских стран, подписавших ассоциативное членство с Евросоюзом, во многом повышает риски и угрозы европейской безопасности в силу как естественной для транзита динамичной нестабильности, так и часто вызванной, как, скажем, на Украине, олигархической, клановой борьбой и коррупцией, отмечаемой всеми международными донорами. При этом следует учесть, что в постсоветских странах присутствует и некая ментальная тенденция, часто отказывающаяся Евросоюзу в моральном и политическом праве указывать суверенной стране ориентиры и направления ее движения. Следовательно, перманентная конфликтогенность постсоветского пространства бросает настолько серьезные вызовы Евросоюзу, что депутат шведского парламента А. Урбан обозначил данное политическое пространство даже как «новый Ближний Восток» [3], концентрирующий потенциал, угрожающий сложившейся архитектуре европейской безопасности.

Экономическая мощь Евросоюза обеспечивает этому наднациональному актеру международных отношений особую геополитическую роль в европейской безопасности, придавая его экономическим санкциям характер определенного регулятора международной безопасности, что достаточно четко проявилось в трех пакетах санкций, направленных на Россию в связи с событиями в Крыму и на Юго-Востоке Украины. Россия и Евросоюз полностью расходятся в оценке ситуации, сложившейся в Европе после событий на Украине. «Безопасность и стабильность в Европе оказалась под угрозой из-за конфликта на Украине, заявил генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, – кроме этого, украинский кризис воскресил призраки «холодной войны» [7].

## Сура ГУСЕЙНОВА

ЕС и США консолидировано выступают за сохранение международного порядка, сформированного после окончания холодной войны. С точки зрения России, именно Запад этот порядок разрушил, посягнув на ее национальные интересы. Поэтому единственной альтернативой сохранения стабильности в Европе Россия видит в выстраивании нового международного порядка на основе разделения сфер влияния, определенных национальными интересами, то есть то, что В. Путин угрожающе охарактеризовал как «медведь своей тайги никому не отдаст, и не корчите из себя вершителей судеб» [9]. Безусловно, такая неконструктивная позиция России бросает вызов новой архитектуре европейской безопасности. Евросоюз убежден, что «России, необходимо сочетание твердости и дипломатии, однако, какой из двух подходов возобладает, зависит от поведения медведя».

Несмотря на активно развиваемый Евросоюзом современный боевой потенциал, его возрастающая в современной глобальной безопасности продуцируется, прежде всего, идеологией «мягкой силы», которая резко контрастирует с идеологией и практикой «жесткой силы» США, НАТО и России. Мы полностью солидаризируемся с выдвинутой профессором политологии

университета Индианы Дж. МакКормиком концепцией «европейской суперсилы», постулирующей роль Евросоюза в глобальной политике и архитектуре европейской безопасности, основываясь на размерах и возможностях экономики ЕС. «В глобальном политическом влиянии Евросоюз осуществляет контроль за средствами производства, что сегодня намного более важно, чем контроль за средствами уничтожения. Природа силы в международных отношениях изменилась со времен холодной войны, и сегодня военная мощь уже не так важна для сверхдержавы» [14].

Подводя итоги данной главы, можно предположить, что в сложившихся к настоящему моменту внутренних и внешних обстоятельствах Евросоюзу необходимо выдержать важнейшие вызовы европейской безопасности, вызванные ростом евроскептицизма, украинским кризисом и террористическими угрозами, исходящими от ИГИЛ. Европейскому союзу для усиления своей роли как нового международного авторитетного актера целесообразно взять на вооружение более прагматичную политику, ориентиром на консолидированную жесткую внешнюю политику, повременив с идеей единой международно-политической общности на европейском континенте, но оставив ей шанс на будущее.

## Литература:

1. Лун, А. Непокойные связи России в Европе. <http://inosmi.ru/world/20141>
2. Европейский Союз должен взять на себя ответственность по восстановлению Украины. <http://inosmi.ru/world/2014>
3. Erlanger, Steven. Shrinking Europe Military Spending Stirs Concern. [www.nytimes.com/2013/04/23/world/europe/eu](http://www.nytimes.com/2013/04/23/world/europe/eu)
4. NATO Global Partnerships in the XXI Century. [http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics\\_50349.htm](http://www.nato.int/cps/ru/natolive/topics_50349.htm)
5. EDA Produces EU Capability Development Plan. [www.defensenews.com/article/20140131/DEFREG01/301310030/](http://www.defensenews.com/article/20140131/DEFREG01/301310030/)
6. EU Defense Procurement & Export Control Policies <http://export.gov/europeanunion/defenseprocurement>
7. Новая «гонка вооружений» России и Запада. <http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2014/06/140627>
8. Донелли, Крис: Европейская безопасность: новые вызовы и новые ответы.// Herald of Europe. 2003, no. 9, с. 4-13.
9. NATO leaders agreed to embrace Smart Defence <http://www.nato.int>
10. Рушанов, М. Мы наш, мы новый мир построим. [neuezeiten.rusverlag.de/2013/11/22](http://neuezeiten.rusverlag.de/2013/11/22)
11. Rolf: Walter, Economic Relations Between Europe and the World: Dependence and Interdependence. Mainz Leibniz Institute of European History (IEG), 2012.- 231p.
12. The Alliance's 28 leaders agreed to reverse the budgets <http://www.nato.int/cps/en/natolive/110343.htm>
13. Что ждет Брюссель и Лондон в случае выхода Великобритании из ЕС? - [www.inosmi.ru/world/20130125](http://www.inosmi.ru/world/20130125)
14. Бордачев, Т. В. В объятиях civilian power. Pro et Contra. Том 8. № 1. Европейский союз в российской политике. – Москва, 2003, с. 47-54.

## Summary

The advantageous geographical position of Azerbaijan, considerable reserves of hydrocarbons, and the intersection of transport communications have defined heightened EU interest to our country. The political and military self-sufficiency of Azerbaijan playing an independent role in the world economy, allow the state to count on objective economic prosperity alone, assuming no incorporation into the EU, and developing a strategic partnership with the EU.

The long-term, constructive and mutually beneficial relationships with the external suppliers of energy is the most important direction of conservation of European security, accordingly convergence between the EU and Azerbaijan appears as an only option for the developments in globalized world.

Moreover we consider that the dynamics of interaction between the EU and Azerbaijan in the field of European security architecture could be more active, if only because both sides have repeatedly demonstrated the ability to find compromises on difficult issues. Currently, it seems necessary to build on the experience of practical co-operation and interaction of the legal framework of Azerbaijan and the European Union in shaping new European security architecture.



**Ахмедова Лала ФАРМАН КЫЗЫ,**

доктор философских наук, заместитель директора  
Института по правам человека НАНА,  
профессор Академии Государственного Управления  
при Президенте Азербайджанской Республики

### КУЛЬТУРА РЕЧИ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ РИТОРИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

Изменения, происходящие в нашей жизни, привнесли определенные перемены в сферу речевого общения. На сегодняшний день никто не может подвергнуть сомнению важность и необходимость ораторских умений.

Толковые словари определяют риторику как науку и искусство красноречия, убеждения словом.

Слово риторика употребляется в нескольких значениях:

1) прикладном: а) ораторское искусство, б) развитие индивидуальных, воздействующих языковых способностей;

2) теоретическом: а) теория речи, описывающая процедуру создания, порождения персуазивных (воздействующих) текстов; б) инструменталий для анализа текста;

3) философский метод познания действительности и средство её изменения.

В наши дни риторика расширила сферу влияния, охватив разнообразные области общения – от публичного, официального, научного и делового до бытового, обиходного, как устного, так и письменного. В XX веке в теории и практике речи усилились тенденции культуры речи, стилистическая дифференциация, требования языковой нормы, чему способствовало возникновение и интенсивное развитие новых научных направлений: теории речи, общения, массовой коммуникации, социолингвистики, функциональной стилистики, грамматики и т.д.

Риторические учения возникали в периоды расцвета цивилизаций, таких как Египет, Индия, Китай, Древняя Греция, Рим. Но в основе всех риторических учений мы видим и философские понятия (например, понимание риторического идеала, поиска истины), и эстетические (пафос, артистизм, изобразительные средства), и филологические (мастерство языка, логика, стили, фигуры, метафора и пр.), и прагматические (образование, ораторство, деловой мир, политика).

Европейская риторическая традиция восходит к античной культуре 5-1 веков до нашей эры. В Древнюю Русь она пришла через Византию и нашла благодатную почву в славянском мире: расцвет красноречия наступил в 11-13 веках. Большинство крупных политических деятелей писателей и даже полковод-

цев Греции и Рима прошли риторические 14-летние школы. В книге «Об образовании оратора» (в русском издании – 12 книг «риторических наставлений») М. Ф. Квинтилиана (1 век н.э.) представлены и модель учащегося, и развитие его способностей, и разделы программ, и нравственные требования к носителю риторического мастерства. Престиж риторики и ее носителя- оратора был настолько высок, что Марк Туллий Цицерон (1 в. до н.э.) ставил его на второе место после полководца. Сам Цицерон был государственным деятелем – консулом и философом, и непревзойденным оратором, и автором трактатов «Об ораторе», «Оратор», «Брут». Античная риторика была неотделима от общего развития культуры, социальной жизни, теории и практики. Снобизм некоторых современных ученых ставит под сомнение право риторики называться наукой. Но риторика имеет все признаки гуманитарной науки: ее предмет речь, общение; классическая риторика опиралась на обобщенный опыт, современная, кроме того, – на закономерности речевой деятельности. Риторика имеет богатейшую историю и литературу, прочные связи с философией, логикой, психологией, поэтикой, языкознанием.

В разные эпохи она была востребована обществом, что наблюдается и сегодня.

По мнению исследователей, в настоящее время существует несколько концепций риторики: 1) неориторика Брюссельской школы (Х. Перельман, Л. Одьбрехт-Тытека), развивающая анализ логической аргументации в дискурсе; 2) американские исследования коммуникации как убеждения; 3) лингвистическая неориторика франко-бельгийской школы (группа «Мю»), исследующая литературность дискурса.

Неориторика (термин Х. Перельмана) создается усилиями представителей многих гуманитарных дисциплин (лингвистами, теоретиками литературы, логиками, философами).

В США популярна риторическая критика и методология. Искусство речи рассматривается в США как важная часть общего образования, как один из важных компонентов успеха в любой сфере деятельности. Риторика обучает идеям американизма, как государственной политики и идеологии государства.

## Ахмедова Лала ФАРМАН КЫЗЫ

В 60-е годы риторика включалась в общую систему средств коммуникации. «Индустрия коммуникации» нуждается в активных и умелых исполнителях, и риторика призвана их воспитать. Риторике оказываются подчиненными лингвистика, информатика, социология.

В основе публичной речи – декларация всеобщего блага как главная этическая и социально-экономическая проблема.

Объем публикаций по практической и теоретической риторике в США огромен. Преподавание риторики входит как обязательный предмет во все учебные программы на всех ступенях образования; издаются огромное число руководств и учебников.

Системные исследования по риторике во Франции долгое время отсутствовали. Это обстоятельство связано с тем, что французская филология была антириторична. Показательна теория «шагреновой кожи»: «согласно последней, в рамках новых европейских риторик можно говорить лишь о «переводе» греко-латинского риторического канона на национальные языки». Такое представление ныне признано ошибочным.

Франция может считаться наиболее ярким продолжателем мастерства политического красноречия, причем в трех его вариантах:

- а) красноречие, рожденное на баррикадах так называемой Великой французской революции;
- б) парламентское красноречие, сложившееся в Национальном собрании в XIX веке;
- в) дипломатическое общение.

В настоящее время во Франции риторика существует в рамках литературной семантики и лингвистики, во франкоязычном ареале (Франция, Бельгия) разрабатывается аргументативная риторика, неориторика (текст и его интерпретация).

Теория риторики в России получает развитие в 20-е годы XX века в связи с огромным интересом к практике ораторской, политической речи, митингового красноречия, охватившего широкие массы. Риторика рассматривается как искусство воздействия с помощью различных языковых средств.

В развитых странах, включая Россию, формируется современная риторика – *ghetoricha nova*. «Информационное общество несет новый стиль жизни и требует новой риторики». Она должна быть в высшей степени оперативной, обеспечивать умение ориентироваться в потоке жизни и в лабиринтах текстов, информации, уметь тонко понимать возможные смыслы высказываний, моментально реагировать. Если старая риторика определяла позицию автора и лишь учитывала личность слушающего (адресата), то современная риторика биполярна, диалогична, ситуативна, больше обращена к импровизации на основе максимальной готовности, моментальной ориентировки. Это требует огромно-

го объема знаний, гибкого интеллекта, высочайшей языковой готовности.

Поэтому риторика опирается на высокий уровень владения языком (и языками) и культурой речи в широком понимании этого термина. Языковая культура, обогащенная риторическим опытом, современными теориями паралингвистики, дискурса, семиотики, прагматики языка, психологии речи, логики, подкрепленная артистизмом, призвана обеспечить формирование интеллектуально и нравственно совершенной личности.

Центры по изучению риторики работают в России – МГУ, МПГУ, МПУ, в Перми, Екатеринбурге, Саратове, Волгограде, Красноярске. В январе 1997 года в Москве была проведена первая Московская Всероссийская конференция по риторике. Создана Российская ассоциация исследователей, преподавателей и учителей риторики.

История ораторского искусства в Азербайджане при всех его традициях и своеобразии исследована мало. Между тем, этот материал нуждается в глубоком и объемном анализе.

Традиции современного ораторского искусства восходят к мусульманской духовной риторике и политическому красноречию, сложившемуся в начале XX века в период существования демократического государства Азербайджан в 1918-1920 годы. В истории мусульманского красноречия оратор – хатиб был приравнен к поэту, дарование которого считалось «сверхчеловеческим, божественным». Наделенный этим качеством человек – частица божественного разума. Хотя ораторское искусство не играло в общественной жизни на мусульманском Востоке той роли, какая отводилась ему в эллинистическом мире, тем не менее оно выработало свою систему средств воздействия, частично перенесенных и в современную ораторскую практику.

Риторика – единый концепт государственной идеологии. Ряд исследований посвящен стилистическому мастерству речей президентов.

К 75-летию выдающегося политического лидера XX века Гейдара Алиевича Алиева издательство «Мутарджим» выпустило сборник, посвященный роли Г. Алиева в истории русской культуры, включавший статьи о структуре его ораторского мастерства.

Г. А. Алиев не прошел никаких «филологических академий», где учат настоящему ораторскому искусству. Он прошел академию жизни, борьбы, терний времени и великих перестроек в общественно-политической жизни и выпестовал свою модель, свой образец красноречия: «Истинное красноречие не нуждается в науке красноречия, как истинная нравственность не нуждается в науке о нравственности», – сказал Блез Паскаль.

Высокая сила воздействия политического слова, вдохновенное, импровизированное, обращенное к

## КУЛЬТУРА РЕЧИ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ РИТОРИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

человеческой массе, характеризует риторику Гейдара Алиева. Немецкая поговорка гласит: «Слова королей – короли слов».

Речь каждого политического лидера индивидуальна с точки зрения наличия в ней средств выражения, композиции, общей структуры высказывания. Это может быть мягкое доверительное обращение, полное сердечной искренности, эмоционально насыщенное чувством уважения и любви к своим слушателям.

Любопытно, что по представлениям арабов ораторское мастерство переселялось в преемников.

Высокая сила воздействия политического слова свойственна и Президенту Азербайджанской Республики Ильхаму Гейдаровичу Алиеву.

К примеру, хотелось бы рассмотреть речь Президента Азербайджанской Республики Ильхама Гейдаровича Алиева, которая была произнесена на торжественной церемонии, посвященной 60-летию МГИМО, выпускником которого является Ильхам Алиев, единственный пока среди выпускников этого института – Президент.

Прежде всего, хочу подчеркнуть, что Ильхам Алиев – человек, владеющий несколькими языками, а русским, без преувеличения, блестяще. Об этом сказал в завершение своей речи ректор МГИМО Анатолий Торкунов. Выступление президента по традиции началось с обращения «Дорогие мгимовцы! Дорогие друзья!». Далее Президент охарактеризовал годы пребывания в институте, как лучшее время своей молодости, становления, он отдал дань уважения своим учителям, которые вложили много сил в формирование будущих дипломатов. И. Алиев отметил, что в многонациональном коллективе МГИМО учились

люди из разных стран, и многие выпускники этого института работают сейчас в Азербайджане на самых ответственных государственных должностях. В речи было уделено внимание отношениям Азербайджана и России, строящимся на взаимодействии и двусторонней основе, в которых выявляются общие взгляды на мировые процессы, на актуальные проблемы современности и т.д.

Следует отметить, что речь И. Алиева не носила сугубо официальный, церемониальный характер. В ней было сказано много теплых слов о своих сокурсниках, друзьях. Ильхам Алиев был связан с МГИМО в течение 10 лет, был преподавателем этого института и продолжил те традиции, которые он воспринял в начальные годы обучения.

Стилистический анализ этой речи обнаруживает лучшие качества, свойственные азербайджанской ораторской школе: изящество, простота и вместе с тем следование лучшим образцам ораторского искусства, в котором всегда выявляется интеллект, образование, образованность, владение нормами литературного языка.

Философ – «неориторическая личность», создатель культуры, ценностных суждений.

Главным понятием новой риторики является идея аудитории, так как убеждение возможно только через согласие аудитории, к которой обращена аргументация и которая может понять и оценить силу аргументов и принять участие в дискурсе.

Формирование многопартийной системы в Азербайджане, строительство подлинно демократического общества предусматривает профессиональное овладение ораторскими навыками.

### Литература:

1. Львов, М.Р. Риторика. Культура речи. – Москва: Академия, 2003.
2. Грановская, Л. М. Риторика. – Баку: Мутарджим, 2000.
3. Клюев, Е. В. Риторика. – Москва: Издательство ПРИОР, 1999.
4. Корнилова, Е. Н. Риторика-искусство убеждать. Издат-во УРАО, 1998.
5. Марченко, О. И. Риторика как норма гуманитарной культуры. – Москва: 1995.
6. Михальская, А. К. Основы риторики: Мысль и слово. – Москва, 1996.
7. Мурашов, А. А. Основы педагогической риторики. – Москва, 1996.

### Summary

In the modern world with its mighty means of the information the role of an oral live word – of public speech is rather considerable.

The changes occurring in our life, have introduced certain changes in sphere of speech dialogue. For today nobody can call in question importance and necessity of oratorical abilities. Multi-party system formation in Azerbaijan, building of originally democratic society provides professional mastering by oratorical skills.

## Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология»

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. В конце текста статьи необходимо указывать электронный адрес автора (авторов). Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц (14 шрифт, 1,5 интервала) и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии;
- электронный адрес и телефон автора (соавторов).

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан – новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – [www.world-tourism.org](http://www.world-tourism.org).
7. В электронных источниках является обязательным указание даты доступа (обращения). Израиль ведет кибервойну против Ирана? – [http://aze.az/news\\_izrail\\_vedet\\_kibervoynu\\_57001.html](http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html) (29.04.2011 16:08).

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной работы. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.



International scientific journal  
**LAW AND POLITOLOGY**

Международный научный журнал  
**ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ**

№ 31

Подписанно в печать: 20.09.2015

Формат 60×84 1/8

Объем 8,5 п. л.

Заказ № 122

Тираж 500



„Print-Caro” SRL, 2014  
MD-2049, m. Chişinău,  
str. Mirceşti 22/2  
tel/fax /373 22/ 931-653